

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://batyushkov.ru/> приятного чтения!

Стихотворения. К. Н. Батюшков

Издание подготовлено к 200-летию со дня рождения К. Н. Батюшкова.

Имя Батюшкова в нашем сознании – рядом с пушкинским. Мы говорим: Пушкин – и не нуждаемся в уточняющих инициалах, хотя помним о том, что в русской литературе у него были и родственники и однофамильцы. В то время, когда писал Батюшков, такие уточнения не показались бы лишними. В 1817 году в письме П. А. Вяземскому он направил шуточный запрос «Арзамасу», прося разрешить его недоумение, касающееся трех московских Пушкиных, – и все поэты!

К этому времени Батюшков не только знал о четвертом, но и посетил его в Лицее. В ряду пушкинских учителей, его старших друзей Батюшков стоит отдельно. Может быть, никто не предсказал явление Пушкина полнее и определеннее, чем он. Отсюда и пушкинское восхищение его стихами, и острота неприятия в них того, что ощущалось как уже пережитое, пройденное тогда, когда русская поэзия стремительно уходила вперед. Молодость Пушкина, самое начало успел захватить Батюшков, чтобы перед своим ранним закатом почувствовать силу юного поэта: «О! Как стал писать этот злодей!»

Они познакомились, говорили о стихах. Старший, к этому времени прошедший войну, переживший отчаянье в сожженной Москве и триумф победы в поверженном Париже, готовый забыть то, что казалось теперь поэтическими безделками и у себя и у других, советовал не тратить времени и увлечься темой важной, героической. Лицеист, однако, проявил характер, упорствовал и ответил посланием, где, цитируя Жуковского, оставлял за собой право выбирать: «Будь каждый при своем...»

Так кончалось второе пушкинское послание, а в начале первого – прекрасная характеристика Батюшкова, увиденного через его эпикурейские, небывало легкие, гармоничные стихи: «Философ резвый и пиит, // Парнасский счастливый ленивец...» и чуть дальше – «радости поэт».

Спустя полтора десятилетия, в 1830 году, Пушкин посетит уже давно и безнадежно больного Батюшкова, который его не узнает. «Не дай мне бог сойти с ума...» – не тогда ли начало складываться это пушкинское стихотворение?

Не так уж редко имена оказываются известнее стихов. Что мы помним из Батюшкова? Человек, любящий поэзию, не может не знать того, что стало классикой: «Тень друга», «Таврида», «Вакханка»... И, конечно, «Мой Гений», первые строки из которого приобрели ту высшую степень известности, когда имя автора может быть забыто, а стихи помнятся, принадлежащие то ли литературе, то ли уже самому языку:

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной...

До сих пор исследователи разгадывают странную оценку этих строк, оставленную Пушкиным. Вероятно, в 1824–1825 годах в Михайловском, когда Пушкин готовил свой первый поэтический сборник, он внимательно, с карандашом и пером в руке перечитал второй – стихотворный – том батюшковских «Опытов в стихах и прозе», вышедших в 1817 году и ставших настоящим событием. Восторженные оценки на полях чередовались с критическими, подчас резкими. Напротив стихотворения «Мой Гений» Пушкин написал: «Прелесть, кроме первых 4».

То есть кроме тех строк, которые помнятся прежде всего. Почему? Почему Пушкин не оценил то, что станет любимым и известным?

Предполагают разное. Пытаются объяснять в пользу Батюшкова, защищая любимые строки от пушкинской несправедливости. Быть может, говорят, Пушкин в силу его молодости не ощутил в них глубины психологической. Едва ли. Скорее дело в другом, – в особом пушкинском чувстве индивидуального стиля, стиля личности. В том чувстве, следуя которому он многократно правил собственные стихи, добиваясь, чтобы не просто хорошо было сказано, но сказано – свое.

Пушкин критически расценивал не только те или иные строчки Батюшкова, но те или иные стороны его таланта: «Как неудачно почти всегда шутит Батюшков!» Еще по его пометам складывается впечатление, что он мог бы сказать: «Как неудачно рассуждает Батюшков». И тот бы, наверное, согласился, потому что и сам так

думал: «Рассуждать несколько раз пробовал, но мне что-то все не удается...»

Во всяком случае программных батюшковских стихов Пушкин не принял. Не принял «Мечту», которую Батюшков переписывал полтора десятилетия, пытаясь создать оду воображению, вслед Карамзину доказать, что лишь «мечтание – душа поэтов и стихов», только в мечте – счастье. Холодно отнесся Пушкин и к «Умиравшему Тассу». Этой элегией Батюшков предполагал открыть переиздание «Опытов», считая ее своим лучшим стихотворением. Многие современники были с этим согласны, но не Пушкин, находивший Тассо в изображении Батюшкова лишенным своей страстной натуры.

Страсть и поэзию в батюшковских стихах он видел не там, где шло рассуждение, каким быть поэту, как мечтать, что помнить, но там, где мечта без лишних слов одухотворялась памятью, подсказавшей первый звук, за которым – почти как в сказке, за волшебной музыкой, – пораженному взору является играющая красками картина. Так ведь и в «Моем Гении», где после первых четырех строк память рисует образ несравненной пастушки:

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся власов.

Какое быстрое и, как бы в то время сказали, роскошное воображение! Как мало слов – и как много мы видим. Именно видим – в цвете, в движении, усиленном троекратным повтором: «помню», – и струящимся звуком и легкой интонацией.

Легкой называл свою поэзию и сам Батюшков. Изначально этот эпитет применительно к поэзии имел терминологическую силу – обозначал определенный жанр, хотя и не строгий, к которому могли быть отнесены самые разнообразнейшие стихи, написанные по случаю, вслед беглому чувству или впечатлению. Однако именно в батюшковской поэзии легкость стала свойством ее самой, всего ее стиля, проникнутого присутствием автора, который представляет нам не то, что можно увидеть везде и всегда, но что он сам и именно сейчас видит, переживает.

Зримость – отчетливое качество пластических батюшковских образов, отличающее его от очень близкого ему поэта-современника В. А. Жуковского. Их реально существующую близость иногда преувеличивали, представляя неким тождеством манеры, движением по одному пути – к Пушкину. Пути были параллельные, но все же разные. И если их продолжать уже за пределами пушкинской эпохи, можно сказать, что Жуковский с его погоней за невыразимым, ускользающим от грубого чувственного прикосновения, предвосхищает фета, Батюшков же – Тютчева, тоже пережившего романтическое сомнение в силе слова, в его способности сохранить глубину душевных впечатлений и все же ведущего в своих стихах нескончаемый диалог души и природы, в котором духовное, незримое опредмечивается, расцветает и получает чувственное выражение.

К этому слову прибегнул и Батюшков, когда в одном из последних писем, уже подводя окончательный итог сделанному в поэзии, сказал о себе как об авторе, «который в стихах, может быть, имеет одно достоинство – в выражении...»

Понимать сказанное можно по-разному. Можно сузить смысл высказывания до оценки поэтического стиля, которому Батюшков придал необычайную гибкость и совершенную гармонию. Можно говорить также о небывалой до него полноте самовыражения: «И жил так точно, как писал...», можно подразумевать живописную изобразительность образа... Однако вернее всего будет не останавливать выбор на чем-то одном, тем более что каждое из названных свойств его поэтической выразительности продолжается в другом и без него невозможно. Острота зрения возрастает по мере того, как наблюдающий осознает свою индивидуальность и особенность своего взгляда, сказывающуюся в стихе особенностью выражения.

Но разве мало у Батюшкова штампов поэтического языка и традиционной образности, скажем, мифологических отсылок? Много, очень много, ибо, создавая свой стиль, он, подобно Пушкину после него, ничего не отбрасывает, но всему дает новое направление и новую жизнь. Мифологических отсылок к одному из самых любимых им периодов мировой культуры – к античности, у Батюшкова даже больше, чем мы обычно замечаем.

В современных изданиях слово «гений», в том числе и в названии стихотворения

«Мой Гений», печатают со строчной буквы. Понятное стремление следовать правилам новой орфографии. Но ведь старые поэты писали по старой орфографии, и, выправляя их стихи, мы порой уничтожаем рифмы, искажаем смысл или, по крайней мере, не замечаем чего-то важного. И в данном случае мы не замечаем, что для Батюшкова Гений – персонаж мифологический, тот дух, который, по представлениям древних, сопровождает человека в течение всей его жизни, охраняет его. Это младшее божество, принадлежащее тем Ларам и Пенатам, которым поэтически поклонялся Батюшков.

Мифологическое понимание слова принадлежало времени, так же оно употреблено и у Жуковского: в стихотворении «К мимо-пролетевшему знакомому Гению» и в строке, властно присвоенной себе Пушкиным (присвоенной по праву гения в современном смысле слова): «Гений чистой красоты...»

Батюшков и Жуковский сходятся в мифологическом понимании образа, но и более ни в чем. Для Жуковского духовное лишь как бы незримым присутствием веет, сквозит в предметном мире. Для Батюшкова сам мифологический персонаж легко оживает, обретая форму и образ. Его Гений – его возлюбленная, являющаяся ему условной пастушкой, которая, однако, увидена так явственно, чувство к которой так лично и неподдельно, что мы забываем о пасторальной условности и вспоминаем о том, что именно в этот момент – летом 1815 года – Батюшков болезненно переживал разрыв и разлуку с Анной Фурман. Способность высветлять в стихах то, что тяжело давило, мучило в реальности, еще не вовсе оставила его.

Так же легко, как он умел реальность облекать покровом мечты, он и саму эту мечту представлял реальностью, красочной и волнующей. Мифологическая образность у Батюшкова менее всего выглядит бутафорской. Следуя за поэтом, мы никогда не ощущаем себя среди музейных экспонатов: гравюр ли с мифологическими эмблемами или мраморных статуй. Под его прикосновением все тотчас же приходит в движение: на розовых конях снисходит Аврора, «урну хладную вращая, Водолей валит шумящий дождь», являются Мольба смиренная и быстрая Обида... И сам поэт легко переносит себя в одухотворенный его мечтой мир, так что с равным правом его лирическое «я» звучит в послании кому-либо из друзей и в «Вакханке», где он предстает среди участников древнего празднества:

Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг – она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвэ! и неги глас!

Стихотворение даже для Батюшкова – ведь мы, читатели, скоро привыкаем к достоинствам – поразительно пластикой: все зримо, все слышимо... Первый же звук – как бы издали донесшийся многоголосый, неистовый крик вакханок – будит воображение, и до конца последней строфы, кольцом замыкающей всю композицию, нас не отпускает ощущение уводящего за собой стремительного бега. Погоня, в которой мы то ли свидетели, то ли участники, ибо подчинились ритму, заданному поэтом:

Эвры волосы вззевали.
Перевитые плющом:
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом...
Вззевали – перевитые – свивали – обвитый... Созвучные глаголы выются, как в воронку затягивают, кружат голову – так что едва успеваешь различать мельканье летящих, на бегу брошенных цветочных пятен:

И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград...

«Вакханка» – один из многочисленных у Батюшкова переводов Парни, легкого, изящного французского поэта. В переводах, точнее – в переложениях изящества не меньше, чем в оригинале, но гораздо более силы, более жизни. Это и понятно: Парни как бы иллюстрировал, подсвечивал миф игрой воображения, Батюшков же

переносился в этот вымышленный мир, оживляя его своим «я», которого даже номинально в тексте Парни не было: вакханку преследовал пастушок Миртис.

«Смело и счастливо», – пометил на полях «Вакханки» Пушкин, и эта помета может быть отнесена ко всему стихотворению, Пушкин вообще был готов в большей мере оценить те стихи Батюшкова, в которых поэт вступал в круг образов условных, своим присутствием давая им новую жизнь, и в меньшей – те, в которых условное нарочито соседствует с реальным. «Моим Пенатам», стихотворению прославленному, вызвавшему многие подражания (в том числе и пушкинское – «Городок»), Пушкин делает упрек: «Главный порок в сем прелестном послании – есть слишком явное смешение обычаев мифологических с обычаями подмосковной деревни».

Да, подмосковной или вологодской деревни, ведь Батюшков родился в Вологде, детство провел в Даниловском, в нескольких верстах от Устюжны. Позже он ежегодно и надолго приезжал в доставшееся им с сестрами по разделу имение рано умершей матери – Хантоново под Череповцом. Там написаны многие стихи, в том числе и «Мои Пенаты».

Поместная жизнь на русском Севере была тише, беднее, чем в центре. Все же вокруг Вологды в ту пору можно было насчитать несколько фамилий, пусть не громко, но прозвучавших в литературе: Олешевы, Брянчаниновы, Межаковы...

XVIII век был временем, когда провинциальные дворянские гнезда превращались в один из центров новой культуры. После того, как в первой четверти столетия прошумела гроза петровских преобразований, все как будто снова улеглось, успокоилось, и дворянское сословие вырвало у преемников Петра признание своей вольности, состоявшей в праве выбирать между государственной службой (при Петре обязательной) и привольным житьем на покое в своих вотчинных владеньях. Многие тогда выбрали покой, не обремененный лишними заботами и лишними знаниями. Культура же, по острому слову В. О. Ключевского, приставала к ним, «как пыль к колесу».

Однако постепенно вслед выписным модам потянулись в провинцию и книги выписные, зашелестели страницы коричневых томиков в кожаных переплетах. Образованность требует досуга, которого более чем достаточно в деревенском уединении, не раз воспетом Батюшковым.

Впрочем, воспитание Константина не было деревенским. В десять лет он уже в Петербурге, во французском, потом в итальянском частном пансионе и под надзором своего родственника М. Н. Муравьева, поэта, которому он многим обязан, человека широко образованного и влиятельного – бывшего воспитателем цесаревича Константина, а позже попечителем Московского университета, сенатором.

Литературный дебют Батюшкова пришелся на «дней Александровых прекрасное начало». Каждый год – новые литературные журналы, салоны, общества. Сначала в доме Муравьевых Батюшков завязывает первые знакомства, потом – в 1805 году – делается членом «Общества любителей российской словесности, наук и художеств», где силен дух радищевских идей. За свою недолгую жизнь в литературе Батюшков был пригласаем и вступил во многие общества, но, может быть, только в этом да десятилетием позже в «Арзамасе» он чувствовал себя своим. Верность друзьям он ставил выше верности литературным программам и скептически наблюдал, как тут и там объединялись «любители словесности», которых он в письме к Н. И. Гнедичу назовет и «губителями» и «рубителями», а о своем вступлении в московское общество при университете сообщит, перефразируя Державина: «Я истину ослам с улыбкой говорил».

Батюшков не был создан для литературной борьбы. Мечтательный и нежный в своем любимом жанре – в элегии, он умел быть резким в эпиграмме, в сатире, но литературу он всегда любил более тех обществ, в которых состоял. Он с готовностью признавал, когда ее видел, правоту за своими противниками, чувствовал их достоинства. Позволил же он в «Видении на брегах Леты» спастись, хотя и не без труда, главе противоборствующей партии архаистов – А. С. Шишкову, утопив при этом в волнах реки забвения правоверных эпигонов карамзинизма.

В «легкой поэзии» Батюшков шел путем М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина, но дальше их, достигая большего совершенства. Он начал с того, что понял: одическое громогласие не для него. Не для него высокий штиль славянской архаики. Пусть поэзия черпает силу, как учил Карамзин, из живой речи и сама влияет на речь, а

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

через нее – на нравы, воспитывая общество, пробуждая в нем «людскость». Об этом его программное слово (его-то он и преподнес в качестве истины «Любителям словесности» при Московском университете) «О влиянии легкой поэзии на язык», которым Батюшков предполагал предварить переиздание стихотворной части «Опытов», но не успел осуществить задуманного.

«Легкие стихи – самые трудные». Батюшков имел право так сказать, хотя это утверждение не во все времена верно. После Пушкина поэтическая легкость станет уделом эпигонов, только ленивый не пишет стихов! Другое дело – до Пушкина, пока сам язык еще не приобрел способности к выражению «тонких идей» и когда легкость являлась как результат преодоленной трудности, давалась с усилием. «В бореньях с трудностью силач необычайный...» – вполне можно было бы сказать и о Батюшкове. Во всяком случае, в русской поэзии он достоин своего арзамасского прозвища – Ахилл, хотя и в шутку ему данного, за непоседливость – по сходству с быстроногим греком и одновременно за малый рост и хрупкое телосложение: «Ах – хил!»

Легкости, звучной и гибкой мысли искал он в русском языке, временами отчаиваясь ее добиться: «И язык-то сам по себе плоховат, грубенек, пахнет татарщиной. Что за ы? Что за щ, что за ш, ший, щий, при, тры? О варвары! А писатели? Но бог с ними! Извини, что я сержусь на русский народ и его наречие. Я сию минуту читал Ариоста, дышал чистым воздухом флоренции, наслаждался музыкальными звуками авзонийского языка...»

Письмо к Н. И. Гнедичу, едва ли не самому близкому батюш-ковскому другу, написано в конце 1811 года. К этому времени Батюшков уже участвовал в войне, получил ранение, но еще впереди для него и для всей русской армии – победоносный поход по Европе, закончившийся в Париже. Важный для русского самосознания исторический опыт, приобретя который Батюшков и о языке скажет иначе: «Каждый язык имеет свое словосочетание, свою гармонию, и странно было бы русскому, или италианцу, или англичанину писать для французского уха, и наоборот. Гармония, мужественная гармония не всегда прибегает к плавности».

Мужественнее и совершеннее зазвучит и гармония батюшковского стиха, в котором отзовется гордость победителя, заговорившего в тишине после битвы, заговорившего с уверенностью, что его слово, спокойное и торжественное, будет услышано:

И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы с свободой и громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улей и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули за честь твоих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блаженство россиян..

Какая поэзия в перечислении географических имен, поэзия, рождающаяся от того, что география на наших глазах одухотворяется историей, и Россия, бывшая до тех пор для Европы чужим и странным именем, за которым скрылись безграничные дикие пространства, вдруг явилась в самом сердце цивилизованного мира победителем, гордым и великодушным. Исторически – сбывалось то, что начал Петр. Поэтически – завершалось то, что предсказал восторг ломоносовских од, одухотворенный верой в будущее России, впервые наполнивший ее имя поэзией. Если же перевести взгляд с прошлого в будущее, уже готовое наступить, то вполне уместно вспомнить слова Белинского о Батюшкове: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...» И даже более того – зрелого Пушкина, автора «Полтавы» и «Медного всадника».

Каково же место Батюшкова в русской литературе, кто он в терминах историко-литературных? Сентименталист, романтик или кто-то еще? И не то, и не другое, и не третье, хотя и то, и другое... Дело здесь даже не в самом Батюшкове, не только в его сложности, присущей каждому крупному писателю и выходящей за рамки любых однозначных определений. Дело прежде всего – в судьбе русской литературы, которая за несколько десятилетий ускорила проходила тот «курс», который для литературы английской или французской растянулся на несколько веков. Вот почему в творчестве каждого значительного русского писателя – от Ломоносова

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

до Пушкина – есть черта и Возрождения и Просвещения... Постепенно выравнивался исторический шаг с современными европейскими литературами, но попутно доделывалось то, что было некогда пропущено: формировался язык национальной культуры, которая овладевала просвещенной мыслью, в том числе и центральным для нее понятием – о достоинстве и величии человека.

Трудно сказать, пережил ли кто-либо из русских поэтов столь же восторженно и вдохновенно, как Батюшков, чувство участия в европейской культуре, принадлежности всему, что есть в ней лучшего, достойного, прекрасного. Это было чувство полноты и полноправности обладания, что Батюшков и выразил в заглавии, данном мыслям из записной книжки – «Чужое: мое сокровище». То, что прежде было чужим, понятное и пережитое, становилось своим, не повторялось, а создавалось заново и по-своему. Батюшков еще и потому насмешливо, несерьезно смотрел на борьбу литературных обществ, что самого себя и своих друзей-единомышленников ощущал состоящими в том обществе, где сочленами – Гомер, Тибулл, Петрарка. Тассо, Парни, Шиллер, то есть все, кого он переводил, перелагал, в ком ловил отражение собственных чувств, кто для него были домашними богами-покровителями, его Пенатами.

И еще одно имя – Байрон. Батюшков в числе первых начал переводить в России его, своего сверстника, ставшего символом нового искусства – романтического. Принадлежал ли этому искусству и сам Батюшков?

В его творчестве перед нами не готовое, но как бы становящееся романтическое сознание. Сознание, которое вначале еще слишком погружено в открывшийся ему чудесный мир красоты, поэзии, чтобы глубоко задуматься о том – достижима ли эта красота, доступна ли мечта. Вначале достаточно того, что она, возвышающая мечта, есть, – в ее присутствии легко проходят первые приступы меланхолии. Батюшков еще во многом классичен в своих эстетических привычках: он говорит, оглядываясь назад, подкрепляя себя лучшими образцами, которые, правда, он выбирает свободно, по своему усмотрению и которыми собственного выражения нимало не сковывает. Скорее он их заставляет приспосабливаться к себе, чем себя к ним, значительно усиливая в них то, что сам хотел бы сказать.

Высший момент одушевления, радости в его жизни и творчестве будет и началом болезненного разочарования. Прекрасно чувствовать себя победителем в центре Европы, но тяжким предчувствием томило возвращение. В «Судьбе Одиссея» Батюшков готов объяснить себя в образе гомеровского героя: «...Проснулся он, и что ж? Отчизны не познал». Аналогия едва ли верная. Скорее батюшковское чувство при возвращении совпало с тем, что пережили многие русские офицеры: слишком хорошо они узнавали все то, что оставили, находя неизменным. Это было страшным, заставляя одних помышлять о тайных союзах, повергая в уныние других:

Числа по совести не знаю,
Здесь время скованно стоит...

Многое соединилось в эти годы в судьбе Батюшкова: и личная драма, и личная неустроенность человека необеспеченного, для службы не созданного, беспокойного. Что же, так и оставаться «господином поэтом»? Ни славы, ни денег это не сулило. В таких обстоятельствах особенно тяжело ощущаются ковы времени и особенно безысходно:

Премудро создан я, могу на Вас сослаться:
Могу чихнуть, могу зевнуть;
Я просыпаюсь, чтобы заснуть,
И сплю, чтоб снова просыпаться.
Стихи сбивающиеся, неправильные, во время болезни написанные.

...Рисунок середины прошлого века: спиной к зрителю перед открытым окном стоит невысокий, коротко стриженный человек в долгополом сюртуке и в ермолке. Батюшков в вологодском доме своего родственника Гревенса, где он и прожил последние двадцать два года. Все неподвижно, скованно, как всегда на любительских рисунках, – как будто время остановилось. Как будто оно замерло для Батюшкова в видимых из окна куполах Софийского собора. Для него, кто так явственно умел слышать шум времени, ощущать его полет, обдающий холодком неизбежной смерти и обостряющий чувство красоты, ускользящей прелести бытия, и еще – при виде этих застывших куполов вспоминается, каким живым историческим чувством обладал Батюшков: его поэтического прикосновения было достаточно, чтобы прошлое зазвучало, пришло в движение, чтобы древние башни, стены, перестав казаться

мертвым камнем, предстали как «свидетели протекшей славы и новой славы наших дней».

Эти строчки в числе многих других отозвались у Пушкина – он повторил их в своих стихах, – напоминая, как много батюшковского отзывается и остается в русской поэзии.

И. Шайтанов

ОПЫТЫ В СТИХАХ

К ДРУЗЬЯМ

Вот список мой стихов,
Который дружеству быть может драгоценен.
Я добрым Гением уверен.
Что в сем Дедале рифм и слов
Недостает искусства:
Но дружество найдет мои, в замену, чувства
Историю моих страстей,
Ума и сердца заблужденья,
Заботы, суеты, печали прежних дней
И легкокрылы наслажденья;
Как в жизни падал, как вставал,
Как вовсе умирал для света,
Как снова мой челнок фортуне поверял..
И словом, весь журнал
Здесь дружество найдет беспечного Поэта,
Найдет и молвит так:
«Наш друг был часто легковерен;
Был ветрен в Пафосе; на Пинде был чудак;
Но дружбе он зато всегда остался верен;
Стихами никому из нас не докучал
(А на Парнасе это чудо!)
И жил так точно, как писал..
Ни хорошо, ни худо!»
1815

ЭЛЕГИИ

УМИРАЮЩИЙ ТАСС

...E come alpestre e rapido torrente,
Come acceso baleno
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come stral repente,
Volan le nostre fame: ed ogni onore
Sembra languido fiore!

Che piu spera, o che s'attende omai?
Dopo trionfo e palma
Sol qui restano all'alma
Lutto e lamenti, e lagrimosi lai.
Che piu giova amicizia o giova amore!

Ahi lagrime! ahi dolore!

«Torrismo». Trag. di T. Tasso[1]

Какое торжество готовит древний Рим?
Куда текут народа шумны волны?
К чему сих аромат и мирры сладкий дым.
Душистых трав кругом кошницы полны?
До Капитолия от Тибровых валов,
Над стогнами всемирный столицы,
К чему раскинуты средь лавров и цветов
Бесценные ковры и багряницы?
К чему сей шум? К чему тимпанов звук и гром?
Веселья он или победы вестник?
Почто с хоругвией течет в молитвы дом
Под митрою апостолов наместник?
Кому в руке его сей зыблется венец,
Бесценный дар признательного Рима;
Кому триумф? Тебе, божественный певец!
Тебе сей дар... певец Ерусалима!
И шум веселия достиг до кельи той,
Где борется с кончиною Торкватто:
Где над божественной страдальца головой
Дух смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноков мольбы,
Ни почестей столь поздние награды –
Ничто не укротит железный судьбы,
Не знающей к великому пощады.
Полуразрушенный, он видит грозный час,
С веселием его благословляет,
И, лебедь сладостный, еще в последний раз
Он, с жизнью прощаясь, восклицает:
«Друзья, о! дайте мне взглянуть на пышный Рим,
Где ждет певца безвременно кладбище.
Да встречу взорами холмы твои и дым,
О древнее квиритов пепелище!
Земля священная героев и чудес!
Развалины и прах красноречивый!
Лазурь и пурпуры безоблачных небес,
Вы, тополы, вы, древние оливы,
И ты, о вечный Тибр, поитель всех племен,
Засеянный костями граждан вселенной –
Вас, вас приветствует из сих унылых стен
Безвременной кончине обреченной!
Свершилось! Я стою над бездной роковой
И не вступлю при плесках в Капитолий;
И лавры славные над дряхлой головой
Не усладят певца свирепой доли.
От самой юности игралище людей,
Младенцем был уже изгнанник;
Под небом сладостным Италии моей
Скитаясь, как бедный странник,
Каких не испытал превратностей судеб?
Где мой челнок волнами не носился?
Где успокоился? Где мой насущный хлеб
Слезами скорби не кропился?
Сорренто! колыбель моих несчастных дней,
Где я в ночи, как трепетный Асканий,
Отторжен был судьбой от матери моей,
От сладостных объятий и лобзаний:
Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!
Увы! с тех пор, добыча злой судьбины,
Все горести узнал, всю бедность бытия.
Фортуною изрытые пучины
Разверзлись подо мной, и гром не умолкал!
Из веси в весь, из стран в страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искал:

Повсюду перст ее неотразимый!
 Повсюду – молнии, карающей певца!
 Ни в хижине оратая простова,
 Ни под защиту Альфонсова дворца,
 Ни в тишине безвестнейшего крова,
 Ни в дебрях, ни в горах не спас главы моей,
 Бесславием и славой удрученной,
 Главы изгнанника, от колыбельных дней
 Карающей богине обреченной...
 Друзья! но что мою стесняет страшно грудь?
 Что сердце так и ноет и трепещет?
 Откуда я? какой прошел ужасный путь
 И что за мной еще во мраке блещет?
 Феррара... Фурии... и зависти змия!..
 Куда? куда, убийцы дарованья!
 Я в пристани. Здесь Рим. Здесь братья и семья!
 Вот слезы их и сладки лобызанья..
 И в Капитолии – Вергилиев венец!
 Так, я свершил назначенное Фебом.
 От первой юности его усердный жрец,
 Под молнией, под разъяренным небом
 Я пел величие и славу прежних дней,
 И в узах я душой не изменился.
 Муз сладостный восторг не гас в душе моей,
 И Гений мой в страданьях укрепился.
 Он жил в стране чудес, у стен твоих, Сион,
 На берегах цветущих Иордана;
 Он вопрошал тебя, мутящийся Кедрон,
 Вас, мирные убежища Ливана!
 Пред ним воскресли вы, герои древних дней,
 В величии и в блеске грозной славы:
 Он зрел тебя, Готфред, владыко, вождь царей.
 Под свистом стрел спокойный, величавый;
 Тебя, младый Ринальд, кипящий как Ахилл,
 В любви, в войне счастливый победитель:
 Он зрел, как ты летал по трупам вражьих сил
 Как огонь, как смерть, как ангел-истребитель...
 И Тартар низложен сияющим крестом!
 О, доблести неслыханной примеры:
 О, наших праотцев, давно почивших сном.
 Триумф святой! Победа чистой веры!
 Торквато вас исторг из пропасти времен:
 Он пел – и вы не будете забвенны –
 Он пел: ему венец бессмертья обречен.
 Рукою Муз и славы соплетенный.
 Но поздно! я стою над бездной роковой
 И не вступлю при плесках в Капитолий,
 И лавры славные над дряхлой головой
 Не усладят певца свирепой доли!»
 Умолк. Унылый огонь в очах его горел,
 Последний луч таланта пред кончиной.
 И умирающий, казалось, хотел
 У Парки взять триумфа день единой
 Он взором все искал Капитолийских стен,
 С усилием еще приподнимался;
 Но, мукой страшную кончины изнурен,
 Недвижимый на ложе оставался.
 Светило дневное уж к западу¹ текло
 И в зареве багряном утопало;
 Час смерти близился... и мрачное чело
 В последний раз, страдальца просияло
 С улыбкой тихою на запад он глядел...
 И, оживлен вечернею прохладой,
 Десницу к небесам внимающим воздел,
 Как праведник, с надеждой и отрадой.
 «Смотрите, – он сказал рыдающим друзьям, –
 Как царь светил на западе пылает!
 Он, он зовет меня к безоблачным странам.

Где вечное Светило засияет...
Уж ангел предо мной, вожатай оных мест:
Он осенил меня лазурными крилами...
Приблизьте знак любви, сей таинственный крест...
Молитесь с надеждой и слезами...
Земное гибнет все... и слава, и венец...
Искусств и Муз творенья величавы:
Но там все вечное, как вечен сам творец,
Податель нам венца небренной славы!
Там все великое, чем дух питался мой,
Чем я дышал от самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Ваш друг достиг давно желанной цели.
Отыдет с миром он и, верой укреплен.
Мучительной кончины не приметит:
Там, там... о счастье!., средь непорочных жен,
Средь ангелов, Элеонора встретит!»
И с именем любви божественный погас;
Друзья над ним в безмолвии рыдали.
День тихо догорал... и колокола глас
Разнес кругом по стогнам весть печали.
«Погиб Торквато наш! – воскликнул с плачем Рим, –
Погиб певец, достойный лучшей доли!..»
Наутро факелов узрели мрачный дым;
И трауром покрылся Капитолий.
1817

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «УМИРАЮЩИЙ ТАСС»

Не одна история, но живопись и поэзия неоднократно изображали бедствия Тасса. Жизнь его, конечно, известна любителям словесности: мы напомним только о тех обстоятельствах, которые подали мысль к этой Элегии. Т. Тасс приписал свой «Иерусалим» Альфонсу, герцогу Феррарскому: («magnanimo Alfonso!..»); и великодушный покровитель, без вины, без суда, заключил его в больницу св. Анны, то есть в дом сумасшедших. Там его видел Монтань, путешествовавший по Италии в 1580 году. Странное свидание в таком месте первого мудреца времен новейших с величайшим стихотворцем!.. Но вот что Монтань пишет в «Опытах»: «Я смотрел на Тасса еще с большею досадою, нежели сожалением; он пережил себя; не узнавал ни себя, ни творений своих. Они без его ведома, но при нем, но почти в глазах его, напечатаны неисправно, безобразно». Тасс, к дополнению несчастья, не был совершенно сумасшедший и, в ясные минуты рассудка, чувствовал всю горесть своего положения. Воображение, главная пружина его таланта и злополучий, нигде ему не изменяло. И в устах он сочинял беспрестанно. Наконец, по усиленным просьбам всей Италии, почти всей просвещенной Европы, Тасс был освобожден (заключение его продолжалось семь лет, два месяца и несколько дней). Но он недолго наслаждался свободой. Мрачные воспоминания, нищета, вечная зависимость от людей жестоких, измена друзей, несправедливость критиков – одним словом, все горести, все бедствия, какими только может быть обременен человек, разрушили его крепкое сложение и привели по терниям к ранней могиле. Фортуна, коварная до конца, приготовляя последний решительный удар, осыпала цветами свою жертву. Папа Климент VIII, убежденный просьбами кардинала Цинтио, племянника своего, убежденный общенародным голосом всей Италии, назначил ему триумф в Капитолии. «Я вам предлагаю венок лавровый, – сказал ему папа, – не он прославит вас, но вы его!» Со времен Петрарка (во всех отношениях счастливейшего стихотворца Италии) Рим не видал подобного торжества. Жители его, жители окрестных городов желали присутствовать при венчании Тасса. Дождливое осеннее время и слабость здоровья стихотворца заставили отложить торжество до будущей весны. В апреле все было готово, но болезнь усилилась. Тасс велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия и там – окруженный друзьями и братией мирной обители – на одре мучения ожидал кончины. К несчастью, вернейший его приятель Костантини не был при нем, и умирающий написал к нему сии строки, в которых, как в зеркале, видна вся душа певца «Иерусалима»: «Что скажет мой Костантини, когда узнает о кончине своего милого Торквато? Не замедлит дойти к нему эта весть. Я чувствую приближение смерти. Никакое лекарство не излечит моей новой болезни. Она совокупилась с другими недугами и, как быстрый поток, увлекает меня... Поздно теперь жаловаться на фортуна, всегда враждебную (не хочу упоминать о неблагодарности людей!). Фортуна торжествует! Нищим я доведен ею до гроба, в то время как надеялся, что слава, приобретенная наперекор врагам моим, не будет для меня совершенно

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

бесполезною. Я велел перенести себя в монастырь св. Онуфрия не потому единственно, что врачи одобряют его воздух, но для того, чтобы на сем возвышенном месте, в беседе святых отшельников, начать мои беседы с небом. Молись богу за меня, милый друг, и будь уверен, что я, любя и уважая тебя в сей жизни, и в будущей – которая есть настоящая, – не премину все совершить, чего требует истинная, чистая любовь к ближнему. Поручаю тебя благодати небесной и себя поручаю. Прости! – Рим. – Св. Онуфрий». Тасс умер 10 апреля на пятьдесят первом году, исполнив долг христианский с истинным благочестием.

Весь Рим оплакивал его. Кардинал Цинтио был неутешен и желал великолепием похорон вознаградить утрату триумфа. По его приказанию, говорит Жингене в «Истории литературы итальянской», тело Тассово было облечено в римскую тогу, увенчано лаврами и выставлено всенародно. Двор, оба дома кардиналов Альдобрандини и народ многочисленный провожали его по улицам Рима. Толпились, чтобы взглянуть еще раз на того, которого Гений прославил свое столетие, прославил Италию и который столь дорого купил поздние, печальные почести!..

Кардинал Цинтио (или Чинцио) объявил Риму, что воздвигнет поэту великолепную гробницу. Два оратора приготовили надгробные речи, одну латинскую, другую итальянскую. Молодые стихотворцы сочиняли стихи и надписи для сего памятника. Но горесть кардинала была непродолжительна, и памятник не был воздвигнут. В обители св. Онуфрия смиренная братия показывает и поныне путешественнику простой камень с этой надписью: «Torquati Tassi ossa hic jacent»[2]. Она красноречива.

Да не оскорбится тень великого стихотворца, что сын угрюмого севера, обязанный «Иерусалиму» лучшими, сладостными минутами в жизни, осмелился принести скудную горсть цветов в ее воспоминание!

НАДЕЖДА

Мой дух! доверенность к творцу!
Мужайся; будь в терпенье камень.
Не он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти чья рука
Меня таинственно спасала
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,
И силу – в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатай неизменной?
Он! Он! Его все дар благой!
Он есть источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар его, и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный берег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?
1815

НА РАЗВАЛИНАХ ЗАМКА В ШВЕЦИИ

Уже светило дня на западе горит
И тихо погрузилось в волны!..
Задумчиво луна сквозь тонкий пар гляди

На хляби и брега безмолвны.
И все в глубоком сне поморие кругом.
Лишь изредка рыбарь к товарищам взывает,
Лишь эхо глас его протяжно повторяет
В безмолвии ночном.
Я здесь, на сих скалах, висящих над водой,
В священном сумраке дубравы
Задумчиво брожу и вижу пред собой
Следы протекших лет и славы:
Обломки, грозный вал, поросший злаком ров,
Столбы и ветхий мост с чугунными цепями,
Твердыни мшистые с гранитными зубцами
И длинный ряд гробов.
Все тихо: мертвый сон в обители глухой.
Но здесь живет воспоминанье:
И путник, опершись на камень гробовой,
Вкушает сладкое мечтанье.
Там, там, где вьется плющ по лестнице крутой
И ветер колышет стебель иссохшая полыни,
Где месяц осребрил угрюмые твердыни
Над спящею водой, –
Там воин некогда, Одена храбрый внук,
В беях приморских поседель,
Готовил сына в брань, и стрел пернатых пук,
Броню заветну, меч тяжелый
Он юноше вручил израненной рукой,
И громко восклицал, подъяв дрожащи длани:
«Тебе он обречен, о бог, властитель брани,
Всегда и всюду твой!
А ты, мой сын, клянись мечом своих отцов
И Гелы клятвою кровавой
На западных струях быть ужасом врагов
Иль пасть, как предки пали, славой!»
И пылкий юноша меч прадедов лобзал,
И к персям прижимал родительские длани,
И в радости, как конь при звуке новой брани,
Кипел и трепетал.
Война, война врагам отеческой земли! –
Суда наутро восшумели.
Запенились моря, и быстры корабли
На крыльях бури полетели!
В долинах Нейстрии раздался браней гром,
Туманный Альбион из края в край пылает,
И Тела день и ночь в Валкалу провождает
Погибших бледный сонм.
Ах, юноша! спеши к отеческим берегам.
Назад лети с добычей бранной;
Уж веет кроткий ветер вослед твоим судам,
Герой, победою избранной!
Уж скальды пиршество готовят на холмах.
Зри: дубы в пламени, в сосудах мед сверкает,
И вестник радости отцам провозглашает
Победы на морях.
Здесь, в мирной пристани, с денницей золотой
Тебя невеста ожидает,
К тебе, о юноша, слезами и мольбой
Богов на милость преклоняет..
Но вот в тумане там. как стая лебедей.
Белеют корабли, несомые волнами:
О, вей, попутный ветер, вей тихими устами
В ветрила кораблей!
Суда у берегов, на них уже герой
С добычей жен иноплеменных;
К нему спешит отец с невестою молодой
И лики скальдов вдохновенных.
Красавица стоит безмолвствуя, в слезах.
Едва на жениха взглянуть украдкой смеет,
Потупя ясный взор, краснеет и бледнеет,

Как месяц в небесах...
И там, где камней ряд, седым одетый мхом,
Помост обрушенный являет,
Повременно сова в безмолвии ночном
Пустыню криком оглашает, –
Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.
Там пели звук мечей и свист пернатых стрел.
И треск щитов, и гром ударов,
Кипящу брань среди опустошенных сел
И грады в зареве пожаров;
Там старцы жадный слух склоняли к песни сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали,
И гордые сердца с восторгом вспоминали
О славе юных дней.
Но все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло!
Где храбрый ликовал с дружиною своей,
Где жертвовал вином отцу и богу брани,
Там дремлют, притаясь, две трепетные лани
До утренних лучей.
Где ж вы, о сильные, вы, галлов бич и страх,
Земель полнощных исполины,
Роальда спутники, на бранных челноках
Протекши дальные пучины?
Где вы, отважные толпы богатырей,
Вы, дикие сыны и брани и свободы.
Возникшие в снегах, средь ужасов природы,
Средь копий, средь мечей?
Погибли сильные! Но странник в сих местах
Не тщетно камни вопрошает
И руны тайные, преданья на скалах
Угрюмой древности, читает.
Оратай ближних сел, склонясь на посох свой,
Гласит ему: «Смотри, о сын иноплеменный,
Здесь тлеют праотцов останки драгоценны:
Почти их гроб святой!»
Июнь или июль 1814

ЭЛЕГИЯ ИЗ ТИБУЛЛА

Вольный перевод

Мессала! Без меня ты мчишься по волнам
С орлами римскими к восточным берегам;
А я, в Феакии оставленный друзьями,
Их заклинаю всем, и дружбой и богами,
Тибулл! не забыть в далекой стороне!
Здесь Парка бледная конец готовит мне,
Здесь жизнь мою прервет безжалостной рукою...
Неумолимая! Нет матери со мною!
Кто будет принимать мой пепел от костра?
Кто будет без тебя, о милая сестра,
За гробом следовать в одежде погребальной
И мирно изливать над урной печальной?
Нет друга моего, нет Делии со мной, –
Она и в самый час разлуки роковой
Обряды тайные и чары совершала:
В священном ужасе бессмертных вопрошала –
И жребий счастливый нам отрок вынимал.
Что пользы от того? Час гибельный настал,
И снова Делия, печальна и уныла,
Слезами полный взор невольно обратила

На дальний путь. Я сам, лишенный скорбью сил,
«Утешься», – Делии сквозь слезы говорил;
«Утешься!» – и еще с невольным трепетаньем
Печальную лобзал последним лобызаньем.
Казалось, некий бог меня останавливал:
То ворон мне беду внезапно предвещал,
То в день, отцу богов Сатурну посвященной,
Я слышал гром глухой за рощей отдаленной.
О вы, которые умеете любить,
Страшится любовь разлукой прогневить!
Но, Делия, к чему Изиде приношенья,
Сии в ночи глухой протяжны песнопенья,
И волхвованье жриц, и меди звучный стон?
К чему, о Делия, в безбрачном ложе сон
И очищения священною водою?
Все тщетно, милая, Тибулла нет с тобою.
Богиня грозная! Спаси его от бед,
И снова Делия мастики принесет,
Украсит дивный храм весенними цветами
И с распущенными по ветру волосами,
Как дева чистая, во ткань облечена,
Воссядет на помост: и звезды и луна,
До восхождения румяныя Авроры,
Услышат глас ее и жриц фариийских хоры.
Отдай, богиня, мне родимые поля,
Отдай знакомый шум домашнего ручья,
Отдай мне Делию: и вам дары богаты
Я в жертву принесу, о лары и Пенаты!
Зачем мы не живем в златые времена?
Тогда беспечные народов племена
Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Тогда не мчалась ель на легких парусах,
Несома ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи сельские стояли без дверей;
Мед капал из дубов янтарною слезою;
В сосуды молоко обильною струею
Лилось из сосцов питающих овец... –
О мирны пастыри, в невинности сердец
Беспечно жившие среди пустынь безмолвных!
При вас, на пагубу друзей единокровных,
На наковальне млат не исковал мечей,
И ратник не гремел оружием среди полей.
О век Юпитеров! О времена несчастны!
Война, везде война, и глад и мор ужасный,
Повсюду рыщет смерть, на суше, на водах...
Но ты, держащий гром и молнию в руках!
Будь мирному певцу Тибуллу благосклонен,
Ни словом, ни душой я не был вероломен;
Я с трепетом богов отчизны обожал,
И если мой конец безвременный настал, –
Пусть камень обо мне прохожим возвещает;
«Тибулл, Мессалы друг, здесь с миром почивает».
Единственный мой бог и сердца властелин,
Я был твоим жрецом, Киприды милый сын!
До гроба я носил твои оковы нежны,
И ты, Амур, меня в жилища безмятежны,
В Элизий проведешь таинственной стезей,
Туда, где вечный май меж рощей и полей,
Где расцветает нард и киннамона лозы;
И воздух напоен благоуханьем розы;

Там слышно пенье птиц и шум бьющих вод;
Там девы юные, сплетая в хоровод,
Мелькают меж древес, как легки привиденья;
И тот, кого постиг, в минуту упоенья,
В объятиях любви, неумолимый рок,
Тот носит на челе из свежих мирт венки.
А там, внутри земли, во пропастях ужасных
Жилище вечное преступников несчастных,
Там реки пламенны сверкают по пескам,
Мегера страшная и Тизифона там
С челом, опутанным шипящими змиями,
Бегут на дикий брег за бледными тенями.
Где скрыться? адский пес лежит у медных врат,
Рыкает зев его... и рой теней назад!..
Богами ввержены во пропасти бездонны,
Ужасный Энкелад и Тифий преогромный
Питают жадных птиц утробой своей.
Там хищный Иксион, окованный змией,
На быстром колесе вертится бесконечно;
Там в жажде пламенной Тантал бесчеловечной
Над холодной рекой сгорает и дрожит...
Все тщетно! вспять вода коварная бежит,
И черпают ее напрасно Данаиды,
Все жертвы вечные карающей Киприды.
Пусть там страдает тот, кто рушил наш покой
И разлучил меня, о Делия, с тобой!
Но ты, мне верная, друг милой и бесценной,
И в мирной хижине, от взоров сокровенной,
С наперсницей любви, с подругою твоей,
На миг не покидай домашних алтарей.
При шуме зимних вьюг, под сенью безопасной,
Подруга в темну ночь зажжет светильник ясной
И, тихо вретено кружа в руке своей,
Расскажет повести и были старых дней.
А ты, склоняя слух на сладки небылицы,
Забудешься, мой друг, и томные зеницы
Закроет тихий сон, и пряслица из рук
Падет... и у дверей предстанет твой супруг,
Как небом посланный внезапно добрый Гений.
Беги навстречу мне, беги из мирной сени,
В прелестной нагоде явись моим очам;
Власы развеяны небрежно по плечам,
Вся грудь лилейная и ноги обнажены...
Когда ж Аврора нам, когда сей день блаженный
На розовых конях, в блистаньи принесет
И Делию Тибулл в восторге обоймет?
<1814>

ВОСПОМИНАНИЕ

Мечты! – повсюду вы меня сопровождали
И мрачный жизни путь цветами устилали!
Как сладко я мечтал на Гейльсбергских полях,
Когда весь стан дремал в покое
И ратник, опершись на копие стальное,
Смотрел в туманну даль! Луна на небесах
Во всем величии блистала
И низкий мой шалаш сквозь ветви освещала;
Аль светлый чуть струю ленивую катил
И в зеркальных водах являл весь стан и рощи;
Едва дымился огонь в часы туманной ночи
Близ кущи ратника, который сном почил.
О Гейльсбергски поля! О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи, луною освещенный,
Я, в думу погружен, о родине мечтал;
О Гейльсбергски поля! В то время я не знал,
Что трупы ратников устелют ваши нивы,
Что медной челюстью гром грянет с сих холмов,

Что я, мечтатель ваш счастливый,
На смерть летя против врагов,
Рукой закрыв тяжелу рану,
Едва ли на заре сей жизни не увяну... –
И буря дней моих исчезла, как мечта!..
Осталось мрачно вспоминанье..
Между протекшего есть вечная черта:
Нас сблизит с ним одно мечтанье,
Да оживлю теперь я в памяти своей
Сию ужасную минуту,
Когда, болезнь вкушая люту
И видя сто смертей,
Боялся умереть не в родине моей!
Но небо, вняв моим молениям усердным,
Взглянуло оком милосердным:
Я, Неман переплыв, узрел желанный край
И, землю лобызав с слезами,
Сказал: «Блажен стократ, кто с сельскими богами,
Спокойный домосед, земной вкушает рай
И, шага не ступи за хижину убогу,
К себе богиню быстроногу
В молитвах не зовет!
Не слеп ко славе он любовью,
Не жертвует своим спокойствием и кровью;
Могилу зрит свою и тихо смерти ждет».
Между июлем 1807

и ноябрем 1809

ВОСПОМИНАНИЯ

Отрывок

. . .
Я чувствую, мой дар в поэзии погас,
И Муза пламенный небесный потушила;
Печальна опытность открыла
Пустыню новую для глаз,
Туда влечет меня осиротелый Гений,
В поля бесплодные, в непроходимы сени,
Где счастья нет следов,
Ни тайных радостей, неизъяснимых снов,
Любимцам Фебовым от юности известных,
Ни дружбы, ни любви, ни песней Муз прелестных,
Которые всегда душевну скорбь мою,
Как Лотос, силою волшебной врачевали.
Нет, нет! себя не узнаю
Под новым бременем печали!
Как странник, брошенный на брег из ярых волн,
Встает и с ужасом разбитый видит челн,
Рукою трепетной он мраки вопрошает,
Ногой скользит над пропастями он,
И ветер буйный развевает
Молений глас его, рыдания и стон..
На крае гибели так я зову в спасенье
Тебя, последняя надежда, утешенье!
Тебя, последний сердца друг!
Средь бурей жизни и недуг
Хранитель ангел мой, оставленный мне богом!..
Твой образ я таил в душе моей залогом
Всего прекрасного... и благодати творца.
Я с именем твоим летел под знамя брани
Искать иль славы, иль конца;
В минуты страшные чистейши сердца дани
Тебе я приносил на Марсовых полях;
И в мире, и в войне, во всех земных краях,
Твой образ следовал с любовью за мною,

С печальным странником он неразлучен стал.
Как часто в тишине, весь занятый тобою,
В лесах, где Жувизи гордится над рекою
И Сейна по цветам льет сребренный кристалл, –
Как часто среди толпы и шумной и беспечной,
В столице роскоши, среди прелестных жен
Я пенье забывал волшебное Сирен
И о тебе одной мечтал в тоске сердечной.
Я имя милое твердил
В прохладных рощах Альбиона,
И эхо называть прекрасную учил
В цветущих пажитях Ричмона.
Места прелестные и в дикости своей, –
О камни Швеции, пустыни скандинавов!
Обитель древняя и доблести и нравов,
Ты слышала обет и глас любви моей,
Ты часто странника задумчивость питала,
Когда румяная денница отражала
И дальние скалы гранитных берегов,
И села пахарей, и кущи рыбаков,
Сквозь тонки, утренни туманы,
На зеркальных водах пустынной Троллетаны.
.
.
.
<1815>

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца
И думал: Парки час настанет.
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.
Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слезы пламенем сверкающих очей,
И поцалуев сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали –
От Орковых полей, от Леты берегов –
Для сладострастия призвали.
Ты снова жизнь даешь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.
<1807?>

МЩЕНИЕ

Из Парни

Неверный друг и вечно милый!
Зарю моих счастливых дней,
И слезы радости, и клятвы легкокрылы –
Все время унесло с любовью твоей!
И все погребло невозвратно,
Как сладкая мечта, как утром сон приятной!
Но все любовью здесь исполнено моей
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.
Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой,
Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,

Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери твоей.
Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость;
Здесь жертвы приносил у мирных алтарей.
Когда твою грозила младость
Болезнь жестокая во цвете погубить,
Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!
Но с новой прелестью ты к жизни воскресала
И в первый раз – люблю, краснея, сказала
(Тому сей дикий бор немый свидетель был).
Твоя рука в моей то млела, то пылала,
И первый поцалуй с душою душу слил.
Там взор потупленный назначил мне свиданье
В зеленом сумраке развесистых древес,
Где льется в воздухе сирен благоуханье
И облако цветов скрывает свод небес;
Там ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загремел над нами ярый гром;
Все небо в пламени зарделось кругом,
И в роце сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
И к новым радостям ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовь утраченны навек!
Вы будете всегда изменнице упрек.
Воспоминанье ваше,
От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимую, жестокою тоскою.
Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает
И жребий с трепетом читает
В твоих потупленных очах.
Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь, как бледное в полночь привиденье,
И всюду следовать я буду за тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и взор считает твой.
В глазах соперника, на ложе Гименея –
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;
При имени моем бледнея,
Неволью трепетать.
Когда ж безвременно, с полей кровавой битвы,
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: «Будь счастлива» в последний жизни час, –
И тщетны будут все любовника молитвы!

<1815>

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет; –
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет – и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,

Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец, тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти невидимкой
Буду вкруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,
Как Зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенной
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенной
Развязался и упал, –
Улыбнися, друг бесценной,
Это я! – Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томной,
Арфы голосу подобной,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крилами
Сон глаза твои сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своюю
Розой девственну лилею.
Все опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.
1810

МОЙ ГЕНИЙ

О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель Гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью

И усладит печальный сон.
1815

ДРУЖЕСТВО

Блажен, кто друга здесь по сердцу обретает,
кто любит и любим чувствительной душой!
Тезей на берегах Коцита не страдает, –
с ним друг его души, с ним верный Пирифой.
Атридов сын в цепях, но зависти достоин!
с ним друг его Пилад... под лезвием мечей.
А ты, младый Ахилл, великодушный воин,
бессмертный образец героев и друзей!
ты дружбою велик, ты ей дышал одною!
и, друга смерть отмстив бестрепетной рукою,
счастлив! ты мертв упал на гибельный трофей!
1811 – начало 1812

ТЕНЬ ДРУГА

Sunt aliquid manes: letum

non omnia finit;

Luridaque evictos effugit

umbra rogos.

Propert[3].

я берег покидал туманный Альбиона:
казалось, он в волнах свинцовых утопал.
за кораблем виляла Гальциона,
и тихий глас ее пловцов увеселял.
вечерний ветер, валов плесканье,
однообразный шум и трепет парусов,
и кормчего на палубе взыванье
ко страже, дремлющей под говором валов, –
все сладкую задумчивость питало.
как очарованный, у мачты я стоял
и сквозь туман и ночи покрывало
светила Севера любезного искал.
вся мысль моя была в воспоминанье
под небом сладостным отеческой земли,
но ветров шум и моря колыханье
на вежды томное забвенью навели.
мечты сменялися мечтами,
и вдруг... то был ли сон?., предстал товарищ мне,
погибший в роковом огне
завидной смертию над плейссскими струями.
но вид не страшен был; чело
глубоких ран не сохраняло,
как утро майское, веселием цело
и все небесное душе напоминало.
«ты ль это, милый друг, товарищ лучших дней!
ты ль это? – я вскричал, – о воин вечно милой!
не я ли над твоей безвременной могилой,
при страшном зареве Беллониных огней,
не я ли с верными друзьями
мечом на дереве твой подвиг начертал
и тень в небесную отчизну провождал
с мольбой, рыданьем и слезами?
тень незабвенного! ответствуй, милый брат!
или протекшее все было сон, мечтанье;
все, все – и бледный труп, могила и обряд,
свершенный дружбою в твое воспоминанье?»

О! молви слово мне! пускай знакомый звук
Еще мой жадный слух ласкает,
Пускай рука моя, о незабвенный друг!
Твою с любовью сжимает...»
И я летел к нему... Но горний дух исчез
В бездонной синеве безоблачных небес,
Как дым, как метеор, как призрак полуночи,
И сон покинул очи.
Все спало вокруг меня под кровом тишины.
Стихии грозные казались безмолвны.
При свете облаком подернутой луны
Чуть веял ветерок, едва сверкали волны,
Но сладостный покой бежал моих очей,
И все душа за призраком летела,
Все гостя горнего остановить хотела:
Тебя, о милый брат! о лучший из друзей!
Июнь 1814

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ X

Из I книги

Вольный перевод

Кто первый изострил железный меч и стрелы?
Жестокий! он изгнал в безвестные пределы
Мир сладостный и в ад открыл обширный путь!
Но он виновен ли, что мы на ближних грудь
За золото, за прах железо устремляем,
А не чудовищей им диких поражаем,
Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой
И стол был отягчен избытком сельских брашен,
Тогда не знали мы щитов и твердых башен
И пастырь близ овец спокойно засыпал;
Тогда бы дни мои я радостями считал!
Тогда б не чувствовал неволью трепетанье
При гласе бранных труб! О тщетное мечтанье!
Я с Марсом на войне; быть может, лук тугой
Натянут на меня пернатою стрелой...
О боги! сей удар вы мимо пронесите,
Вы, Лары отчески, от гибели спасите!
О вы, хранившие меня в тени своей,
В беспечности златой от колыбельных дней,
Не постыдитесь, что лик богов священный,
Иссеченный из пня и пылью покровенный,
В жилище праотцев уединен стоит!
Не знали смертные ни злобы, ни обид,
Ни клятв нарушенных, ни почестей, ни злата,
Когда священный лик домашнего Пената
Еще скудельный был на пепелище их!
Он благодатен нам, когда из чаш простых
Мы учиним пред ним обильны возлиянья
Иль на чело его, в знак мирного венчанья,
Возложим мы венки из миртов и лилей;
Он благодатен нам, сей мирный бог полей,
Когда на празднествах, в дни майские веселы,
С толпою чад своих, оратай престарелый
Опресноки ему священны принесет,
А девы красные из улья чистый мед.
Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий:
Кошницу полную Церериных даров,
А в жертву – сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облаченный,
Явлюсь науэтрие пред ваш алтарь священный.
Пускай, скажу, в полях неистовый герой,

Обрызган кровию, выигрывает бой;
А мне – пусть благи сей буду я достоин –
О подвигах своих расскажет древний воин,
Товарищ юности; и, сидя за столом,
Мне лагерь начертит веселых чаш вином.
Почто же вызывать нам смерть из царства тени,
Когда в подземный дом везде равны ступени?
Она, как тать в ночи, невидимой стопой,
Но быстро гонится, и всюду за тобой!
И низведет тебя в те мрачные вертепы,
Где лаёт адский пес, где фурии свирепы
И кормчий в челноке на Стиксовых водах.
Там теней бледный полк толпится на берегах,
Власы обожжены и впалы их ланиты!..
Хвала, хвала тебе, оратай домовитый!
Твой вечерет век средь счастливой семьи;
Ты сам, в тени дубрав, пасешь стада свои;
Супруга между тем трапезу учреждает,
Для омовенья ног сосуды нагревает
С кристальною водой. О боги! если б я
Узрел еще мои родительски поля!
У светлого огня, с подругою младою,
Я б юность вспомнул за чашей круговую,
И были и дела давно протекших дней!
Сын неба! светлый Мир! Ты сам среди полей
Вола дебелого ярмом отягощаешь!
Ты благодать свою на нивы проливаешь,
И в отческий сосуд, наследие сынов,
Лиешь багряный сок из Вакховых даров.
В дни мира острый плуг и заступ нам священны,
А меч, кровавый меч, и шлемы оперенны
Снедает ржавчина безмолвно на стенах.
Оратай из лесу там едет на волах
С женою и с детьми, вином развеселенный!
Дни мира, вы любви игривой драгоценны!
Под знаменем ее воюем с красотой.
Ты плачешь, Ливия? Но победитель твой,
Смотри! – у ног твоих колена преклоняет.
Любовь коварная украдкой подступает,
И вот уже средь вас, размолвивших, сидит!
Пусть молния богов бесщадно поразит
Того, кто красоту обидел на сраженьи!
Но счастлив, если мог в минутном исступленьи
Венок на волосах каштановых измять!
И пояс невзначай у девы развязать!
Счастлив, трикрат счастлив, когда твои угрозы
Исторгли из очей любви бесценны слезы!
А ты, взлелеянный средь копий и мечей,
Беги, кровавый Марс, от наших алтарей!
Конец 1809 – март 1810

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ N.

О ты, которая была
Утех и радостей душою!
Как роза некогда цвела
Небесной красою;
Теперь оставлена, печальна и одна,
Сидя смиренно у окна,
Без песней, без похвал встречаешь день рожденья –
Прими от дружества сердечны сожаленья,
Прими и сердце успокой.
Что потеряла ты? Лыстцов бездушных рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов,
Судей безжалостных, докучливых нахалов.
Один был нежный друг... и он еще с тобой!
<1810>

ПРОБУЖДЕНИЕ

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами,
Но я – не к счастью пробужден
Зефира тихими крилами.
Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,
Ни быстрый лет коня ретива
По скату бархатных лугов
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива –
Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви – холодными словами.
1815

РАЗЛУКА

Напрасно покидал страну моих отцов,
Друзей души, блестящие искусства
И в шуме грозных битв, под тению шатров
Старался усыпить встревоженные чувства.
Ах! небо чуждое не лечит сердца ран!
Напрасно я скитался
Из края в край, и грозный океан
За мной роптал и волновался;
Напрасно от берегов пленительных Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посещал развалины Москвы,
Москвы, где я дышал свободой прямою!
Напрасно я спешил от северных степей,
Холодным солнцем освещенных,
В страну, где Тирас бьет излучистой струей,
Сверкая между гор, Церерой позлащенных,
И древние поит народов племена.
Напрасно: всюду мысль преследует одна
О милой, сердцу незабвенной,
Которой имя мне священно,
Которой взор один лазоревых очей
Все – неба на земле – блаженства отверзает,
И слово, звук один, прелестный звук речей,
Меня мертвит и оживляет.
1815

ТАВРИДА

Друг милый, ангел мой! сокроемся туда,
Где волны кроткие Тавриду омывают
И Фебовы лучи с любовью озаряют
Им древней Греции священные места.
Мы там, отверженные роком,
Равны несчастьем, любовью равны,
Под небом сладостным полуденной страны
Забудем слезы лить о жребии жестоком;
Забудем имена фортуны и честей.
В прохладе ясеней, шумящих над лугами,
Где кони дикие стремятся табунами
На шум студеных струй, кипящих под землей,
Где путник с радостью от зноя отдыхает
Под говором древес, пустынных птиц и вод, –

Там, там нас хижина простая ожидает,
Домашний ключ, цветы и сельский огород.
Последние дары Фортуны благосклонной,
Вас пламенные сердца приветствуют стократ!
Вы краше для любви и мраморных палат
Пальмиры Севера огромной!
Весна ли красная блистает среди полей,
Иль лето знойное палит иссохши злаки,
Иль, урну холодную вращая, Водолей
Валит шумящий дождь, седый туман и мраки, –
О радость! Ты со мной встречаешь солнца свет
И, ложе счастья с денницей покидая,
Румяна и свежа, как роза полевая,
Со мною делишь труд, заботы и обед.
Со мной в час вечера, под кровом тихой ночи
Со мной, всегда со мной; твои прелестны очи
Я вижу, голос твой я слышу, и рука
В твоей покоится всечасно.
Я с жаждою ловлю дыханье сладострастно
Румяных уст, и если хоть слегка
Летающий Зефир власы твои развеет
И взору обнажит снегам подобную грудь,
Твой друг не смеет и вздохнуть:
Потупя взор, дивится и немеет.
Вторая половина 1815

СУДЬБА ОДИССЕЯ

Средь ужасов земли и ужасов морей
Блуждая, бедствуя, искал своей Итаки
Богобоязненный страдалец Одиссей;
Стопой бестрепетной сходил Аида в мраки;
Харибды яростной, подводной Сциллы стон
Не потрясли души высокой.
Казалось, победил терпеньем рок жестокой
И чашу горести до капли выпил он;
Казалось, небеса карать его устали
И тихо сонного домчали
До милых родины давножеланных скал.
Проснулся он: и что ж? Отчизны не познал.
1814

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,

Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,
К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьев трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его,
Лишь пастырь в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.
<1815>

К Г<НЕДИ>ЧУ

Только дружба обещает
Мне бессмертия венки;
Он приметно увядает,
Как от зноя василек.
Мне оставить ли для славы
Скромную стезю забавы?
Путь к забавам проложен,
К славе – тесен и мудрен!
Мне ль за призраком гоняться,
Лавры с скукой собирать?
Я умею наслаждаться,
Как ребенок всем играть,
И счастлив!.. Досель цветами
Путь ко счастью устилал,
Пел, мечтал, подчас стихами
Горесть сердца услаждал.
Пел от лени и досуга;
Муза мне была подруга;
Не был ей поработан.
А теперь – весна, как сон
Легкокрылый, исчезает
И с собою увлекает
Прелесть песней и мечты!
Нежны мирты и цветы,
Чем прелестницы венчали
Юного певца, – завяли!
Ах! ужели наградит
Слава счастья утрату
И ко дней моих закату
Как нарочно прилетит?
1806

К Д<АШКО>ВУ

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары:

Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных,
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутьи видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной,
Среди развалин и могил;
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил;
И там, где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там, где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, –
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!..
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы
Сзывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..
Нет, нет! талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, –
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!
Март 1813

ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,

С ревом и шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынной
С ревом и пеной сквозь дебри течет!
Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!
Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! – як тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинной,
Тихо прижмися устами к устам!..
Будь же ты скромна, источник пустынной,
С ревом и с шумом стремясь по полям!
Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,
Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались – цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!
Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! – там голубь невинной
С страстной подругой завидуют нам..
Вздохи любви – источник пустынной
С ревом и с шумом умчит по полям!
1810

НА СМЕРТЬ СУПРУГИ

Ф. Ф. К<ОКОШКИ>НА

Nell'eta sua piu bella, e piu fiorita...

...E viva, e bella al ciel salita.

Petrarca[4]

Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!
Все осиротело!
Плачь, любовь и дружба, плачь, Гимен унылый!
Счастье улетело!
Дружба! ты всечасно радости цветами
Жизнь ее дарила;
Ты свою богиню с воплем и слезами
В землю положила.
Ты печальны тисы, кипарисны лозы
Насади вокруг урны!
Пусть принесит юность в дар чистейший слезы
И цветы лазурны!
Все вокруг уныло! Чуть Зефир весенний
Памятник лобзает;
Здесь, в жилище плача, тихий смерти Гений
Розу обрывает.
Здесь Гимен, прикован, бледный и безгласный,
Вечною тоскою,

Гасит у гробницы свой светильник ясный
Трепетной рукою!
1811

ПЛЕННЫЙ

В местах, где Рона протекает
По бархатным лугам,
Где мирт душистый расцветает,
Склонясь к ее водам,
Где на горах роскошно зреет
Янтарный виноград,
Златый лимон на солнце рдеет
И яворы шумят, –
В часы вечерняя прохлады
Любуясь рекой,
Стоял, склоня на Рону взгляды
С глубокою тоской,
Добыча брани, русский пленный,
Придонских честь сынов,
С полей победы похищенный
Один толпой врагов.
«Шуми, – он пел, – волнами, Рона,
И жатвы орошай,
Но плеском волн – родного Дона
Мне шум напоминай!
Я в праздности теряю время,
Душою в людстве сир;
Мне жизнь не жизнь без славы, – бремя,
И пуст прекрасный мир!
Весна вокруг живит природу,
Яснеет солнца свет,
Все славит счастье и свободу,
Но мне свободы нет!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И мне вспоминай
На берегах родного Дона
Отчизны милый край!
Здесь прелесть – сельские девицы!
Их взор огнем горит
И сквозь потупленны ресницы
Мне радости сулит.
Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.
Отдайте ж мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны вьюги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!
Ах! дайте мне коня;
Туда помчит он быстрым бегом
И день и ночь меня!
На родину, в сей терем древний,
Где ждет меня краса
И под окном в часы вечерни
Глядит на небеса;
О друге тайно помышляет...
Иль робкою рукой
Коня ретивого ласкает,
Тебя, соратник мой!
Шуми, шуми волнами, Рона,
И жатвы орошай;
Но плеском волн – родного Дона
Мне шум напоминай!
О ветры, с полночи летите

От родины моей,
Вы, звезды Севера, горите
Изгнаннику светлей!»
Так пел наш пленник одинокой
В виду Лионских стен,
Где юноше судьбой жестокой
Назначен долгий плен,
Он пел – у ног сверкала Рона,
В ней месяц трепетал,
И на златых верхах Лиона
Луч солнца догорал.
<1814>

ГЕЗИОД И ОМИР, СОПЕРНИКИ

Посвящено

А<лексею> Н<иколаевичу>

О<лекику>, любителю древности

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям;
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливны венки раздавал,
Но солнце на лоно фетиды
Склонялось, и новый готовился бой.
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылаючи оси и спицы;
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;
Вы, пылью и потом покрыты бойцы,
При пламени светлом вздохните.
Внемлите, народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!
Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь, Омир,
И юный Гезиод, Каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебя маслину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает):
Гезиод

Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой ипокрены;
Там пастыря нашли прелестные Камены,
И я в обитель их священную вступил.
Омир

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.
Гезиод

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,

Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!
Омир

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба,
Так выше всех богов – властитель их, Зевес!..
Гезиод

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод
Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный..
Омир

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.
Гезиод

А мы, все смертные, все Паркам обреченны,
Увидим области подземного царя,
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льющи дань свою в бездонные моря.
Омир

Я приближаюсь к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»..
Для старца ветхого уж кончились они!
Гезиод

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежной
На синем Стримоне, провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой Гений проникал в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!
Омир

Твой глас подобится амврозии небесной,
что Геба юная сапфирной чашей льет.
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... Муз любимый жрец!.. страшись руки злодейской,
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов;
Твой близок час; увы! тебя Зевес Немейской
Как жертву славную готовит для врагов.
Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных и детей;
мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит, и легких Ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну зеленую, сопутницу Гиад;

Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы рождаются в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годичные оратая в полях.
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный среди мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливым Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменной вдохновенны,
Сосуды серебряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает,
И Музам светлые сосуды предлагает,
Как дар, усердный дар певца, за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы.
Снедая грусть свою в молчании глубоко.
Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит,
Он с ним пристанища в Элладе не находит;
И где найдут его талант и нищета?
Конец 1816 – январь 1817

ПРИМЕЧАНИЕ К ЭЛЕГИИ «ГЕЗИОД И ОМИР»

Эта Элегия переведена из Мильвуа, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом

годе, в цветущей молодости. Французские музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.

Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники; некоторые сомневаются, а иные и совершенно оспаривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из поэмы «Труды и дни», жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона: там родился Гезиод. Музы, говорит он в начале «Феогонии», нашли его на Геликоне и обрекли себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая, завещал, чтобы в день смерти его, ежегодно, совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя, и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем «Пир Семи Мудрецов» заставляет рассказывать Периандра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем, и, в знак благодарности Музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить об Омيره. Кто не знает, что первый в мире Поэт был слеп и нищий?

Нам Музы дорого таланты продают!

К ДРУГУ

Скажи, мудрец молодой, что прочно на земли?
Где постоянно жизни счастье?
Мы область призраков обманчивых прошли,
Мы пили чашу сладострастья.
Но где минутный шум веселья и пиров?
В вине потопленные чаши?

Где мудрость светская сияющих умов?
Где твой фалерн и розы наши?
Где дом твой, счастья дом?.. Он в буре бед исчез,
И место поросло крапивой;
Но я узнал его, я сердца дань принес
На прах его красноречивый.
На нем, когда окрест замолкнет шум градской
И яркий Веспер засияет
На темном севере, твой друг в тиши ночной
В душе задумчивость питает.
От самой юности служитель алтарей
Богини неги и прохлады,
От пресыщения, от пламенных страстей
Я сердцу в ней ищу отрады.
Поверишь ли? Я здесь, на пепле храмин сих,
Венок веселия слагаю
И часто в горести, в волненьи чувств моих,
Потупя взоры, восклицаю:
Минутны странники, мы ходим по гробам,
Все дни утратами считаем;
На крыльях радости летим к своим друзьям, –
И что ж?., их урны обнимаем.
Скажи, давно ли здесь, в кругу твоих друзей,
Сияла Лила красотою?
Благие небеса, казалось, дали ей
Все счастье смертной под луною:
Нрав тихий ангела, дар слова, тонкий вкус,
Любви и очи и ланиты;
Чело открытое одной из важных Муз
И прелесть девственной Хариты.
Ты сам, забыв и свет, и тщетный шум пиров,
Ее беседой наслаждался
И в тихой радости, как путник средь песков,
Прелестным цветом любовался.
Цветок (увы) исчез, как сладкая мечта!
Она в страданиях почил
И, с миром в страшный час прощаясь навсегда,
На друге взор остановила.
Но, дружба, может быть, ее забыла ты!..
Веселье слезы осушило,
И тень чистейшую дыханье клеветы
На лоне мира возмутило.
Так все здесь суетно в обители сует!
Приязнь и дружество непрочны!
Но где, скажи, мой друг, прямой сияет свет?
Что вечно, чисто, непорочно?
Напрасно вопрошал я опытность веков
И Клии мрачные скрижали,
Напрасно вопрошал всех мира мудрецов:
Они безмолвьем отвечали.
Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает, –
Так ум мой посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились:
Мой Гений в горести светильник погасал,
И Музы светлые сокрылись.
Я с страхом спросил глаз совести моей...
И мрак исчез, прозрели вежды:
И Вера пролила спасительный елей
В лампаду чистую Надежды.
Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надежною ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом взлетаю.

МЕЧТА

Подруга нежных Муз, посланница небес,
Источник сладких дум и сердцу милых слез,
Где ты скрываешься, Мечта, моя богиня?
Где тот счастливый край, та мирная пустыня,
К которым ты стремишь таинственный полет?
Иль дебри любишь ты, сих грозных скал хребет,
Где ветер порывистый и бури шум внимаешь?
Иль в муромских лесах задумчиво блуждаешь,
Когда на западе зари мерцает луч
И хладная луна выходит из-за туч?
Или, влекомая чудесным обаяньем
В места, где дышит все любви очарованьем,
Под тенью яворов ты бродишь по холмам,
Студеной пеною Воклюза орошенным?
Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным!
Явися! ждет тебя задумчивый пиит,
В безмолвии ночном сидящий у лампы;
Явись и дай вкусить сердечный отрады.
Любимца твоего, любимца Аонид,
И горесть сладостна бывает;
Он в горести – мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с бардами поет: и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес безмолвно им внимает,
И эхо по горам песнь звучну повторяет.
Или в полночный час
Он слышит скальдов глас,
Прерывистый и томный.
Зрит: юноши безмолвны,
Склоняся на щиты, стоят кругом костров,
Зажженных в поле брани;
И древний царь певцов
Простер на арфу длани.
Могилу указав, где вождь героев спит,
«Чья тень, чья тень, – гласит
В священном исступленья, –
Там с девами плывет в туманных облаках?
Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх
Днесь падший на сраженьи!
Мир, мир тебе, герой!
Твоей секирою стальной
Пришельцы гордые разбиты!
Но сам ты пал на горах тел,
Пал, витязь знаменитый,
Под тучей вражьих стрел!..
Ты пал! И над тобой посланницы небесны,
Валкирии прелестны,
На белых, как снега Биармии, конях,
С золотыми копьями в руках,
В безмолвии спустились!
Коснулись до зениц копьем своим, и вновь
Глаза твои открылись!
Течет по жилам кровь
Чистейшего эфира;
И ты, бесплотный дух,
В страны безвестны мира
Летишь стрелой... и вдруг –
Открылись пред тобой те радужны чертоги,
Где уготовали для сонма храбрых боги

Любовь и вечный пир.
При шуме горних вод и тихострунных лир,
Среди полян и свежих сеней,
Ты будешь поражать там скачущих еленей
и златорогих серн».
Склонясь на злачный дерн
С дружиною младою,
Там снова с арфой золотою
В восторге скальд поет
О славе древних лет;
Поет, и храбрых очи,
Как звезды тихой ночи,
Утехой блестят.
Но вечер притекает,
Час неги и прохлад,
Глас скальда замолкает.
Замолк – и храбрых сонм
Идет в Оденов дом,
Где дочери веристы,
Власы свои душисты
Раскинув по плечам,
Прелестницы младые,
Всегда полунагие,
На пиршества гостям
Обильны яствы носят
И пить умильно просят
Из чаши сладкий мед.
Так древний скальд поет,
Лесов и дебрей сын угрюмый:
Он счастлив, погрузись о счастья в сладки думы!
О сладкая мечта! О неба дар благой!
Средь дебрей каменных, средь ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические воды,
В краях изгнанников... я счастлив был тобой.
Я счастлив был, когда в моем уединеньи
Над кущей рыбаля, в час полночи немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град и дождь осенний.
Тогда на крыльях Мечты
Летал я в поднебесной;
Или, забывшись на лоне красоты,
Я сон вкушал прелестной,
И, счастлив наяву, был счастлив и в мечтах!
Волшебница моя! дары твои бесценны
И старцу в лета охлажденны,
С котомкой нищему, и узнику в цепях.
Заклепы страшные с замками на дверях,
Соломы жесткий пук, свет бледный пепелища,
Изглоданный сухарь, мышей тюремных пища,
Сосуды глиняны с водой,
Все, все украшено тобой!..
Кто сердцем прав, того ты ввек не покидаешь:
За ним во все страны летаешь
И счастием даришь любимца своего.
Пусть миром позабыт! что нужды для него?
Но с ним задумчивость в день пасмурный, осенний,
На мирном ложе сна
В уединенной сени
Беседует одна.
О тайных слез неизъяснима сладость!
Что пред тобой сердец холодных радость,
Веселий шум и блеск честей
Тому, кто ничего не ищет под луною,
Тому, кто сопряжен душою
С могилою давно утраченных друзей!
Кто в жизни не любил?
Кто раз не забывался,
Любя, мечтам не предавался,

И счастья в них не находил?
Кто в час глубокой ночи,
Когда невольно сон смыкает томны очи,
Всю сладость не вкусил обманчивой Мечты?
Теперь, любовник, ты
На ложе роскоши, с подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви и пламенной рукой
Снимаешь со груди ее покров стыдливой;
Теперь блаженствуешь, и счастлив ты – Мечтой!
Ночь сладострастия тебе дает призраки
И нектаром любви кропит ленивы маки.
Мечтание – душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей лишить Анакреона;
Любовь еще горит во пламенных мечтах
Любовницы Фаона;
А ты, лежащий на цветах
Меж нимф и сельских граций,
Певец веселия, Гораций!
Ты сладостно мечтал,
Мечтал среди пиров и шумных и веселых
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Как часто в Тибуре, в сих рощах устарелых,
На скате бархатных лугов,
В счастливом Тибуре, в твоём уединеньи,
Ты ждал Глицерию и в сладостном забвеньи,
Томимый негой на ложе из цветов,
При воскурении мастик благоуханных,
При пляске нимф венчаных,
Сплетенных в хоровод,
При отдаленном шуме
В лугах журчащих вод,
Безмолвен в сладкой думе,
Мечтал... и вдруг Мечтой
Восторжен сладострастной,
У ног Глицерин стыдливой и прекрасной
Победу пел любви
Над юностью беспечной,
И первый жар в крови,
И первый вздох сердечной.
Счастливец! воспевал
Цитерския забавы,
И все заботы славы
Ты ветрам отдавал!
Ужели в истинах печальных
Угрюмых стоиков и скучных мудрецов,
Сидящих в платьях погребальных
Между обломков и гробов,
Найдем мы жизни нашей сладость?
От них, я вижу, радость
Летит, как бабочка от терновых кустов,
Для них нет прелести и в прелестях природы;
Им девы не поют, сплетая в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без радости и лето без цветов...
Увы! но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья,
Надежда изменит – и рой крылатых снов.
Увы! там нет уже цветов,
Где тусклый опытность светильник зажигает
И время старости могилу открывает.
Но ты – пребудь верна, живи еще со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой –
Ничто даров твоих для сердца не заменит!
Пусть дорого глупец сует блистанье ценит,
Лобзая прах золотый у мраморных палат.
Но я и счастлив и богат,
Когда снискал себе свободу и спокойство,

А от сует ушел забвения тропой!
Пусть будет навсегда со мной
Завидное поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве – мечтой!
Их сердцу малость драгоценна.
Как пчелка, медом отягченна,
Летает с травки на цветок,
Считая морем – ручеек;
Так хижину свою поэт дворцом считает,
И счастлив – он мечтает!
1817

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ РЕЙН

1814

Меж тем как воины вдоль идут по полям,
Завидя вдалеке твои, о Рейн, волны,
Мой конь, веселья полный,
От строя отделясь, стремится к берегам,
На крыльях жажды прилетает,
Глокает хладную струю
И грудь, усталую в бою,
Желанной влагой обновляет..
О радость! я стою при Реннских водах!
И, жадные с холмов в окрестность бросаю взоры,
Приветствую поля, и горы,
И замки рыцарей в туманных облаках;
И всю страну, обильну славой,
Воспоминая древних дней,
Где с Альпов, вечною струей,
Ты льешься, Рейн величавой!
Свидетель древности, событий всех времен,
О Рейн, ты поил несчетны легионы,
Мечом писавшие законы
Для гордых Германа кочующих племен;
Любимец счастья, бич свободы,
Здесь Кесарь бился, побеждал,
И конь его переплывал
Твои священные, Рейн, воды.
Века мелькнули; мир крестом преображен;
Любовь и честь в душах суровых пробудились.–
Здесь витязи вооружились
Копьем за жизнь сирот, за честь прелестных жен;
Тут совершались их турниры,
Тут бились храбрые – и здесь
Не умер, мнится, и поднесь
Звук сладкий трубадуров лиры.
Так, здесь, под тению смоковниц и дубов,
При шуме сладостном нагорных водопадов,
В тени цветущих сел и градов
Восторг живет еще среди избранных сынов.
Здесь все питает вдохновенье:
Простые нравы праотцов,
Святая к родине любовь
И праздной роскоши презренье.
Все, все, – и вид полей, и вид священных вод,
Туманной древности и бардам современных,
Для чувств и мыслей дерзновенных
И силу новую, и крылья придает.
Свободны, горды, полудики,
Природы верные жрецы,
Тевтонски пели здесь певцы..
И смолкли их волшебны лики.
Ты сам, родитель вод, свидетель всех времен,
Ты сам, до наших дней спокойный, величавый,
С падением народной славы
Склонил чело, увы! познал и стыд и плен...

Давно ли брег твой под орлами
Аттилы нового стенал
И ты – уныло протекал
Между враждебными полками?
Давно ли земледел вдоль красных берегов,
Средь виноградников заветных и священных,
Полки встречал иноплеменных
И ненавистный взор зареинских сынов?
Давно ль они, кичась, пили
Вино из синих хрусталей
И кони их среди полей
И зрелых нив твоих бродили?
И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы, с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улей и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули, за честь твоих граждан,
За честь твердынь, и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши блажество россиян;
Где ангел мирный, светозарной,
Для стран полуночи рожден
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Рейн, здесь! ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков и новых коней ржанье,
«Ура» победы и зыванье
Идущих, скачущих к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским летят
И вот – коней лихих поят,
Кругом заставляя дол зыбучий.
Какой чудесный пир для слуха и очей!
Здесь пушек светла медь сияет за конями,
И ружья длинными рядами,
И стяги древние среди копий и мечей.
Там шлемы воев оперенны,
Тяжелой конницы строи
И легких всадников рои –
В текучей влаге отраженны!
Там слышен стук секир, и пал угрюмый лес!
Костры над Рейном дымятся и пылают!
И чаши радости сверкают!
И клики воинов восходят до небес!
Там ратник ратника объемлет,
Там точит пеший штык стальной
И конный грозною рукой
Крылатый дротик свой колеблет.
Там всадник, опершись на светлу сталь копья,
Задумчив и один, на берегу высоком
Стоит и жадным ловит оком
Реки излучистой последние края.
Быть может, он воспоминает
Реку своих родимых мест –
И на груди свой медный крест
Неволью к сердцу прижимает..
Но там готовится, по манию вождей,
Бескровный жертвенник среди гибельных трофеев,
И богу сильных Маккавеев
Коленопреклонен служитель алтарей:
Его, шумя, приосеняет
Знамен отчизны грозный лес;
И солнце юное с небес
Алтарь сияньем осыпает.

Все крики бранные умолкли, и в рядах
Благоговение внезапно воцарилось,
Оружье долу преклонилось,
И вождь и ратники чело склонили в прах:
Поют владыке вышней силы,
Тебе, подателю побед,
Тебе, незаходимый Свет!
Дымятся мирные кадилы.
И се подвигнулись – валит за строем строй!
Как море шумное, волнуется все войско;
И эхо вторит клик героической,
Досель неслышанный, о Рейн, над тобой!
Твой стонет брег гостеприимной,
И мост под воями дрожит!
И враг, завидя их, бежит,
От глаз в дали теряясь дымной!..
1816 – февраль 1817

БЕСЕДКА МУЗ

Под тению черемухи млечной
И золотом блистающих акаций
Спешу восстановить алтарь и Муз и Граций,
Сопутниц жизни молодой.
Спешу принести цветы, и улыев сот янтарный,
И нежны первенцы полей:
Да будет сладок им сей дар любви моей
И гимн поэта благодарный!
Не злата молит он у жертвенника Муз:
Они с фортуною не дружны.
Их крепче с бедностью заботливой союз,
И боле в шалаше, чем в тереме, досужны.
Не молит славы он сияющих даров:
Увы! талант его ничтожен.
Ему отважный путь за стаею орлов,
Как пчелке, невозможен.
Он молит Муз: душе, усталой от сует,
Отдать любовь утраченну к искусствам,
Веселость ясную первоначальных лет
И свежесть – вянущим бесперестанно чувствам.
Пускай забот свинцовый груз
В реке забвения потонет,
И время жадное в сей тайной сени Муз
Любимца их не тронет:
Пускай и в сединах, но с бодрою душой,
Беспечен, как дитя всегда беспечных Граций,
Он некогда придет вздохнуть в сени густой
Своих черемух и акаций.
1817

ПОСЛАНИЯ

МОИ ПЕНАТЫ

Послание к Ж<уковскому> и <Вяземскому>

Отчески Пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи
Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,

Всегда в желаньях скромный,
 Сыскал себе приют.
 О боги! будьте тут
 Доступны, благосклонны!
 Не вина благовонны,
 Не тучный фимиам
 Поэт приносит вам,
 Но слезы умиленья,
 Но сердца тихий жар
 И сладки песнопенья,
 Богинь Пермесских дар!
 О Лары! уживитесь
 В обители моей,
 Поэту улыбнитесь –
 И будет счастлив в ней!..
 В сей хижине убогой
 Стоит перед окном
 Стол ветхой и треногой
 С изорванным сукном.
 В углу, свидетель славы
 И суеты мирской,
 Висит полужаржавый
 Меч прадедов тупой;
 Здесь книги выписные,
 Там жесткая постель –
 Все утвари простые,
 Все рухлая скудель!
 Скудель!.. Но мне дороже
 Чем бархатное ложе
 И вазы богачей!..
 Отеческие боги!
 Да к хижине моей
 Не сыщет ввек дороги
 Богатство с суетой,
 С наемною душой
 Развратные счастливы,
 Придворные друзья
 И бледны горделивцы,
 Надутые князья!
 Но ты, о мой убогой
 Калека и слепой,
 Идя путем-дорогой
 С смиренною клюкой, –
 Ты смело постучися,
 О воин, у меня,
 Войди и обсушися
 У яркого огня.
 О старец, убеленный
 Годами и трудом,
 Трикраты уязвленный
 На приступе штыком!
 Двуструнной балалайкой
 Походы прозвени
 Про витязя с нагайкой,
 Что в жупел и в огни
 Летал перед полками
 Как вихорь на полях,
 И вокруг его рядами
 Враги ложились в прах!..
 И ты, моя лилета,
 В смиренной уголок
 Приди под вечерок
 Тайком переодета!
 Под шляпою мужской
 И кудри золотые,
 И очи голубые,
 Прелестница, сокрой!
 Накинь мой плащ широкой,

Мечом вооружись
И в полночи глубокой
Внезапно постучись...
Вошла – наряд военный
Упал к ее ногам,
И кудри распущенны
Взвывают по плечам,
И грудь ее открылась
С лилейной белизной:
Волшебница явилась
Пастушкой предо мной!
И вот с улыбкой нежной
Садится у огня,
Рукою белоснежной
Склонившись на меня,
И алыми устами,
Как ветер меж листьями,
Мне шепчет: «Я твоя,
Твоя, мой друг сердечной!..»
Блажен в сени беспечной,
Кто милюю своей,
Под кровом от ненастья,
На ложе сладострастья
До утренних лучей
Спокойно обладает,
Спокойно засыпает
Близ друга сладким сном!..
Уже потухли звезды
В сиянии дневном,
И пташки теплы гнезды,
Что свиты под окном,
Щебеча, покидают
И негу отрясают
Со крылышек своих;
Зефир листья колышет,
И все любовью дышит
Среди полей моих;
Все с утром оживает,
А Лиля почивает
На ложе из цветов...
И ветер тиховойной
С груди ее лилейной
Сдул дымчатый покров...
И в локоны золотые
Две розы молодые
С нарциссами вплелись;
Сквозь тонкие преграды
Нога, ища прохлады,
Скользит по ложу вниз...
Я лилы пью дыханье
На пламенных устах,
Как роз благоуханье,
Как нектар на пирах!..
Покойся, друг прелестной,
В объятиях моих!
Пускай в стране безвестной,
В тени лесов густых,
Богинею слепую
Забыт я от пелен,
Но дружбой и тобою
С избытком награжден!
Мой век спокоен, ясен;
В убожестве с тобой
Мне мил шалаш простой,
Без злата мил и красен
Лишь прелестью твоей!
Без злата и честей
Доступен добрый Гений

Поэзии святой
И часто в мирной сени
Беседует со мной.
Небесно вдохновенье,
Порыв крылатых дум!
(Когда страстей волненье
Уснет... и светлый ум,
Летая в поднебесной,
Земных свободен уз,
В Аонии прелестной
Сретаает хоры Муз!)
Небесно вдохновенье,
Зачем летишь стрелой
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
В отрадной тишине,
Парнасские царицы,
Подруги будьте мне!
Пускай веселы тени
Любимых мне певцов,
Оставля тайны сени
Стигийских берегов
Иль области эфирны,
Воздушную толпой
Слетят на голос лирный
Беседовать со мной!..
И мертвые с живыми
Вступили в хор един!..
Что вижу? Ты пред ними,
Парнасский исполин,
Певец героев, славы,
Вслед вихрям и громам,
Наш лебедь величавый,
Плывешь по небесам.
В толпе и Муз, и Граций,
То с лирой, то с трубой
Наш Пиндар, наш Гораций
Сливает голос свой.
Он громок, быстр и силен,
Как Суна средь степей,
И нежен, тих, умилен,
Как вешний соловей.
Фантазии небесной
Давно любимый сын,
То повестью прелестной
Пленяет Карамзин,
То мудрого Платона
Описывает нам
И ужин Агатона,
И наслажденья храм,
То древню Русь и нравы
Владимира время
И в колыбели славы
Рождение славян.
За ними сільф прекрасной,
Воспитанник Харит,
На цитре сладкогласной
О Душеньке бренчит;
Мелецкого с собою
Улыбкою зовет
И с ним, рука с рукою,
Гимн радости поет!..
С Эротами играя,
Философ и пиит,
Близ Федра и Пильпая
Там Дмитриев сидит;
Беседуя с зверями,

Как счастливый дитя,
Парнасскими цветами
Скрыл истину шутя.
За ним в часы свободы
Поют среди певцов
Два баловня природы,
Хемницер и Крылов.
Наставники-пииты,
О Фебовы жрецы!
Вам, вам плетут Хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги Пиерид
И в радости взываю:
О Музы! я Пиит!
А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
От зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И негу и покой!
Фортуна! прочь с дарами
Блистательных сует!
Спокойными очами
Смотрю на твой полет:
Я в пристань от ненастья
Челнок мой проводил
И вас, любимцы счастья,
Навеки позабыл...
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важных муз,
Беспечные счастливыцы,
Философы-ленивцы,
Враги придворных уз,
Друзья мои сердечны!
Придите в час беспечный
Мой домик навестить –
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,
Ж-уковский>добрый мой!
Стрелю мчится время,
Веселие стрелой!
Позволь же дружбе слезы
И горесть усладить
И счастья блеклы розы
Эротам оживить.
О Вяземский>! цветами
Друзей твоих венчай.
Дар Вакха перед нами:
Вот кубок – наливай!
Питомец Муз надежный,
О Аристиппов внук!
Ты любишь песни нежны
И рюмок звон и стук!
В час неги и прохлады
На ужинах твоих
Ты любишь томны взгляды
Прелестниц записных.
И все заботы славы,
Сует и шум и блажь
За быстрый миг забавы
С поклонами отдашь.
О! дай же ты мне руку,
Товарищ в лени мой,
И мы... потопим скуку
В сей чаше золотой!
Пока бежит за нами

Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем
И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядут
И нас в обитель нощи
Ко прадедам снесут, –
Товарищи любезны!
Не сетуйте о нас,
К чему рыданья слезны,
Наемных ликов глас?
К чему сии куренья,
И колокола вой,
И томны псалмопенья
Над хладною доской?
К чему?.. Но вы толпами
При месячных лучах
Сберитесь и цветами
Усейте мирный прах;
Иль бросьте на гробницы
Богов домашних лик,
Две чаши, две цевницы
С листьями повилик;
И путник угадает
Без надписей златых,
Что прах тут почивает
Счастливых молодых!
Вторая половина 1811 –

первая половина 1812

ПОСЛАНИЕ Г<РАФУ>

В<ИЕЛЬГОРСКО>МУ

О ты, владеющий гитарой трубадура,
Эраты голосом и прелестью Амура,
Вспомни, милый граф, счастливы времена,
Когда нас юношей увидела Двина!
Когда, отвоевав под знаменем Беллоны,
Под знаменем Любви я начал воевать
И новый регламент и новые законы
В глазах прелестницы читать!
Заря весны моей, тебя как не бывало!
Но сердце в той стране с любовью отдыхало,
Где я узнал тебя, мой нежный трубадур!
Обетованный край! где ветренный Амур
Прелестным личиком любезный пол дарует,
Под дымкой на груди лилеи образует
(Какими б и у нас гордилась красота!),
Вливает томный огонь и в очи и в уста,
А в сердце юное любви прямое чувство.
Счастливые места, где нравиться искусство
Не нужно для мужей,
Сидящих с трубками вокруг угольных огней
За сыром выписным, за гамбургским журналом,
Меж тем как жены их, смеясь под опухалом,
«Люблю, люблю тебя!» – прищельцу говорят
И руку жмут ему коварными перстами!

О мой любезный друг! Отдай, отдай назад
Зарю прошедших дней и с прежними бедами,
С любовью и войной!
Или, волшебник мой,
Одушеви мое музыкой песнопенье;
Вдохни огонь любви в холодные слова,
Еще отдай стихам потерянные права
И камни приводить в движенье,
И горы, и леса!
Тогда я с Сильфами взлечу на небеса
И тихо, как призрак, как луч от неба ясной,
Спущусь на берега пологие Двины
С твоей гитарой сладкогласной:
Коснусь волшебный струны,
Коснусь... и Нимфы гор при месячном сиянии,
Как тени легкие, в прозрачном одеянии,
С Сильванами сойдут услышать голос мой.
Наяды робкие, всплывая над водой,
Восплещут белыми руками,
И майский ветерок, проснувшись на цветах,
В прохладных рощах и садах,
Повеет тихими крилами;
С очей прелестных дев он светит тихий сон,
Отгонит легки сновиденья
И тихим шепотом им скажет: «Это он!
Вы слышите его знакомы песнопенья!»
1809

ПОСЛАНИЕ К Т<УРГЕНЕ>ВУ

О ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав
Сберег для дружбы кроткий нрав,
Для дел – характер честный дедов!
О ты, который при дворе,
В чаду успехов или счастья,
Найти умел в одном добре
Души прямое сладострастье!
О ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь,
Но, бедного услыша стон,
Ушей не затыкаешь!
Услышь, мой верный доброхот,
Певца смиренного моление,
Доставь крупицу от щедрот
Сироткам двум на прокормление!
Замолви слова два за них
Красноречивыми устами:
«Лишь дайте им!» – промолви – вмиг
Оне очутятся с сергами.
Но кто оне? Скажу точь-в-точь
Всю повесть их перед тобою.
Оне – вдова и дочь,
Чета, забытая судьбою.
Жил некто в мире сем <Лон>ое,
Царя усердный воин.
Был беден. Умер. От долгов
Он, следственно, спокоен.
Но в мире он забыл жену
С грудным ребенком; и одну
Суму оставил им в наследство...
Но здесь не все для бедных бедство!
Им добры люди помогли,
Согрели, накормили
И, словом, как могли,
Сироток приютили.
Прекрасно! славно! – спору нет!

Но... здешний свет
Не рай – мне сказывал мой дед.
Враги нахлынули рекою,
С землей сровнялася Москва...
И бедная вдова
Опять пошла с клюкою..
А между тем все дочь растет,
И нужды с нею подрастают.
День за день все идет, идет,
Недели, месяцы мелькают;
Старушка клонится, а дочь
Пышнее розы расцветает,
И стала... Грация точь-в-точь!
Прелестный взор, глаза большие,
Румянец флоры на щеках,
И кудри льняно-золотые
На алебастровых плечах.
Что слово молвит – то приятство,
Что ни наденет – все к лицу!
Краса (увы!) ее богатство
И все приданое к венцу,
А крохи нет насущной хлеба!
Т<ургенев>, друг наш! ради неба –
Приди на помощь красоте,
Несчастью и нищете!
Оне пред образом, конечно,
Затемят чистую свечу,
За чье здоровье – умолчу:
Ты угадаешь, друг сердечный!
14 октября 1816

ОТВЕТ Г<НЕДИ>ЧУ

Твой друг тебе навек отныне
С рукою сердце отдает;
Он отслужил слепой богине,
Бесплодных матери сует.
Увы, мой друг! я в дни молодые
Цирцеям также отслужил,
В карманы заглянул пустые,
Покинул мирт и меч сложил.
Пушкай, кто честолюбьем болен,
Бросает с Марсом огонь и гром;
Но я – безвестностью доволен
В Сабинском домике моем!
Там глиняны свои Пенаты
Под сенью дружной съединим,
Поставим брашны небогаты,
А дни мечтой позолотим.
И если к нам любовь заглянет
В приют, где дружбы храм святой..
Увы! твой друг не перестанет
Еще ей жертвовать собой! –
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный покидает пир,
Так я, любовью упоенный,
Покину равнодушно мир!
Между концом июля 1809 и

февралем 1810

К Ж<УКОВСКО>МУ

Прости, балладник мой,
Белёва мирный житель!
Да будет Феб с тобой,

Наш давний покровитель!
Ты счастлив средь полей
И в хижине укромной.
Как юный соловей
В прохладе рощи темной
С любовью дни ведет,
Гнезда не покидая,
Невидимый поет,
Невидимо пленяя
Веселых пастухов
И жителей пустынных, –
Так ты, краса певцов,
Среди забав невинных
В отчизне золотой
Прелестны гимны пой!
О! пой, любимец счастья,
Пока веселы дни
И розы сладострастья
Кипридою даны,
И роскошь золотая,
Все блага рассыпая
Обильною рукой,
Тебе подносит вины,
И портер выписной,
И сочны апельсины,
И с трюфлями пирог –
Весь Амальтеи рог,
Вовек неистощимый,
На жирный твой обед!
А мне... покоя нет!
Смотри! неумолимый
Домашний Гиппократ,
Наперсник Парки бледной,
Попов слуга усердный,
Чуме и смерти брат,
Поклявшись латынью
И практикой своей,
Поит меня полынью
И супом из костей;
Без дальнего старанья
До смерти запоит
И к вам писать посланья
Отправит за Коцит!
Все в жизни изменило,
Что сердцу сладко льстило,
Все, все прошло, как сон:
Здоровье легкокрыло,
Любовь и Аполлон!
Я стал подобен тени,
К смирению сердец,
Сух, бледен, как мертвец;
Дрожат мои колени,
Спина дугой к земле,
Глаза потухли, впали,
И скорби начертали
Морщины на челе;
Навек исчезла сила
И доблесть прежних лет.
Увы! мой друг, и Лила
Меня не узнает.
Вчера с улыбкой злою
Мне молвила она
(Как древле Громовую
Коварный Сатана):
«Усопший! мир с тобою!
Усопший, мир с тобою!» –
Ах! это ли одно
Мне роком суждено

За древни прегрешенья?..
Нет, новые мученья.
Достойные бесов!
Свои стихотворенья
Читает мне Свистов;
И с ним певец досужий,
Его покорный бес,
Как он, на рифмы дюжий,
Как он, головорез!
Поют и напевают
С ночи до бела дня;
Читают и читают,
И до смерти меня,
Убийцы, зачитают!
1812

ОТВЕТ Т<УРГЕНЕ>ВУ

Ты прав! Поэт не лжец,
Красавиц воспевая.
Но часто наш певец,
В восторге утопая,
Рассудка строгий глас
Забудет для Армиды,
Для двух коварных глаз;
Под знаменем Киприды
Сей новый Дон-Кишот
Проводит век с мечтами:
С химерами живет,
Беседует с духами,
С задумчивой луной
И мир смешит собой!
Для света равнодушен,
Для славы и честей,
Одной любви послушен,
Он дышит только ей.
Везде с своей мечтою,
В столице и в полях,
С поникшей головою,
С унынием в очах,
Как призрак бледный бродит;
Одно твердит, поет:
Любовь, любовь зовет..
И рифмы лишь находит!
Так! верно, Аполлон
Давно с любовью в ссоре,
И мститель Купидон
Судил поэтам горе.
Все Нимфы строги к нам
За наши псалмопенья,
Как Дафна к богу пеня;
Мы лавр находим там
Иль кипарис печали,
Где счастья роз искали,
Цветущих не для нас.
Взгляните на Парнас:
Любовник строгой Лоры
Там в горести погас;
Скалы и дики горы
Его лишь знали глас
На берегах Воклюзы.
Там Душеньки певец,
Любимец нежной Музы
И пламенных сердец,
Любил, вздыхал всечасно,
Везде искал мечты,
Но лирой сладкогласной

Не тронул красоты.
Лесбосская певица,
Прекрасная в женах,
Любви и Феба жрица,
Дни кончила в волнах...
И я – клянусь глазами,
Которые стихами
Мы взапуски поем,
Клянуся Хлоей в том,
Что русские поэты
Давно б на берег Леты
Толпами перешли,
Когда б скалу Левкада
В болота Петрограда
Судьбы перенесли!
1812

ПОСЛАНИЕ

И. М. М<УРАВЬЕВУ->А<ПОСТОЛУ>

Ты прав, любимец Муз! От первых впечатлений,
От первых, свежих чувств заемлет силу Гений
И им в теченьи дней своих не изменит!
Кто б ни был: пламенный оратор иль пиит,
Светильник мудрости, науки обладатель,
Иль кистью естества немого подражатель,
Наперсник Муз, – познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом парнасских алтарей.
Младенец счастливый, уже любимец Феба,
Он с жадностью взирал на свет лазурный неба,
На зелень, на цветы, на зыбку сень древес,
На воды быстрые и полный мрака лес.
Он, к лону матери приникнув, улыбался,
Когда веселый май цветами убирался
И жавронок вился над зеленью полей.
Златая ль радуга, пророчица дождей,
Весь свод лазоревый подернет облистаньем –
Ее приветствовал невнятным лепетаньем,
Ее манил к себе младенческой рукой.
Что видел в юности, пред хижиной родной,
Того видел, чувствовал, как новый мира житель,
Того в душе своей до поздних дней хранитель
Желает в песнях Муз потомству передать.
Мы видим первых чувств волшебную печать
В твореньях Гения, испытанных веками:
Из мест, где Мантау красуется лугами
И Минций в камышах недвижимый стоит,
От милых Лар своих отторженный пиит,
В чертоги Августа судьбой перенесенной,
Жалел о вас, ручьи отчизны незабвенной,
О древней хижине, где юность провождал
И Титира свирель потомству передал.
Но там ли, где всегда роскошная природа
И раскаленный феб с безоблачного свода
Обилием поля счастливые дарит,
Таланта колыбель и область Пиерид?
Нет! Нет! и в Севере любимец их не дремлет,
Но гласу громкому самой природы внемлет,
Свершая славный путь, предписанный судьбой.
Природы ужасы, стихий враждебный бой,
Ревущие со скал угрюмых водопады,
Пустыни снежные, льдов вечные громады
Иль моря шумного необозримый вид –
Все, все возносит ум, все сердцу говорит
Красноречивыми, но тайными словами
И огонь поэзии питает между нами.

Близ Колы пасмурной, средь диких рыбаей
В трудах воспитанный, уже от юных дней
Наш Пиндар чувствовал сей пламень потаенный,
Сей огонь зиждительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк.
Он сладко трепетал, когда сквозь мрак тумана
Стремился по зыбям холодным океана
К необитаемым, бесплодным островам
И мрежи расстилал по новым берегам.
Я вижу мысленно, как отрок вдохновенной
Стоит в безмолвии над бездной разъяренной
Среди мечтания и первых сладких дум,
Прислушивая волн однообразный шум...
Лицо горит его, грудь тягостно вздыхает,
И сладкая слеза ланиту орошает,
Слеза, известная таланту одному!
В красе божественной любимцу своему,
Природа! ты не раз на Севере являлась
И в пламенной душе навеки начерталась.
Исполненный всегда виденьем первых лет,
Как часто воспевал восторженный поэт:
«Дрожащий, хладный блеск полунощной Авроры,
И лдяные, в морях носимы ветром, горы,
И Уну, спящую средь звонких камышей,
И день, чудесный день, без ночи, без зарей!..»
В Пальмире Севера, в жилище шумной славы,
Державин камские воспоминал дубравы,
Отчизны сладкий дым и древний град отцов.
На тучны пажити приволжских берегов
Как часто Дмитриев, расторгнув светски узы,
Водил нас по следам своей счастливой Музы,
Столь чистой, как струи царицы светлых вод,
На коих в первый раз зрел солнечный восход
Певец сибирского Пизарра вдохновенный!..
Так, свыше нежною душою одаренный,
Пиит, от юности до серебряных волос,
Лелеет в памяти страну своих отцов.
На жизненном пути ему дарует Гений
Неиссякаемый источник наслаждений
В замену счастья и скудных мира благ:
С ним Муза тайная живет во всех местах
И в мире дивный мир любимцу созидает.
Пускай свирепый рок по воле им играет:
Пускай незнаемый, без злата и честей,
С главою поникшею он бродит меж людей;
Пускай фортуною от детства удостоен,
Он будет судия, министр иль в поле воин, –
Но Музам и себе нигде не изменит.
В самом молчании он будет все пиит.
В самом бездействии он с деятельным духом,
Все сильно чувствует, все ловит взором, слухом,
Всем наслаждается, и всюду, наконец,
Готовит Фебу дань его грядущий жрец.
Между июлем 1814 и

24 мая 1815

СМЕСЬ

ХОР

для выпуска благородных девиц

Смольного монастыря

Один голос

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной.
Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Подруги! сердце в первый раз
Здесь чувства сладкие познало;
Здесь дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало.
Так! сердце наше в первый раз
Здесь чувства сладкие познало.
Виновица счастливых дней!
Прими сердце благодаренья:
К тебе летят сердца усердные детей
И тайные благословенья.
Виновица счастливых дней!
Прими сердце благодаренья!
Наш царь, подруги, посещал
Сие жилище безмятежно:
Он сам в глазах детей признательность читал
К его родительнице нежной.
Монарх великий посещал
Жилище наше безмятежно!
Простой, усердной глас детей
Прими, о боже, покровитель!
Источник новый благ и радости пролей
На мирную сию обитель.
И ты, о боже, глас детей
Прими, всесильный покровитель!
Мы чтили здесь от юных лет
Закон твой, благости зеркало;
Под сенью алтарей, тобой хранимый цвет,
Здесь юность наша расцвела.
Мы чтили здесь от юных лет
Закон твой, благости зеркало.
Финал

Прости же ты, священный кров,
Обитель юности беспечной,
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной!
Где сердце в жизни в первый раз
От чувств веселья трепетало,
И дружество навек златою цепью нас,
Подруги милые, связало!
1812

ПЕСНЬ ГАРАЛЬДА СМЕЛОГО

Мы, други, летали по бурным морям,
От родины милой летали далеко!
На суше, на море мы бились жестоко;
И море, и суша покорствуют нам!
О други! как сердце у смелых кипело,
Когда мы, содвинув стеной корабли,
Как птицы неслися станицей веселой
Вкруг пажитей тучных Сиканской земли!..
А дева русская Гаральда презирает.
О други! я младость не праздну провел!
С сынами Дронштейма вы помните сечу?
Как вихорь пред вами я мчался навстречу
Под камни и тучи свистящие стрел.

Напрасно сдвигались народы; мечами
Напрасно о наши стучали щиты:
Как бледные класы под ливнем, упали
И всадник и пеший... владыка и ты!..
А дева русская Гаральда презирает.
Нас было лишь трое на легком челне;
А море вздымалось, я помню, горами;
Ночь черная в полдень нависла с громами,
И Гела зияла в соленой волне.
Но волны напрасно, яряся, хлестали:
Я черпал их шлемом, работал веслом;
С Гаральдом, о други, вы страха не знали
И в мирную пристань влетели с челном!
А дева русская Гаральда презирает.
Вы, други, видали меня на коне?
Вы зрели, как рушил секирой твердыни,
Летая на бурном питомце пустыни
Сквозь пепел и вьюгу в пожарном огне?
Железом я ноги мои окриляя,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я, хладную влагу рукой рассекая,
Как лебедь отважный по морю иду..
А дева русская Гаральда презирает.
Я в мирных родился полночи снегах;
Но рано отбросил доспехи ловитвы –
Лук грозный и лыжи – ив шумные битвы
Вас, други, с собою умчал на судах.
Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!
А дева русская Гаральда презирает.
Между февралем и

17 июля 1816

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней – она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвевали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, –
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг – она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас!
1815

РАЗЛУКА

Гусар, на саблю опираясь,
 В глубокой горести стоял;
 Надолго с милой разлучаясь,
 Вздыхая, он сказал:
 «Не плачь, красавица! Слезами
 Кручине злой не пособить!
 Клянуся честью и усами
 Любви не изменить!
 Любви непобедима сила!
 Она мой верный щит в войне;
 Булат в руке, а в сердце Лила, –
 Чего страшиться мне?
 Не плачь, красавица! Слезами
 Кручине злой не пособить!
 А если изменю... усами
 Клянусь наказан быть!
 Тогда мой верный конь споткнется,
 Летя во вражий стан стрелой,
 Уздечка браная порвисся
 И стремя под ногой!
 Пускай булат в руке с размаха
 Изломится, как прут гнилой,
 И я, бледнея весь от страха,
 Явлюсь перед тобой!»
 Но верный конь не спотыкался
 Под нашим всадником лихим,
 Булат в боях не изломался, –
 И честь гусара с ним!
 А он забыл любовь и слезы
 Своей пастушки дорогой
 И рвал в чужбине счастья розы
 С красавицей другой.
 Но что же сделала пастушка?
 Другому сердце отдала.
 Любовь красавицам – игрушка,
 А клятвы их – слова!
 Все здесь, друзья! изменой дышит,
 Теперь нет верности нигде!
 Амур, смеясь, все клятвы пишет
 Стрелюю на воде.
 Между сентябрем 1812

и январем 1813

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
 Как с Амурами тишком,
 Мраком ночи окруженный,
 Я к тебе прокрался в дом?
 Помнишь ли, о друг мой нежной!
 Как дрожащая рука
 От победы неизбежной
 Защищалась – но слегка?
 Слышен шум! – ты испугалась!
 Свет блеснул и вмиг погас;
 Ты к груди моей прижалась,
 Чуть дыша... блаженный час!
 Ты пугалась – я смеялся.
 «Нам ли ведать, Хлоя, страх!
 Гименей за все ручался,
 И Амуры на часах.
 Все в безмолвии глубоко,
 Все почило сладким сном!

Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном –
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, –
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо;
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;
Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой.
Остальную ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!
<1810>

ЛЮБОВЬ В ЧЕЛНОКЕ

Месяц плавал над рекою,
Все спокойно! Ветерок
Вдруг повеял, и волною
Принесло ко мне челнок.
Мальчик в нем сидел прекрасный
Тяжким правил он веслом.
«Ах, малютка мой несчастный!
Ты потонешь с челноком!»
«Добрый путник, дай помогу;
Я не справлю, сидя в нем.
На – весло! и понемногу
Мы к ночлегу доплывем».
Жалко мне малютки стало;
Сел в челнок – и за весло!
Парус ветром надувало,
Нас стрелою понесло.
И вдоль берега помчались,
По теченью быстрых вод;
А на берег собирались
Стаей нимфы в хоровод.
Резвые смеялись, пели
И цветы кидали в нас;
Мы неслись, стрелой летели...
О беда! О страшный час!..
Я заслушался, забылся,
Ветер с моря заревел –
Мой челнок о мель разбился,
А малютка... улетел!
Кое-как на голый камень
Вышел, с горем пополам;
Я обмок – а в сердце пламень;
Из беды опять к бедам!
Всюду нимф ищу прекрасных,
Всюду в горести брожу,
Лишь в мечтаньях сладострастных
Тени милых нахожу.
Добрый путник! в час погоды
Не садися ты в челнок!

Знать, сии опасны воды;
Знать, малютка... страшный бог!
<1810>

СЧАСТЛИВЕЦ

Подражание Касти

Слышишь! мчится колесница
Там по звонкой мостовой!
Правит сильная десница
Коней серебряной браздой!
Их копыта бьют о камень;
Искры сыплются струей;
Пышет дым, и черный пламень
Излетает из ноздрей!
Резьбой дивною и златом
Колесница вся горит.
На ковре ее богатом
Кто ж, Лизета, кто сидит?
Временщик, вельмож любимец,
Что на откуп город взял..
Ах! давно ли он у крылец
Пыль смиренно обметал?
Вот он с нами поравнялся
И едва кивнул головой;
Вот уж молнией промчался,
Пыль оставя за собой!
Добрый путь! Пока лелеет
В колыбели счастье вас!
Поздно ль? рано ль? но приспеет
И невзгоды страшный час.
Ах, Лизета! лъзя ль прельщаться
И теперь его судьбой?
Не ему счастливым зваться
С развращенною душой!
Там, где хитростью искусства
Розы в зиму расцвели;
Там, где все пленяет чувства –
Дань морей и дань земли;
Мрамор дивный из Пароса
И кораллы на стенах;
Там, где в роскоши Пафоса
На узорчатых коврах
Счастья шаткого любимец
С нимфами забвенью пьет, –
Там же слезы сей счастливец
От людей украдкой льет.
Бледен ночью Крез несчастный
Шепчет тихо, чтоб жена
Не вняла сей глас ужасный:
«Мне погибель суждено!»
Сердце наше – кладезь мрачной:
Тих, покоен сверху вид,
Но спустись ко дну... ужасно!
Крокодил на нем лежит!
Душ великих сладострастье,
Совесь! зоркий страж сердец!
Без тебя ничтожно счастье,
Гибель – злато и венец!
<1810>

РАДОСТЬ

Подражание Касти

Любимца Кипридина
И миртом и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
Толпами собирайтесь,
Руками сплетайтесь
И, радостно топая,
Скачите и прыгайте!
Мне лиру Тиисскую
Камены и Грации
Вручили с улыбкою:
И песни веселию
Приятнее нектара
И слаще амвросии,
Что пьют небожители,
В блаженстве беспечные,
Польются со струн ее!
Сегодня – день радости:
Филлида суровая
Сквозь слезы стыдливости
«Люблю!» мне промолвила.
Как роза, кропимая
В час утра Авророю,
С главой, отягченною
Бесценными каплями,
Румяней становится, –
Так ты, о прекрасная!
С главою поникшею,
Сквозь слезы стыдливости,
Краснея, промолвила
«Люблю!» тихим шепотом.
Все мне улыбнулося;
Тоска и мучения,
И страхи и горести
Исчезли – как не было!
Киприда, влекомая
По воздуху синему
Меж бисерных облаков
Питерскими птицами
К Дитере иль Пафосу,
Цветами осыпала
Меня и красавицу.
Все мне улыбнулося! –
И солнце весеннее,
И рощи кудрявые,
И воды прозрачные,
И холмы парнасские!
Любимца Кипридина,
В любви победителя,
И миртом, и розою
Венчайте, о юноши
И девы стыдливые!
<1810>

К Н<ИКИТЕ>

Как я люблю, товарищ мой,
Весны роскошной появленье
И в первый раз над муравой
Веселых жаворонков пенье.
Но слаще мне среди полей
Увидеть первые биваки
И ждать беспечно у огней
С рассветом дня кровавой драки.
Какое счастье, рыцарь мой!
Узреть с нагорных вершины
Необозримый наших строй

На яркой зелени долины!
Как сладко слышать у шатра
Вечерней пушки гул далекой
И погрузиться до утра
Под теплой буркой в сон глубокой.
Когда по утренним росам
Коней раздастся первый топот
И ружей протяженный грохот
Пробудит эхо по горам,
Как весело перед строями
Летать на ухарском коне
И с первыми в дыму, в огне
Ударить с криком за врагами!
Как весело внимать: «Стрелки,
Вперед! Сюда, донцы! Гусары!
Сюда, летучие полки,
Башкирцы, горцы и татары!»
Свисти теперь, жужжи свинец!
Летайте ядры и картечи!
Что вы для них? для сих сердец,
Природой вскормленных для сечи?
И вот... о зрелище прекрасно!
Колонны сдвинулись, как лес.
Идут – безмолвие ужасно!
Идут – ружье наперевес;
Идут... ура! – и все сломили,
Рассеяли и разгромили;
Ура! Ура! – и где же враг?..
Бежит, а мы в его домах. –
О, радость храбрых! – киверами
Вино некупленное пьем
И под победными громами
«Хвалите господа» поем!..
Но ты трепещешь, юный воин,
Склонясь на сабли рукоять:
Твой дух встревожен, беспокоен;
Он рвется лавры пожинать:
С Суворовым он вечно бродит
В полях кровавая войны
И в вялом мире не находит
Отрадной сердцу тишины.
Спокойся: с первыми громами
К знаменам славы полетишь;
Но там, о, горе, не узришь
Меня, как прежде, под шатрами!
Забывший шумною молвой,
Сердце мучительницей милой,
Я сплю, как труженик унылой,
Не оживляемый хвалой.
<1817>

ЭПИГРАММЫ, НАДПИСИ И ПР.

I

Совет эпическому стихотворцу

Какое хочешь имя дай
Твоей поэме полудикой:
Петр длинной, Петр большой,
но только Петр Великой –
Ее не называй.
<1810>

II

Мадригал новой Сафе

Ты Сафо, я Фаон; об этом и не спорю:
Но к моему ты горю,
Пути не знаешь к морю.
<1811>

III

К цветам нашего Горация

Ни вьюги, ни морозы
Цветов твоих не истребят.
Бог лиры, бог любви, и Музы мне твердят:
В саду Горация не увядают розы.
<1816>

IV

Надпись к портрету Жуковского

Под знаменем Москвы, пред падшею столицей,
Он храбрым гимны пел, как пламенный Тиртей;
В дни мира, новый Грей,
Пленяет нас задумчивой цевницей.
1816 или начало 1817

V

Надпись к портрету графа

Эммануила Сен-При

От родины его отторгнула судьбина;
Но лилиям отцов он всюду верен был:
И в нашем стане воскресил
Баярда древний дух и доблесть Дюгесклина.
1815

VI

Мадригал Мелине,

которая называла себя нимфою

Ты нимфа, Но; нет сомненья!
Но только... после превращенья!
1809

VII

На книгу под названием «Смесь»

По чести, это смесь:
Тут проза, и стихи, и авторская спесь.
<1817>

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ И ДОМОСЕД

Объехав свет кругом,
Спокойный домосед, перед моим камином
Сижусь и думаю о том,
Как трудно быть своих привычек властелином;
Как трудно век дожить на родине своей
Тому, кто в юности из края в край носился,
Все видел, все узнал – и что ж? из-за морей
Ни лучше, ни умней
Под кров домашний воротился:

Поклонник суетным мечтам,
Он осужден искать... чего – не знает сам!
О страннике таком скажу я повесть вам.
Два брата, Филалет и Клит, смиренно жили
В предместий Афин под кровлею одной;
В довольстве? – не скажу, но с бодрою душой
Встречали день и ночь спокойно проводили,
Затем что по трудах всегда приятен сон.
Вдруг умер дядя их, афинский Гарпагон,
И братья-бедняки – о радость – получили
Не помню сколько мин монеты золотой
Да кучу серебра: сосуды и амфоры
Отделки мастерской.
Наследственным добром свои насытя взоры,
Такие завели друг с другом разговоры:
«Как думаешь своей казной расположить? –
Клит спрашивал у брата, –
А я так дом хочу купить
И в нем тихохонько с женою век прожить
Под сенью отчего Пената.
Землицы уголок не будет лишней нам:
От детства я любил ходить за виноградом,
Водиться знаю с стадом
И детям я мой плуг в наследство передам;
А ты как думаешь?» – «О! я с тобой несходен;
Я пресмыкаться не способен
В толпе граждан простых
И с помощью наследства
Для дальних замыслов моих,
Благодаря богам, теперь имею средства!» –
«Чего же хочешь ты?» – «Я?., славен быть хочу». .
«Но чем?» – «Как чем? – умом, делами,
И красноречьем, и стихами,
И мало ль чем еще? Я в Мемфис полечу
Делиться мудростью с жрецами:
Зачем сей создан мир? Кто правит им и как?
Где кончится земля? Где гордый Нил родится?
Зачем под пеленой сокрыт Изиды зрак,
Зачем горящий Феб все к западу стремится?
Какое счастье, милый брат!
Я буду в мудрости соперник Пифагора! –
В Афинах обо мне тогда заговорят.
В Афинах? – что сказал! – от Нила до Босфора
Прославится твой брат, твой верный Филалет!
Какое счастье! десять лет
Я стану есть траву и нем как рыба буду;
Но красноречья дар, конечно, не забуду.
Ты знаешь, я всегда красноречив бывал
И площадь нашу посещал
Недаром.
Не стану я моим превозноситься даром,
Как наш Алкивиад, оратор слабых жен,
Или надутый Демосфен,
Кичась в пурпуре пред царскими послами.
Нет! нет! я каждого полезными речами
На площади градской намерен просвещать.
Ты сам, оставя плуг, придешь меня внимать,
С народом шумные восторги разделяя,
И, слезы радости под мантией скрывая,
Красноречивейшим из греков называть,
Ты обоймешь меня дрожащею рукою,
Когда... поверишь ли? Гликерия сама
На площади с толпою
Меня провозгласит оракулом ума,
Ума, и, может быть, любезности... Конечно,
Любезностью сердечной
Я буду нравиться и в сорок лет еще.
Тогда афиняне забудут Демосфена,

И Кратеса в плаще,
 И бочку шута Диогена,
 Которую, смотри... он катит мимо нас!» –
 «Прощай же, братец, в добрый час!
 Счастливого пути к премудрости желаю, –
 Клит молвил краснобаю. –
 Я вижу, нам тебя ничем не удержать!»
 Вздохнул, пожал плечьми и к городу опять
 Пошел – домашний быт и домик снаряжать.
 А Филалет? – к Пирею,
 чтоб судно тирское застать
 и в Мемфис полететь с румяною зарею.
 Признаться, он вздохнул, начавши Одиссею..
 Но кто не пожалел об отческой земле,
 Надолго расставаясь с нею?
 Семь дней на корабле,
 Зевая,
 Проказник наш сидел
 И на море глядел,
 От скуки сам с собой вполголос рассуждая:
 «Да где ж Тритоны все? Где стаи Нереид?
 Где скрылися они с толпой Океанид?
 Я ни одной не вижу в море!»
 И не увидел их. Но ветер свежий вскоре
 В Египет странника принес;
 Уже он в Мемфисе, в обители чудес;
 Уже в святилище премудрости вступает,
 Как мумия сидит среди бород седых
 И десять дней зевает
 За поученьем их
 О жертвах каменной Изиде,
 Об Аписе-быке иль грозном Озириде,
 О псах Анубиса, о чесноке святом,
 Усердно славимом на Ниле,
 О кровожадном крокодиле
 И... о коте большом!..
 «Какие глупости! какое заблужденье!
 Клянуся Пбллуksom! нет слушать боле сил!» –
 Грек молвил, потеряв и важность, и терпенье,
 С скамьи как бешеный вскочил
 И псу священному – о, ужас! – наступил
 На божескую лапу..
 Скорее в руки посох, шляпу,
 Скорей из Мемфиса бежать
 От гнева старцев разъяренных,
 От крокодилов, псов и луковиц священных,
 И между греков просвещенных
 Любезной мудрости искать.
 На первом корабле он полетел в Кротону.
 В Кротоне бьет челом смиренно Агатону,
 Мудрейшему из мудрецов,
 Жестокому врагу и мяса и бобов
 (Их в гневе Пифагор, его учитель славный,
 Проклятьем страшным поразил,
 Затем что у него желудок неисправный
 Бобов и мяса не варил).
 «Ты мудрости ко мне, мой сын, пришел учиться? –
 У грека старец спросил
 С усмешкой хитрою. – Итак, прощу садиться
 И слушать пенье Сфер: ты слышишь?» – «Ничего!»
 «А видишь ли в девятом мире
 Духов, летающих в эфире?» –
 «И менее того!» –
 «Увидишь, попостись ты года три, четыре
 Да лет с десятков помолчи;
 Тогда, мой сын, тогда обнимешь бранным взором
 Все тайной мудрости лучи;
 Обнимешь, я тебе клянуся Пифагором...» –

«Согласен, так и быть!»
Но греку шутка ли и день не говорить?
А десять лет молчать, молчать да все поститься –
Зачем? чтоб мудрецом,
С морщинным от поста и мудрости челом,
В Афины возвратиться?
О нет!
Чрез сутки возопил голодный Филалет:
«Юпитер дал мне ум с рассудком
Не для того, чтоб я ходил с пустым желудком;
Я мудрости такой покорнейший слуга;
Прощайте ж навсегда Кротонски берега!»
Сказал и к Этне путь направил;
За делом! чтоб на ней узнать, зачем и как
Изношенный башмак
Философ Эмпедокл пред смертью там оставил.
Узнал – и с вестью сей
Он в Грецию скорей
С усталой от забот и праздности душою.
Повсюду гость среди людей,
Везде за трапезой чужою,
Наш странник обходил
Поля, селения и грады,
Но счастья не находил
Под небом счастливым Эллады,
Спеша из края в край, он игры посещал,
Забавы, зрелища, ристанья,
И даже прорицанья
Без веры вопрошал;
Но хижину отцов нередко вспоминал,
В ненастье по лесам бродя с своей клюкою,
Как червем, тайною снедаемый тоскою.
Притом же кошелек
У грека стал легок;
А ночью, как он шел через Лаконски горы,
Отбили у него
И остальное воры.
Счастливы еще, что жизнь не отняли его!
«Но жизнь без денег что? – мученье нестерпимо!»
Так думал Филалет,
Тащась полунагой в степи необозримой.
Три раза солнца свет
Сменялся мраком ночи,
Но странника не зрели очи
Ни жила, ни стези: повсюду степь и степь
Да гор в дали туманной цепь,
Илотов и воров ужасные жилища.
Что делать в горе! что начать!
Придется умирать
В пустыне одному, без помощи, без пищи.
«Нет, боги, нет! –
Терзая грудь, вопил несчастный Филалет, –
Я знаю, как покинуть свет!
Не стану голодом томиться!»
И меж кустов реку завидя вдалеке,
Он бросился к реке –
Топиться!
«Что, что ты делаешь, слепец?» –
Несчастному вскричал скептический мудрец,
Памфил седобородый,
Который над водой, любуясь природой,
Один с клюкой тихонько брел
И, к счастью, странника нашел
На крае гибельной напасти.
«Топиться хочешь ты? Согласен; но сперва
Поведай мне, твоя спокойна ль голова?
Рассудок ли тебя влечет в реку иль страсти?
Рассудок: но его что нам вещает глас?

Что жизнь и смерть равны для нас.
Равны – так незачем топиться.
Дай руку мне, мой сын, и не стыдись учиться
У старца, чем мудрец здесь может быть счастлив».
Кто жить советует – всегда красноречив:
И наш герой остался жив.
В расселинах скалы, висящей над водою,
В тени приветливой смоковниц и олив,
Построен был шалаш Памфиловой рукою,
Где старец десять лет
Провел в молчании глубоко
И в вечность проникал своим орлиным оком,
Забыв людей и свет.
Вот там-то ужин иль обед
Простой, но очень здравый,
Находит Филалет:
Орехи, желуди и травы,
Большой сосуд воды – и только. Боже мой!
Как сладостно искать для трапезы такой
В утехах мудрости приправы!
Итак, в том дива нет, что с путником Памфил
Об атараксии[5] тотчас заговорил.
«Все призрак! – под конец хозяин заключил. –
Богатство, честь и власти,
Болезнь и нищета, несчастья и страсти,
И я, и ты, и целый свет, –
Все призрак!» – «Сновиденье!» –
Со вздохом повторял унылый Филалет;
Но, глядя на сухой обед,
Вскричал; «Я голоден!» – «И это заблуждение,
Все грубых чувств обман; не сомневайся в том».
Неделю попостясь с брадатым мудрецом,
Наш призрак-Филалет решился из пустыни
Отправиться в Афины.
Пора, пора блеснуть на площади умом!
Пора с философом расстаться,
Который нас не даром научил,
Как жить и в жизни сомневаться.
Услужливый Памфил
Монет с десяток сам бродяге предложил,
Котомкой с желудьими сушеными ссудил
И в час румяного рассвета
Сам вывел по тропам излучистым Тайгета
На путь афинский Филалета.
Вот странник наш идет и день и ночь один;
Проходит Арголиду,
Коринф и Мегариду;
Вот – Аттика, и вот – дым сладостный Афин,
Керамик с рощами... предместий начало...
Там... воды Иллиса!.. В нем сердце задрожало:
Он грек, то мудро ль, что родину любил,
Что землю целовал с горячими слезами,
В восторге, вне себя, с деревьями, с домами
Заговорил!..
Я сам, друзья мои, дань сердца заплатил,
Когда, волнениями судьбины
В отчизну брошенный из дальних стран чужбины,
Увидел наконец Адмиралтейский шпиг,
Фонтанку, этот дом... и столько милых лиц,
Для сердца моего единственных на свете!
Я сам... Но дело все теперь о Филалете,
Который, опершись на кафедру, стоит
И ждет опять денницы
На милой площади Аттической столицы.
Заметьте, милые друзья,
Что греки снаряжать тогда войну хотели,
С каким царем, не помню я,
Но знаю только то, что риторы гремели,

Предвестники народных бед.
Так речью их сразить желая, Филалет
Всех раньше на помост погибельный взмогился.
И вот блеснул Авроры свет,
А с ним и шум дневной родился.
Народ зашевелился.
В Афинах, как везде, час утра – час сует.
На площадь побежал ремесленник, поэт,
Поденщик, говорун, с товарами купчина,
Софист, архонт и Фрина
С толпой невольниц и Сирен,
И бочку прикатил насмешник Диоген;
На площадь всяк идет для дела и без дела;
Нахлынули – вся площадь закипела.
Вы помните, бульвар кипел в Париже так
Народа праздными толпами,
Когда по нем летал с нагайкою козак
Иль северный Амур с колчаном и стрелами.
Так точно весь народ толпился и жужжал
Перед ораторским амвоном.
Знак подан. Начинай! Рой шумный замолчал.
И ритор возвестил высокопарным тоном,
Что Аттике война
Погибельна, вредна;
Потом велеречиво, ясно
По пальцам доказал, что в мире быть.. опасно.
«Что ж делать?» – закричал с досадою народ.
«Что делать?.. – сомневаться.
Сомненье мудрости есть самый зрелый плод.
Я вам советую, граждане, колебаться –
И не мириться и не драться!..»
Народ всегда нетерпелив.
Сперва наш краснобай услышал легкий ропот,
Шушуканье, а там поближе громкий хохот,
А там.. Но он стоит уже ни мертв ни жив,
Разинув рот, потупив взгляды,
Мертвее во сто раз, чем мертвецы баллады.
Еще проходит миг –
«Ну что же? продолжай!» – Оратор все ни слова:
От страха где язык!
Зато какой в толпе поднялся страшный крик!
Какая туча там готова!
На кафедру летит град яблоков и фиг,
И камни уж свистят над жертвой..
И жалкий Филалет, избитый, полумертвой,
С ступени на ступень в отчаяньи летит
И падает без чувств под верную защиту
В объятия отверсты.. к Клиту!
Итак, тщеславного спасает бедный Клит,
Простяк, неграмотный, презренный,
В Афинах дни влачить без славы осужденный!
Он, он, прижав его к груди,
Нахальных крикунов толкает на пути,
Одним грозит, у тех пощады просит
И брата своего, как старика Эней,
К порогу хижины своей
На раменах доносит.
Как брата в хижине лелеет добрый Клит!
Не сводит глаз с него, с ним сладко говорит
С простым, но сильным чувством.
Пред дружбой ничего и Гиппократ с искусством!
В три дни страдалец наш оправился и встал
И брату кинулся на шею со слезами;
А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами.
Весь домик в суетах! Жена и рой детей,
Веселых, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих,

На пиршество несут для радостных гостей
Простой, но щедрый дар наследственных полей,
Румяное вино, янтарный мед Гимета, –
И чаша поднялась за здоровье Филалета!
«Пей, ешь и веселись, нежданный сердца гость!»
Все гости заодно с хозяином вскричали.
И что же? Филалет, забыв народа злость,
Беды, проказы и печали,
За чашей круговой опять заговорил
В восторге о тебе, великолепный Нил!
А дней через пяток, не боле,
Наскуча видеть все одно и то же поле,
Все те же лица всякий день,
Наш грек – поверите ль? – как в клетке стосковался.
Он начал по лесам прогуливать уж лень,
На горы ближние взбираться,
Бродить всю ночь, весь день шататься;
Потом Афины стал тихонько посещать,
На милой площади опять
Зевать,
С софистами о том, об этом толковать;
Потом... проведая он от старых грамотеев,
Что в мире есть страна,
Где вечно царствует весна,
За розами побрел – в снега гипербореев.
Напрасно Клит с женой ему кричали вслед
С домашнего порога:
«Брат милый, воротись, мы просим, ради бога!
Чего тебе искать в чужбине? новых бед?
Откройся, что тебе в отечестве немило?
Иль дружество тебя, жестокий, огорчило?
Останься, милый брат, останься, Филалет!»
Напрасные слова – чудак не воротился –
Рукой махнул... и скрылся.
Между июлем 1814 и

10 января 1815

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АНТОЛОГИИ

<ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ>

1

В обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слез,
И вопль отчаянья над хладною могилой,
И горсть, как ты, минутных роз!
Ах, тщетно все! из вечной сени
Ничем не призовем твоей прискорбной тени;
Добычу не отдаст завистливый Аид.
Здесь онемение; все хладно, все молчит,
Надгробный факел мой лишь мраки освещает...
Что, что вы сделали, властители небес?
Скажите, что краса так рано погибает!
Но ты, о мать-земля! с сей данью горьких слез
Прими почившую, поблеклый цвет весенний,
Прими и успокой в гостеприимной сени!

2

Свидетели любви и горести моей,
О розы юные, слезами омоченны!
Красуйтесь в венках над хижинкой смиренной,
Где милая таится от очей!
Помедлите, венки! еще не увядайте!
Но если явится – пролейте на нее

Все благовоние свое
И локоны ее слезами напитайте.
Пусть остановится в раздумьи и вздохнет.
А вы, цветы, благоухайте
И милой локоны слезами напитайте!
3

Свершилось: Нихагор и пламенной Эрот
За чашей Вакховой Аглаю победили..
О, радость! Здесь они сей пояс разрешили,
Стыдливости девической оплот.
Вы видите: кругом рассеяны небрежно
Одежды пышные надменной красоты;
Покровы легкие из дымки белоснежной,
И обувь стройная, и свежие цветы.
Здесь все развалины роскошного убора,
Свидетели любви и счастья Никагора!
4

Явор к прохожему

Смотрите, виноград кругом меня как вьется!
Как любит мой полуистлевший пень!
Я некогда ему давал отрадну тень;
Завял... но виноград со мной не растается.
Зевеса умоли,
Прохожий, если ты для дружества способен,
Чтоб друг твой моему был некогда подобен
И пепел твой любил, оставшись на земли.
5

Где слава, где краса, источник зол твоих?
Где стогны шумные и граждане счастливы?
Где зданья пышные и храмы горделивы,
Муся, золото, сияющие в них?
Увы! погиб навек Коринф столповенчаный!
И самый пепел твой развеян по полям.
Все пусто; мы одни взываем здесь к богам,
И стонет Алкион один в дали туманной!
6

«Куда, красавица?» – «За делом, не узнаешь!» –
«Могу ль надеяться?» – «Чего?» – «Ты понимаешь!»
«Не время!» – «Но взгляни: вот золото, считай!»
«Не боле? шутишь! Так прощай».
7

Сокроем навсегда от зависти людей
Восторги пылкие и страсти упоенье.
Как сладок поцелуй в безмолвии ночей,
Как сладко тайное любви наслажденье!
8

В Лаисе нравится улыбка на устах,
Ее пленительны для сердца разговоры,
Но мне милей ее потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очах.
Я в сумерки вчера, одушевленный страстью,
У ног ее любви все клятвы повторял
И с поцелуем к сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекал..
Я таял, и Лаиса млела..
Но вдруг уныла, побледнела
И – слезы градом из очей!
Смущенный, я прижал ее к груди моей:
«Что сделалось, скажи, что сделалось с тобою?»
«Спокойся, ничего, бессмертными клянусь;
Я мыслию была встревожена одною:

Вы все обманчивы, и я... тебя страшусь».

9

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте не изменилась
И для любви моей
От времени еще прелестнее явилась.
Твой друг не дорожит неопытной красотой,
Незрелой в таинствах любовного искусства.
Без жизни взор ее стыдливый и немой
И робкий поцелуй без чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и в мертвый камень;
И в осень дней твоих не погасает пламень,
Текущий с жизнью в крови.

10

Увы! глаза, потухшие в слезах,
Ланиты, впалые от долгого страданья,
Родят в тебе не чувство состраданья, –
Жестокою улыбку на устах...
Вот горькие плоды любви страстной,
Плоды ужасные мучений без отрад,
Плоды любви, достойные наград,
Не участи, для сердца столь ужасной...
Увы! как молния внезапная с небес,
В нас страсти жизнь младую пожирают
И в жертву безотрадных слез,
Коварные, навеки покидают.
Но ты, прелестная, которой мне любовь
Всего – и юности и счастья дороже,
Склонись, жестокая, и я... воскресну вновь,
Как был или еще бодрее и моложе.

11

Улыбка страстная и взор красноречивый,
В которых вся душа, как в зеркале, видна,
Сокровища мои... Она
Жестоким Аргусом со мной разлучена!
Но очи страсти прозорливы:
Ревнивец злой, страшись любви очей!
Любовь мне таинство быть счастливым открыла,
Любовь мне скажет путь к красавице моей,
Любовь тебя читать в сердцах не научила.

12

Изнемогает жизнь в груди моей остылой;
Конец борению; увы! всему конец.
Киприда и Эрот, мучители сердец!
Услышьте голос мой последний и унылый.
Я вяну и еще мучения терплю:
Полмертвый, но сгораю.
Я вяну, но еще так пламенно люблю
И без надежды умираю!
Так, жертву обхватив кругом,
На алтаре огонь бледнеет, умирает
И, вспыхнув ярче пред концом,
На пепле погасает.

13

С отвагой на челе и с пламенем в крови
Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Вверяйся челноку! плыви!
Между маем 1817 и

началом 1818

ПОДРАЖАНИЯ ДРЕВНИМ

1

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? сосуд,
Где капля меду средь полыни;
Величествен сей понт! Лазурной царь пустыни,
О солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но все поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твое добро
В руке у Немезиды строгой!

2

Скалы чувствительны к свирели;
Верблюд прислушивать умеет песнь любви,
Стеня под бременем; румянее крови –
Ты видишь – розы покраснели
В долине Йемена от песней соловья...
А ты, красавица... Не постигаю я.

3

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден
Но свеж и зелен он всегда.
Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?
Так буди с кипарисом сходен:
Как он, уединен, осанист и свободен.

4

Когда в страдании девица отойдет
И труп синеющий остынет, –
Напрасно на него любовь и амвру льет,
И облаком цветов окинет.
Бледна, как лилия в лазури васильков,
Как восковое изваянье;
Нет радости в цветах для вянущих перстов,
И суетно благоуханье.

5

О смертный! хочешь ли безбедно перейти
За море жизни треволненной?
Не буди горд: и в ветр попутный опусти
Свой парус, счастием надменной.
Не покидай руля, как свистнет ярый ветр!
Будь в счастье – Сципион, в тревоге брани – Петр.

6

Ты хочешь меду, сын? – так жала не страшись;
Венца победы? – смело к бою!
Ты перлов жаждешь? – так спустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.
Июнь 1821

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В «ОПЫТЫ»

ЭЛЕГИИ

К ФИЛИСЕ

Подражание Грессету

Qu'heureux est le mortel qui, du monde ignore,

Vit content de lui-meme en un coin retire,
Que l'amour de ce rien qu'on nomme renommee
N'a jamais enivre d'une vaine fumee...[6]

Что скажу тебе, прекрасная,
Что скажу в моем послании?
Ты велишь писать, Филиса, мне,
Как живу я в тихой хижине,
Как я строю замки в воздухе,
Как ловлю руками счастье.
Ты велишь – и повинуюсь.
Ветер воет всюду в комнате
И свистит в моих окончинах,
Стулья, книги – все разбросано:
Тут Вольтер лежит на Библии,
Календарь на философии.
У дверей моих мяучит кот,
А у ног собака верная
На него глядит с досадою.
Посторонний, кто взойдет ко мне,
Верно, скажет: «Фебом проклятый,
Здесь живет поэт в унынии».
Правда, что воображение
Убирает все рукой своей,
Сыплет розаны на терние,
И поэт с душой спокойно
Веселее Креза с золотом.
Независимость любезную
Потерять на цепь золочену!..
Я счастлив в моей беспечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться
С кучей глупых обожателей.
Пусть змиею изгибаются
Твари подлые, презренные,
Пусть слова его оракулом
Чтут невежды и со трепетом
Мановенья ждут руки его!
Как пылинка вихрем поднята,
Как пылинка вихрем брошена,
Так и счастье наше чудное
То поднимет, то опустит вдруг.
Часто бегал за фортуною
И держал ее в руках моих:
Чародейка ускользнула тут
И оставила колючий терн.
Славу, почести мы призраком
Называем, если нет у нас;
Но найдем – прощай, мечтание!
Чашу с ними пьем забвения
(Суета всегда прелестна нам),
И мудрец забудет мудрость всю.
Что же делать нам?.. Бранить людей?..
Нет, найти святое дружество,
Жить покойно в мирной хижине;
Нелюдим пусть ненавидит нас;
Он несчастлив – не завидую.
Страх и ужас на лице его,
Ходит он с главою потупленной,
И спокойствие бежит его!
Нежно дружество с улыбкою
Не согреет сердца хладного,
И слеза его должна упасть,
Не отертая любовью!
Посмотри, Дамон как мудрствует.

Он находит зло единое.
«Добродетель, – говорит Дамон, –
Добродетель – суета одна,
Добродетель – призрак слабых душ.
Предрассудок в мире царствует,
Людям всем он ослепил глаза».
Он не долго будет думать так,
Хладна смерть к нему приблизится:
Он увидит заблуждение,
Он увидит. Совесть страшная
Прилетит к нему тут с зеркалом;
Волоса ее растрепаны,
На глазах ее отчаянье,
А в устах – упреки, жалобы.
Полно! Бросим лучше дале взгляд.
Посмотри, как здесь беспечная
В скуке дни влечет Аталия.
День настанет – нарумянится,
Раза три зевнет – оденется.
«Ах!.., зачем так время медленно!» –
Скажет тут в душе беспечная,
Скажет с вздохом и заснет еще!
Бурун ищет удовольствия,
Ездит, скачет... увы! – нет его!
Оно там, где Лиза нежная
Скромно, мило улыбается?..
Он приходит к ней – но нет его!..
Скучной Лиза ему кажется.
Так в театре, где комедия
Нас смешит и научает вдруг?
Но и там, к несчастью, нет его!
Так на бале?.. Не найдешь его:
Оно в сердце должно жить у нас..
Сколько в час один бумаги я
Исписал к тебе, любезная!
Все затем, чтоб доказать тебе,
Что спокойствие есть счастье,
Совесть чистая – сокровище,
Вольность, вольность – дар святых небес.
Но уж солнце закатилось,
Мрак и тени сходят на землю,
Красный месяц с свода ясного
Тихо льет свой луч серебряный,
Тихо льет, но черно облако
Помрачает светлый луч луны,
Как печальны воспоминания
Помрачают нас в веселый час.
В тишине я ночи лунныя
Как люблю с тобой беседовать!
Как приятно мне в молчании
Вспоминать мечты прошедшие!
Мы надеждою живем, мой друг,
И мечтой одной питаемся.
Вы, богини моей юности,
Будьте, будьте навсегда со мной!
Так, Фелиса моя милая,
Так теперь, мой друг, я думаю.
Я счастлив – моим спокойствием,
Я счастлив – твоею дружбою..
1804 или 1805

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!

В печальной юности моей
я был счастлив – одну минуту,
Зато, увы! – и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!
Блажен, кому надежды глас
В самом несчастье сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забуть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете все я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!
1804 или 1805

К МАЛЬВИНЕ

Ах, чем красавицу мне должно,
Как не цветочком, подарить?
Ее, без всякой лести, можно
С приятной розою сравнить.
Что розы может быть славнее?
Ее Анакреон воспел.
Что розы может быть милее?
Амур из роз венки имел.
Ах, мне ль твердить, что вянут розы,
Что мигом их краса пройдет,
Что, лишь появятся морозы,
Листок душистый опадет.
Но что же, милая, и вечно
В печальном мире сем цветет?
Не только розы скоротечно,
И жизнь – увы! – и жизнь пройдет.
Но Грации пока толпою
Тебе, Мальвина, вслед идут,
Пока они еще с тобою
Играют, пляшут и поют,
Пусть розы нежные гордятся
На лилиях груди твоей!
Ах, смею ль, милая, признаться?
Я розой умер бы на ней.
<1805>

<НА СМЕРТЬ И. П. ПНИНА>

Que vois-je c'en est fait;
je t'embrasse, et tu meurs.
voltaire[7]

Где друг наш? Где певец? Где юности красы?
Увы, исчезло все под острием косы!
Любимца нежных Муз осиротела лира,
Замолк певец; он был, как мы, лишь странник мира!
Нет друга нашего, его навеки нет!
Недолго мир им украшался;
Завял, увы, как майский цвет,
И жизни на заре с друзьями он расстался!

Пнин чувствам дружества с восторгом предавался;
Несчастливым не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал,
В беседах дружеских любезен,
Друзей в родных он обращал.
И мы теперь, друзья, вокруг его могилы
Объемлем только холодный прах,
Твердим с тоской и во слезах:
Покойся в мире, друг наш милый,
Питомец Граций, Муз, ты жив у нас в сердцах!
Когда в последний раз его мы обнимали,
Казалось, с нами мир грустил,
И сам Амур в печали
Светильник погасил:
Не кипарисну ветвь унылу,
Но розу на его он положил могилу.
Сентябрь 1805

<Н. И. ГНЕДИЧУ>

Прерву теперь молчанья узы
Для друга сердца моего.
Давно ты от ленивой Музы,
Давно не слышал ничего.
И можно ль петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии прийти молодой?
И мне ли петь под гнетом рока,
Когда меня судьба жестока
Лишила друга и родни?..
Пусть холодные сердца одни
Средь моря бедствий засыпают
И взор спокойно обращают
На гробы ближних и друзей,
На смерть, на клевету жестоку,
Ползущу низкою змией,
Чтоб рану нанести жестоку
И непорочности самой.
Но мне ль с чувствительной душой
Быть в мире зол спокойной жертвой
И клеветы, и разных бед?..
Увы! Я знаю, что сей свет
Могилкой создан нам отверстой,
Куда падет, сражен косою,
И царь с венчанною главой,
И пастырь, и монах, и воин!
Ужели я один достоин
И вечно жить, и быть блажен?
Увы! здесь всяк отягощен
Ярмом печали и цепями,
Которых нам по смерть руками,
Столь слабыми, нельзя сложить.
Но можно ль их, мой друг, влачить
Без слез, не сокрушась душевно?
Скорее морем льзя безбедно
На валкой ладии проплыть,
Когда Борей расширит крылы,
Без ветрил, снастей и кормила,
И к небу взор не обратить...
Я плачу, друг мой, здесь с тобою,
А время молнией летит.
Уж месяц светлый надо мною
Спокойно в озеро глядит,
Все спит под кровом майской ночи,
Едва ли водопад шумит,

Безмолвен дол, вздремали рощи,
В которых луч луны скользит
Сквозь ветки, на землю склоненны.
И я, Морфеем удрученный,
Прерву цевницы скорбный глас
И, может, в полуночный час
Тебя в мечте, мой друг, познаю
И раз еще облобызаю..
Между маем и 1 июля 1808

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вы, други, вы опять со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах!
Други! сядьте и внимлите
Музы ласковой совет.
Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы
Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить;
Ах! не долго веселиться
И не веки в счастье жить!
Но вы, о други, вы со мною
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.
Станем, други, наслаждаться,
Станем розами венчаться;
Лиза! сладко пить с тобой,
С нимфой резвой и живой!
Ах! обнимемся руками,
Съединим уста с устами,
Души в пламени сольем,
То воскреснем, то умрем!..
Вы ль, друга милые, со мною,
Под тенью тополей густою,
С златыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах?
Я, любовью упоенный,
Вас забыл, мои друзья,
Как сквозь облак вижу темный
Чаши золотой края!..
Лиза розою пылает,
Грудь любовью полна,
Улыбаясь, наливает
Чашу светлого вина.
Мы потопим горечь нашу,
Друга! в эту полну чашу,
Выпьем разом и до дна
Море светлого вина!
Друзья! уж месяц над рекою,
Почили рощи сладким сном;
Но нам ли здесь искать покою
С любовью, с дружбой и вином?
О радость! радость! вакх веселой
Толпу утех сзывает к нам;
А тут в одежде легкой, белой
Эрато гимн поет друзьям:
«Часы крилаты! не летите,
И счастье мигом хоть продлите!»
Увы! бегут счастливы дни,

Бегут, летят стрелой они!
Ни лень, ни счастья наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Погубит радость и покой,
Луга веселые зелены,
Ручьи кристальные и сад,
Где мшисты дубы, древни клены
Сплетают вечну тень прохлад, –
Ужель вас зреть не буду боле?
Ужели там, на ратном поле,
Судил мне рок сном вечным спать?
Свирель и чаша золотая
Там будут в прахе истлевать;
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Забвенный прах не окропится..
Заране должно ли крушиться?
Умру, и все умрет со мной!..
Но вы еще, друзья, со мною
Под тенью тополей густою,
С золотыми чашами в руках,
С любовью, с дружбой на устах.
Между началом 1806

и февралем 1810

СТИХИ Г. СЕМЕНОВОЙ

E in si be! cogro piu cara venia[8].

Тасе. V песнь «Освобожденного Иерусалима».

Я видел красоту, достойную венца,
Дочь добродетельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастного слепца;
Я видел, я внимал ее сердечну стону –
И в рубище простом почтенной нищеты
Узнал богиню красоты.
Я видел, я познал ее в Мойне страстной,
Средь сонма древних бард, средь копий и мечей,
Её глас сладостный достиг души моей,
Её взор пламенный, всегда с душой согласный,
Я видел – и познал небесные черты
Богини красоты.
О дарование, одно другим венчанно! [9]
Я видел Ксению, стеньящу предо мной:
Любовь и строгий долг владеют вдруг княжной;
Боренье всех страстей, в ней ужасу слиянно,
Я видел, чувствовал душевной полнотою
И счастлив сей мечтой!
Я видел и хвалить не смел в восторге страстном;
Но ныне, истиной священной вдохновен,
Скажу: красот собор в ней явно съединен –
Душа небесная во образе прекрасном
И сердца доброго все редкие черты,
Без коих ничего и прелесть красоты.
Ярославль,

Сентября 6, 1809

ТИБУЛЛОВА ЭЛЕГИЯ III

Из III книги

Напрасно осыпал я жертвенник цветами,
Напрасно фимиам курил пред алтарями;

Напрасно: Делии еще с Тибуллом нет.
Бессмертны! Слышали вы скромный мой обет!
Молил ли вас когда о почестях и злате?
Желал ли обитать во мраморной палате?
К чему мне пажитей обширная земля,
Златыми класами венчанное поля
И стадо кобылиц, рабами охраненно?
О бедности молил, с тобою разделенной!
Молил, чтоб смерть меня застала при тебе,
Хоть нища, но с тобой!.. К чему желать себе
Богатства Азии или волов дебелых?
Ужели более мы дней сочтем веселых
В садах и в храминах, где дивный ряд столбов
Иссечен хитростью наемных пришлецов;
Где всё один порфир Тенера и Кариста,
Помосты мраморны и урны злата чиста;
Луга пространные, где силою трудов
Легла священна тень от кедровых лесов?
К чему эритрские жемчужины бесценны
И руны тирские, багрянцем напоенны?
В богатстве ль счастье? В нем призрак, тщетный вид!
Мудрец от лар своих за златом не бежит,
Колен пред случаем вовек не преклоняет
И в хижине своей с фортуной обитает!
И бедность, Делия, мне радостна с тобой!
Тот кров соломенный Тибуллу золотой,
Под коим, сопряжен любовью с тобою,
Стократ благословен!.. Но если предо мною
Бессмертные весов судьбы не преклонят,
Утешит ли тогда сей Рим, сей пышный град?
Ах! нет! и золото блестящего Пактола,
И громкой славы шум, и самый блеск престола
Без Делии ничто, а с ней и куща – храм,
Безвестность, нищета завидны небесам!
О дочь Сатурнова! услышь мое моленье!
И ты, любви мать! Когда же Парк сужденье,
Когда суровых сестр противно вретено
И Делией владеть Тибуллу не дано, –
Пускай теперь сойду во области Плутона,
Где блата топкие и воды Ахерона
Широкой цепию вокруг ада облежат,
Где беспробудным сном печальны тени спят.
Между сентябрем и декабрем 1809

* * *

На крыльях улетают годы:
Дни наши, как, пеняя, воды
Теснятся в глубине морской;
Смерть идет быстрыми стопами
И хладными уже перстами
Снег сыплет над моей главой.
Как цвет весенний вянет радость...
Итак, пускай среди друзей
Меня застанет хладна старость
В объятых Делии моей
Как гость, весельем пресыщенный,
Роскошный оставляет пир,
Так я, любовью упоенный,
Усну... при шуме сладком лир.
<1809>

* * *

Приблизьтесь, Музы, и цветами
Почтите хладный прах его.
Приблизьтесь, други, и слезами

Почтите друга своего.
С лучами розовой денницы
Приблизьтесь, Музы, и кошницы,
Исполненны млечных лилей,
В символ души его небесной. –
Расцветы вокруг. – Но друг прелест(ной)!
Рыдает с нами Гименей.
Утешься, плачуща вдовица!
Сия безвременна гробница,
Могила радости твоей,
Сии вокруг ее березы,
Сии в рук<ах> поблекши розы,
Надгробья лик и плач друзей, –
Суть неизбежна дань Сатурну.
Но вера, наклонясь на урну,
Тебе вещает глас небес:
«Ничтожна жизнь и скоротеч<на> –
Награда праведника вечна:
Супруг твой для тебя воскрес».
<1809>

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!
Приблизьтесь, жены, и, руками
Сплетяся дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!
Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или как, сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.
Как ваше пенье сердцу внятно,
Как негой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!
Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду, с чувствами согласны,
Являют негу и любовь!
Но ветер вечерний повеваает,
Уж светлый месяц над рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.
<1810>

НА СМЕРТЬ ЛАУРЫ

Из Петрарки[10]

Колонна гордая! о лавр вечнозеленый!
Ты пал! – и я навек лишен твоих прохлад!
Ни там, где Инд живет, лучами опаленный,
Ни в хладном Севере для сердца нет отрад!
Все смерть похитила, все алчная пожрала –
Сокровище души, покой и радость с ним!
А ты, земля, вовек корысть не возвращала,
И мертвый нем лежит под камнем гробовым!
Все тщетно пред тобой – и власть, и волхвованья...
Таков судьбы завет!.. Почто ж мне доле жить?
Увы, чтоб повторять в час полночи рыданья
И слезы вечные на хладный камень лить!
Как сладко, жизнь, твое для смертных обольщенье!

я в будущем мое блаженство основал,
Там пристань видел я, покой и утешенье –
И все с Лаурою в минуту потерял!
<1810>

ВЕЧЕР

Подражание Петрарке

В тот час, как солнца луч потухнет за горою,
Склонясь на посох свой дрожащею рукою,
Пастушка, дряхлая от бремени годов,
Спешит, спешит с полей под отдаленный кров
И там, пришед к огню, среди лачуги дымной
Вкушает трапезу с семьей гостеприимной,
Вкушает сладкий сон, в замену горьких слез!
А я, как солнца луч потухнет средь небес,
Один в изгнании, один с моей тоскою,
Беседую в ночи с задумчивой луною!
Когда светило дня потонет средь морей
И ночь, угрюмая владычица теней,
Сойдет с высоких гор с отрадной тишиною,
Оратай острый плуг увозит за собою
И, медленной стопой идя под отчий кров,
Поет простую песнь в забвенье всех трудов;
Супруга, рой детей оратая встречают
И брашна сельские поспешно предлагают,
Он счастлив – я один с безмолвною тоской
Беседую в ночи с задумчивой луной.
Лишь месяц сквозь туман багряный лик оставит
В недвижные моря – пастух поля оставит,
Простится с нивами, с дубравой и ручьем
И гибкою лозой стада погонит в дом.
Игралище стихий среди пучины пенной,
И ты, рыбарь, спешись на брег уединенной!
Там, сети приклонив ко утлой ладие
(Вот все от грозных бурь убежище твое!),
При блеске молнии, при шуме непогоды
Заснул... И счастлив ты, угрюмой сын природы!
Но се бледнеет там багряный небосклон,
И медленной стопой идут волы в загон
С холмов и пажитей, туманом орошенных.
О песнопений мать, в вертепах отдаленных,
В изгнании горестном утеха дней моих,
О лира, возбуди бряцаньем струн золотых
И холмы спящие, и кипарисны рощи,
Где я, печали сын, среди глубокой ночи,
Объятый трепетом, склонился на гранит...
И надо мною тень Лауры пролетит!
<1810>

ЭЛИЗИЙ

О, пока бесценна младость
Не умчалася стрелой,
Пей из чаши полной радость
И, сливая голос свой
В час вечерний с тихой лютней,
Славь беспечность и любовь!
А когда в сени уютной
Мы услышим смерти зов,
То, как лозы винограда
Обвивают тонкий вяз,
Так меня, моя отрада,
Обними в последний раз!
Так лилейными руками,
Цепью нежною обвей,

Съедини уста с устами,
Душу в пламени излей!
И тогда тропой безвестной,
Долу, к тихим берегам,
Сам он, бог любви прелестной,
Проведет нас по цветам
В тот Элизий, где все тает
Чувством неги и любви,
Где любовник воскресает
С новым пламенем в крови,
Где, любясь пляской Граций,
Нимф, сплетенных в хоровод,
С Делией своей Гораций
Гимны радости поет.
Там, под сенью миртов зыбкой,
Нам любовь сплетет венцы
И приветливой улыбкой
Встретят нежные певцы.
<1810>

ОТЪЕЗД

Ты хочешь, горсткой фимиама
Чтоб жертвенник я твой почтил?
Для Граций Муза не упряма,
И я им лиру посвятил.

Я вижу, вокруг тебя толпятся
Вздыхатели – шумливый рой!
Как пчелы на цветок стремятся
Иль легки бабочки весной.

И Марс высокий, в битвах смелый,
И Селадон плаксивый тут,
И юноша еще незрелый
Тебе сердечну дань несут.

Один – я видел – все вздыхает,
Другой как мраморный стоит,
Болтун сорокой не болтает.
Нахал краснеет и молчит.

Труды затейливой Арахны,
Сотканные в углу тайком,
Не столь для мух игривых страшны,
Как твой для нас волшебный дом.

Но я один, прелестна Хлоя,

Платить сей дани не хочу
И, осторожности удвоя,
На тройке в Питер улечу.

<1810>

СКАЛЬД

«Воспой нам песнь любви и брани,
О скальд, свидетель древних лет,
Твой меч тяжел для слабой длани,
Но глас века переживет!» –
«Отцов великих славы чада! –
Егил героям отвечал, –
Священных скальдов песнь – награда
Тому, кто в битвах славно пал:
И щит его, и метки стрелы –
Они спасут от алчной Гелы.
Ах, мне ли петь? Мой глас исчез,
Как бури усыпленный ропот,
Который, чуть колебля лес,
Несет в долины томный шепот.
Но славы подвиги отцов
Живут в моем воспоминаньи;
При тусклом зарева мерцаньи
Прострите взор на ряд холмов,
На ветхи стены и могилы,
Покры<ты> мхом, – там ветер унылый
С усопших прахом говорит;
Там меч, копье и звонкий щит
Покрыты пылью и забвенны..
Остатки храброго священны!
Я их принес на гроб друзей,
На гроб Аскара и Елои!..
А вы, о юноши-герои,
Внемлите повести моей».
Между 1809 и 1811

ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН

1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА

(Отрывок из большого стихотворения)

Снегами погребен, угрюмый Неман спал.
Равнину льдистых вод, и берег опустелый,
И на берегу покинутые селы
Туманный месяц озарял.
Все пусто... Кое-где на снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся, тлеет,
И хладный, как мертвец,
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим смутный взор вперив на мертвы ноги.
И всюду тишина... И се, в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется. Гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони;
Несут полки славян погибель за врагом,
Достигли Немана – и копыя водрузили.
Из снега выросли бесчисленны шатры,
И на берегу зажженные костры

Все небо заревом багровым обложили.
И в стане царь молодой
Сидел между вождями,
И старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.
<1813>

* * *

У Волги-реченьки сидел
В кручинушке, унылый,
Солдат израненный и хилый.
Вздыхнул, на волны поглядел
И песенку запел:
– Там, там в далекой стороне,
Ты, родина святая!
Отец и мать моя родная,
Вас не увидеть боле мне
В родимой стороне.
О, смерть в боях не так страшна.
Как страннику в чужбине,
Там пуля смерть, а здесь в кручине
Томись без хлеба и без сна,
Пока при<дет> она.
Куда летите, паруса? –
На родину святую.
Зачем вы, пташки, в цепь густую,
Зачем взвились под небеса? –
В родимые леса.
Все в родину летит свою,
А я бреду насилу,
Сквозь слезы песенку унылу
Путем-дорогою пою
Про родину мою.
Несу котомку на плечах,
На саблю подпираюсь,
Как сиротиночка <?> скитаюсь
В лесах дремучих и песках,
На волжских берегах.
Жена останется вдовой,
А дети сиротами,
Вам сердце молвит: за горами,
В стране далекой и чужой,
Знать, умер наш родной.
Зачем, зачем ре(ка) Дунай
Меня не поглотила!
Зачем ты, пуля, изменила
. . .
1816 или 1817 (?)

* * *

Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы
При появлении Аврориных лучей,
Но не отдаст тебе багряная денница
Сияния протекших дней,
Не возвратит убежищей прохлады,
Где нежилась рой красот,
И никогда твои порфирны колоннады
Со дна не встанут синих вод.
Май или июнь 1819

* * *

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,

И есть гармония в сем говоре валов.
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты, природа-мать.
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать об них – не знаю.
Июль или август 1819

НАДПИСЬ ДЛЯ ГРОБНИЦЫ

ДОЧЕРИ МАЛЫШЕВОЙ

О! милый гость из отческой земли!
Молю тебя: заметь сей памятник безвестный:
Здесь мать и отец надежду погребли;
Здесь я покоюся, младенец их прелестный.
Им молви от меня: «Не сетуйте, друзья!
Моя завидна скоротечность;
Не знала жизни я,
И знаю вечность».
Январь 1820

ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ

La verginella e simile alla rosa[11]

Девушка юная подобна розе нежной,
Взлелеянной весной под сению надежной:
Ни стадо алчное, ни взоры пастухов
Не знают тайного сокровища лугов,
Но ветер сладостный, но роши благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.
<1821>

* * *

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.
<1824>?

ПОСЛАНИЯ

ПОСЛАНИЕ К Н. И. ГНЕДИЧУ

Что делаешь, мой друг, в полтавских ты степях?
И что в стихах
Украдкой от друзей на лире воспеваешь?
С Фингаловым певцом мечтаешь

Иль резвою рукой
 Венок красавице сплетаешь?
 Поешь мечты, любовь, покой,
 Улыбку томных Корины
 Иль страстный поцелуй шалуньи Зефирины?
 Все, словом, прелести Питерских уз –
 Они так дороги воспитаннику Муз –
 Поешь теперь, а твой на Севере приятель,
 Веселий и любви своей летописатель,
 Беспечность полюбя, забыл и Геликон.
 Терпенье и труды ведь любит Аполлон –
 А друг твой славой не прельщался,
 За бабочкой, смеясь, гонялся,
 Красавицам стихи любовные шептал
 И, глядя на людей – на пестрых кукол – мечтал:
 «Без скуки, без забот не лучше ль жить с друзьями,
 Смеяться с ними и шутить,
 Чем исполинскими шагами
 За славой побежать и в яму поскользится?»
 Охоты, право, не имею
 Чрез то я сделаться смешным,
 И умным, и глупцом, и злым,
 Иль, громку лиру взяв, пойти вослед Алкею,
 Надувшись пузырем, родить один лишь дым.
 Как Рифмин, закричать: «Ликуй, земля, со мною!
 Воспряньте, камни, лес! Зрю Муз перепрянуть!
 Восторг! Лечу на Пинд!.. Простите, что упал:
 Ведь я Пиндару подражал!»
 Что в громких песнях мне? Доволен я мечтами,
 В покойном уголке тихонько притаюсь,
 Но с светом вовсе не простясь:
 Играя мыслями, я властвую духами.
 Мы, право, не живем
 На месте всё одном,
 Но мыслями летаем;
 То в Африку плывем,
 То на развалинах Пальмиры побываем,
 То трубку выкурим с султаном иль пашой,
 Или, пленяся вдруг султановой женой,
 Фатимой томной, молодой,
 Тотчас дарим его рогами;
 Смеемся муфтию, деремся с визирями,
 И после, убежав (кто в мыслях не колдун?),
 Увидим стройных Нимф, услышим звуки струн,
 И где ж очутимся? На бале и в Париже!
 И так мечтанием бываем к счастью ближе,
 А счастье лишь там живет,
 Где нас, безумных, нет.
 Мы сказки любим все, мы – дети, но большие.
 Что в истине пустой? Она лишь ум сушит,
 Мечта все в мире золотит,
 И от печали злыя
 Мечта нам щит.
 Ах, должно ль запретить и сердцу забываться,
 Поэтов променя на скучных мудрецов!
 Поэты не дают с фантазией расстаться,
 Мы с ними посреди Армидиных садов,
 В прохладе рощ тенистых,
 Внимаем пению Орфеев голосистых.
 При шуме ветерков на розах нежных спим
 И возле Нимф вздыхаем,
 С богами даже говорим,
 А с мудрецами лишь болтаем,
 Браним несчастный мир, да, рассердясь... зеваем.
 . . .
 Так, сердце может лишь мечтою услаждаться!
 Оно все хочет оживить:
 В лесу на утлом пне друидов находить,

Укрывшихся под ель, рукой времян согбенну;
Услышать Барда песнь священну,
С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
О ратнике младом.
Все сердцу в мире сем вещает.
И гроб безмолвен не бывает,
И камень иногда пустынный говорит:
«Герой здесь спит!»
Так, сердцем рождена, поэзия любезна,
Как нектар сладостный, приятна и полезна.
Язык ее – язык богов;
Им дивный говорил Омир, отец стихов.
Язык сей у творца берет Протея виды.
Иной поет любовь: любимец Афродиты,
С свирелью тихою, с увенчанной главой.
Вкушает лишь покой,
Лишь радости одни встречает
И розами стезю сей жизни устиляет.
Другой,
Как славный Тасс, волшебною рукой
Являет дивный храм природы
И всех чудес ее тьмочисленные роды:
Я зрю то мрачный ад,
То счастья чертог, Армидин дивный сад;
Когда же он дела героев прославляет
И битвы воспевает,
Я слышу треск и гром, я слышу стон и крик...
Таков поэзии язык! –
Не много ли с тобой уж я заговорился?
Я чересчур болтлив: я с Фебом подружился,
А с ним ли бедному поэту сдобровать?
Но, чтоб к концу привести начатое маранье,
Хочу тебе сказать,
Что пременить себя твой друг имел старанье,
Увы, и не успел! Прими мое признание!
Никак я не могу одним доволен быть,
И лучше розы мне на терны пременить,
Чем розами всегда одними восхищаться.
Итак, не должно удивляться,
Что ветренный твой друг –
Поэт, любовник вдруг
И через день потом философ с грозным тоном,
А больше дружен с Аполлоном,
Хоть и неидет за славы громом,
Но пишет все стихи,
Которы за грехи,
Краснейся, друзьям вполголоса читает
И первый сам от них зевает.
1805

К П<ЕТИ>НУ

О любимец бога брани,
Мой товарищ на войне!
Я платил с тобою дани
Богу славы не одне:
Ты на кивере почтенном
Лавры с миртом сочетал;
Я в углу уединенном
Незабудки собирал.
Помнишь ли, питомец славы,
Индесальмы? Страшну ночь?
«Не люблю такой забавы», –
Молвил я, – и с Музой прочь!
Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...

Ужин вам приготовлял.
Счастлив ты, шалун любезный,
И в Цитерской стороне;
Я же – всюду бесполезный,
И в любви, и на войне,
Время жизни в скуке трачу
(За крылатый счастья миг!) –
Ночь зеваю... утром плачу
Об утрате снов моих.
Тщетны слезы! Мне готова
Цепь, сотканна из сует;
От родительского крова
Я опять на море бед.
Мой челнок Любовь слепая
Правит детскою рукой,
Между тем как Лень, зевая,
На корме сидит со мной.
Может быть, как быстра младость
Убежит от нас бегом,
Я возьмусь за ум... да радость
Уживется ли с умом? –
Ах, почто же мне заране,
Друг любезный, унывать? –
Вся судьба моя в стакане!
Станем пить и воспевать:
«Счастлив! счастлив, кто цветами
Дни любви украшал,
Пел с беспечными друзьями,
А о счастии... мечтал!
Счастлив он, и втрое боле
Всех вельможей и царей!
Так давай в безвестной доле,
Чужды рабства и цепей,
Кое-как тянуть жизнь нашу,
Часто с горем пополам,
Наливать полнее чашу
И смеяться дуракам!»
1810

К ТВОРЦУ

«ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

Когда на играх Олимпийских,
В надежде радостных похвал,
Отец истории читал,
Как грек разил вождей азийских
И силы гордых сокрушал, –
Народ, любитель шумной славы,
Забыв ристанье и забавы,
Стоял и весь вниманье был.
Но в сей толпе многонародной
Как старца слушал Фукидид!
Любимый отрок Аонид,
Надежда крови благородной!
С какою жаждою внимал
Отцов деянья знамениты
И на горящие ланиты
Какие слезы проливал!
И я так плакал в восхишеньи,
Когда скрижаль твою читал,
И Гений твой благословлял
В глубоком, сладком умиленьи...
Пускай талант – не мой удел!
Но я для Муз дышал недаром,
Любил прекрасное и с жаром
Твой Гений чувствовать умел.
Между июлем и сентябрем 1818

КНЯЗЮ П. И. ШАЛИКОВУ

(при получении от него в подарок книги,
им переведенной)

Чем заплачу вам, милый князь,
Чем отдарю почтенного поэта?
Стихами? Но давно я с Музой рушил связь
И без нее кругом летаю света,
С востока к западу, от севера на юг –
Не там, где вы, где Граций круг,
Где Аполлон с Парнасскими сестрами,
Нет, нет, в стране иной,
Где ввек не повстречаюсь с вами:
В пыли, в грязи, на тряской мостовой,
«В картузе, с козырьком, с небритыми усами»,
Как Пушкина герой,
Воспетый им столь сильными стихами.
Такая жизнь для мыслящего – ад.
Страданий вам моих не в силах я исчислить.
Скачи туда, сюда, хоть рад или не рад.
Где ж время чувствовать и мыслить?
Но время, к счастью, есть любить
Друзей, их славу и успехи
И в дружбе находить
Неизъяснимые для черствых душ утечи.
Вот мой удел, почтенный мой поэт:
Оставя отчий край, увижу новый свет,
И небо новое, и незнакомы лица,
Везувий в пламени и Этны вечный дым,
Кастратов, оперу, фигляров, папский Рим
И прах, священный прах всемирный столицы.
Но где б я ни был (так я молвлю в добрый час),
Не изменюсь, душою тот же буду
И, умирая, не забуду
Москву, отечество, друзей моих и вас!
11 сентября 1818

ПОСЛАНИЕ К А. И. ТУРГЕНЕВУ

Есть дача за Невой,
Верст двадцать от столицы,
У Выборгской границы,
Близ Парголы крутой:
Есть дача или мыза,
Приют для добрых душ,
Где добрая Элиза
И с ней почтенный муж,
С открытою душою
И с лаской на устах,
За трапезой простою
На бархатных лугах,
Без бального наряда
В свой маленький приют
Друзей из Петрограда
На праздник сельский ждут.
Там муж с супругой нежной
В час отдыха от дел
Под кров свой безмятежной
Муз к Грациям привел.
Поэт, лентяй, счастливец
И тонкий философ,
Мечтает там Крылов
Под тению березы

О басенных зверях
И рвет парнасски розы
В приютинских лесах.
И Гнедич там мечтает
О греческих богах,
Меж тем как замечает
Кипренский лица их
И кистию чудесной,
С беспечностью прелестной,
Вандиков ученик,
В один крылатый миг
Он пишет их портреты,
Которые от Леты
Спасли бы образцов,
Когда бы сам Крылов
И Гнедич сочиняли,
Как пишет Тянислов
Иль Балдусы писали,
Забыв и вкус и ум.
Но мы забудем шум
И суеты столицы,
Издадим колесницы,
Ударим по коням
И пустимся стрелою
В Приютино с тобою.
Согласны? – По рукам!
Между октябрем 1817 и ноябрем 1818

ПОДРАЖАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

БОГ

На вечном троне ты средь облаков сидишь
И сильною рукой гром мещешь и разишь.
Но бури страшные и громы ты смиряешь
И благость на земли реками изливаешь.
Начало и конец, середина всех вещей!
Во тьме ты ясно зришь и в глубине морей.
Хочу постичь тебя, хочу – не постигаю.
Хочу не знать тебя, хочу – и обретаю.
Везде могущество твое напечатленно.
Из сильных рук твоих родилось все нетленно.
Но все здесь на земли приемлет вид другой:
И мавзолеи где гордились собой,
И горы вечные где пламенем курились,
Там страшные моря волнами вдруг разлились;
Но прежде море где шумело в берегах,
Сияют класы там златые на полях
И дым из хижины пастушечьей курится.
Велишь – и на земли должно все измениться,
Велишь – как в ветер прах, исчезнет смертных род!
Всесильного чертог, небесный чистый свод,
Где солнце, образ твой, в лазури нам сияет
И где луна в ночи свет тихий проливает,
Туда мой скромный взор с надеждою летит!
Безбожный лжемудрец в смущеньи на вас зрит.
Он в мрачной хижине тебя лишь отвергает:
В долине, где журчит источник и сверкает,
В ночи, когда луна нам тихо льет свой луч,
И звезды ясные сияют из-за туч,
И Филомелы песнь по воздуху несется, –
Тогда и лжемудрец в ошибке признается.
Иль на горе когда ветер северный шумит,
Скрипит столетний дуб, ужасно гром гремит.
Паляща молния по облаку сверкает,
Тут в страхе он к тебе, всевышний, прибегает,

Клянёт тебя, клянёт и разум тщетный свой,
И в страхе скажет он: «Смирюсь пред тобой!
Тебя – тварь брeнная – ещё не понимаю,
Но что ты милостив, велик, теперь то знаю!»
1804 или 1805

СОН МОГОЛЬЦА

Баснь

Могольцу снилися жилища Елисейски:
Визирь блаженный в них
За добрые дела житейски,
В числе угодников святых,
Покойно спал на лоне гурий,
Но сонный видит ад,
Где, пламенем объят,
Терзаемый бичами фурий,
Пустынный испускал ужасный вопль и стон.
Моголец в ужасе проснулся.
Не ведая, что значит сон.
Он думал, что пророк в сих мертвых обманулся
Иль тайну для него скрывал;
Тотчас гадателя призвал,
И тот ему в ответ: «Я не дивлюсь нimalo.
Что в снах есть разум, цель и склад.
Нам небо и в мечтах премудрость завешало...
Сей праведник, визирь, оставя двор и град,
Жил честно и всегда любил уединенье. –
Пустынный на поклон таскался к визирям». –
С гадателем сказав, что значит сновиденье,
Внушил бы я любовь к деревне и полям.
Обитель мирная! в тебе успокоенье
И все дары небес даются щедро нам.
Уединение, источник благ и счастья!
Места любимые! ужели никогда
Не скроюсь в вашу сень от бури и ненастья?
Блаженству моему настанет ли чреда?
Ах! кто остановит меня под мрачной тенью?
Когда перенесусь в священные леса?
О Музы! сельских дней утеха и краса!
Научите ль меня небесных тел течению?
Светил блистающих несчетны имена
Узнаю ли от вас? Иль, если мне дана
Способность малая и скудно дарованье,
Пускай пленит меня источников журчанье.
И я любовь и мир пустынный воспою!
Пусть Парка не прядет из злата жизнь мою
И я не буду спать под бархатным наметом:
Ужели через то я потеряю сон?
И меньше ль по трудах мне будет сладок он,
Зимой – близ огонька, в тени древесной – летом?
Без страха двери сам для Парки отопру,
Беспечно век прожив, спокойно и умру.
<1808>

К ТАССУ[12]

Позволь, священна тень, безвестному певцу
Коснуться к твоему бессмертному венцу
И сладость пения твоей авзонской Музы,
Достойной берегов прозрачной Аретузы,
Рукою слабую на лире повторить
И новым языком с тобою говорить! [13]
Среди Элизия близ древнего Омира
Почует тень твоя, и Аполлона лира

Еще согласьем дух поэта веселит.
 Река забвения и пламенный Коцит
 Тебя с любовницей, о Тасс, не разлучили: [14]
 В Элизии теперь вас Музы съединили,
 Печали нет для вас, и скорбь протекших дней,
 Как сладостну мечту, объемлете душой...
 Торквато, кто испил все горькие отравы
 Печалей и любви и в храм бессмертной славы,
 Ведомый Музами, в дни юности проник, –
 Тот преждевременно несчастлив и велик! [15]
 Ты пел, и весь Парнас в восторге пробудился,
 В Феррару с Музами Феб юный ниспустился,
 Назонову тебе он лиру сам вручил,
 И Гений крыльями бессмертья осенил.
 Воспел ты бурную брань, и бледны Эвмениды
 Всех ужасов войны открыли мрачны виды:
 Бегут среди полей и топчут знамена,
 Светильником вражды их ярость разжжена,
 Власы растрепанны и ризы обагрены,
 Я сам среди смертей... и Марс со мною медный...
 Но ужасы войны, мечей и копий звук
 И гласы Марсовы как сон исчезли вдруг:
 Я слышу вдалеке пастушечьи свирели,
 И чувства души иные овладели.
 Нет более вражды, и бог любви молодой
 Спокойно спит в цветах под миртою густой.
 Он встал, и меч опять в руке твоей блистает!
 Какой Протей тебя, Торквато, пременяет,
 Какой чудесный бог чрез дивные мечты
 Рассеял мрачные и нежны красоты?
 То скиптр в его руках или перун зажженный,
 То розы юные, Киприде посвященные,
 Иль факел Эвменид, или луч златой любви.
 В глазах его – любовь, вражда – в его крови;
 Летит, и я за ним лечу в пределы мира,
 То в ад, то на Олимп! У древнего Омира
 Так шаг один творил огромный бог морей
 И досягал другим краев подлунной всей.
 Армиды чарами, средь моря сотворенной,
 Здесь тенью миртовой в долине осененной,
 Ринальд, молодой герой, забыв воинский глас,
 Вкушает прелести любви и зараз...
 А там что зрят мои обворожены очи?
 Близ стана воинска, под кровом черной ночи,
 При зареве бойниц, пылающих огнем,
 Два грозных воина, вооружась мечом,
 Неистойвой рукой струят потоки крови...
 О, жертва ярости и плачущей любви!..
 Пойдите, воины!.. Увы!.., один падет...
 Танкред в враге своем Клоринду узнает,
 И морем слез теперь он платит, дерзновенный,
 За каплю каждую сей крови драгоценной... [16]
 Что ж было для тебя наградою, Торкват,
 За песни стройные? Зоилов острый яд,
 Притворная хвала и ласки царедворцев,
 Отравы для души и самых стихотворцев.
 Любовь жестокая, источник зол твоих,
 Явилась тебе среди палат златых,
 И ты из рук ее взял чашу ядовиту,
 Цветами юными и розами увиту,
 Испил и, упоен любовною мечтой,
 И лиру, и себя поверг пред красотой.
 Но радость наша – ложь, но счастье – крылато;
 Завеса раздрана! Ты узник стал, Торквато!
 В темницу мрачную ты брошен, как злодей,
 Лишен и вольности, и Фебовых лучей.
 Печаль глубокая поэтов дух сразила,
 Исчез талант его и творческая сила

И разум весь погиб! О вы, которых яд
Торквату дал вкусить мучений лютых ад,
Придите зрелищем достойным веселиться
И гибелью его таланта насладиться!
Придите! Вот поэт превыше смертных хвал,
Который говорить героев заставлял,
Проникнул взорами в небесные чертоги, –
В железах стонет здесь... О милосерды боги!
Доколе жертвою, невинность, будешь ты
Бесчестной зависти и адской клеветы?
Имело ли конец несчастье поэта?
Железною рукой печаль и быстры лета
Уже безвременно белят его волосы,
В единообразии бегут, бегут часы,
Что день, то прежняя скорбь, что ночь – мечты ужасны..
Смягчился наконец завет судьбы злосчастной.
Свободен стал поэт, и солнца луч златой
Льет в хладну кровь его отраду и покой;
Он может опочить на лоне светлой славы.
Средь Капитолия, где стены обветшала
И самый прах еще о римлянах твердит,
Там ждет его триумф... Увы!., там смерть стоит!
Неумолимая берет венок лавровый,
Поэта увенчать из давних лет готовый.
Премена жалкая столь радостного дни!
Где знамя почестей, там смертны пелены,
Не увенчание, но лики погребальны..
Так кончились твои, бессмертный, дни печальны!
Нет более тебя, божественный поэт!
Но славы Тассовой исполнен ввеки свет!
Едва ли прах один остался древней Трои,
Не знаем и могил, где спят ее герои,
Скамандр божественный вертепами течет.
Но в памяти людей Омир еще живет,
Но человечество певцом еще гордится,
Но мир ему есть храм... И твой не сокрушится!
Между маем и началом августа 1808

<ОТРЫВОК ИЗ I ПЕСНИ

«ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»>

Пустынный Петр говорил в верховном совете.

Он предложил Готфреда в вожди.

Скончал пустынный речь... Небесно вдохновенье
Не скрыто от тебя сердечное движенье,
Ты в старцевы уста глагол вложило сей
И сладость оного влило в сердца князей,
Ты укротило в них бушующие страсти,
Дух буйной вольности, любовь врожденну к власти:
Вильгельм и мудрый Гелф, первейший из вождей,
Готфреда нарекли вождем самих царей.
И плески шумные избранье увенчали!
«Ему единому, – все ратники вещали, –
Ему единому вести ко славе нас!
Законы пусть дает его единый глас;
Доселе равные, его послушны воле,
Под знаменем святым пойдём на бранно поле,
Поганство буйное святыне покорим.
Награда небо нам: умрем иль победим!»
Узрели воины начальника избранна
И властью почли достойно увенчанна.
Он плески радостны от войска восприял,
Но вид величия спокойного являл.
Клялися все его повиноваться воле.

Наутро он велел полкам собраться в поле,
Чтоб рать под знамена священны притекла,
И слава царское веленье разнесла.
Торжественней в сей день явилось над морями
Светило дня, лучи лиющее реками!
Христово воинство в порядке потекло
И дол обширнейший строями облегло.
Развились знамена, и копья заблистали,
Скользящие лучи сталь гладку зажигали;
Но войско двинулось: перед вождем течет
Тяжела конница и ей пехота вслед.
О память светлая! тобою озаренны
Протекши времена и подвиги забвенны.
О память, мне свои хранилища открой!
Чьи ратники сии? Кто славный их герой?
Повеждь, да слава их, утраченна веками,
Твоими возблестит небренными лучами!
Увековечи песнь нетлением своим,
И время сокрушит железо перед ним!
Явились первые неустрашимы галлы:
Их грудь облечена в слянные металлы,
Оружие звенит тяжелое в руках.
Гуг, царский брат, сперва был вождем в сих полках;
Он умер, и хоругвь трех лилий благородных
Не в длани перешла ее царей природных,
Но к мужу, славному по доблести своей:
Клотарий избран был в преемники царей.
Счастливым Иль-де-Франс, обильный, многоводный,
Вождя и ратников страну был природной.
Нормандцы грозные текут сим войскам вслед:
Роберт их кровный царь, ко брани днесь ведет.
На галлов сходствует оружие их и нравы;
Как галлы, не щадят себя для царской славы.
Вильгельм и Адемар их войски в брань ведут,
Народов пастыри за веру кровь лиют.
Кадильницу они с булатом сочетали
И длинные власы шеломами венчали.
Святое рвение! Их меткая рука
Умеет поражать врагов издалека.
Четыреста мужам, в Орангии рожденным,
Вильгельм предшествует со знаменем священным;
Но равное число идет из Пуйских стен,
И Адемар вождем той рати наречен.
Се идет Бодоин с болонцами своими:
Покрыты чела их шеломами златыми.
Готфреда воины за ними вслед идут,
Вождем своим теперь царева брата чтут.
Корнунтский граф потом, вождь мудрости избранный,
Четыреста мужей ведет на подвиг бранный;
Но трижды всадников толикое число
Под Бодоиновы знамена притекло.
Гелф славный возле них покрыл полками поле,
Гелф славен счастьем, но мудростию боле.
Из дома Эстского сей витязь родился,
Воспринят Гелфом был и Гелфом назвался;
Карантией теперь богатой обладает
И власть на ближние долины простирает.
По коим катит Рейн свой серебряный кристалл:
Свев дикий искони там в детстве обитал.
Между маем и началом августа 1808

<ОТРЫВОК ИЗ XVIII ПЕСНИ

«ОСВОБОЖДЕННОГО ИЕРУСАЛИМА»>

Адские духи царствуют в очарованном лесе;

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
Ринальд по повелению Готфреда шествует туда,

дабы истребить чары Исменовы.

Се час божественный Авроры золотой:
Со светом утренним слился мрак ночной,
Восток румяными огнями весь пылает,
И утрення звезда во блесках потухает.
Оставя по траве, росой обмытой, след,
К горе Оливовой Ринальд уже течет.
Он в шествии своем светилы зрит небренны,
Руками вышнего на небесах возжженны,
Зрит светлый свод небес, раскинут как шатер,
И в мыслях говорит: «Колико ты простер,
Царь вечный и благий, сияния над нами!
В день солнце, образ твой, течет под небесами,
В ночь тихую луна и сонм бесчисленных звезд
Льют утешный луч с лазури горних мест.
Но мы, несчастные, страстями упоены,
Мы слепы для чудес: красавиц взор влюбленный,
Улыбка страстная и вредные мечты
Приятнее для нас нетленной красоты».
На твердые скалы в сих мыслях востекает
И там чело свое к лицу земли склоняет.
Но духом к вечному на небеса парит.
К востоку обратясь, в восторге говорит:
«Отец и царь благий, прости мне ослепленье,
Кипящей юности невольное заблужденье,
Прости и на меня излей своей рукой
Источник разума и благодати святой!»
Скончал молитву он. Уж первый луч Авроры
Блестит сквозь туман на отдаленные горы;
От пурпурных лучей героев шлем горит.
Зефир, спорхнув с цветов, по воздуху парит
И грозное чело Ринальда лобызает;
Ниспадшею росой оружие блестит,
Шит крепкий, копие, железная броня
Как золото горят от солнечного огня.
Так роза блеклая, в час утра оживая,
Красуется, слезой Аврориной блестя;
Так, чешуей гордясь, весною лютой змей
Вьет кольца по песку излучистой струей.
Ринальд, блистанием оружия удивленный,
Стопами смелыми – и свыше вдохновенный –
Течет в сей мрачный лес, самих героев страх,
Но ужасов не зрит: в прохладе и тених
Там нега с тишиной, обнявшись, засыпают,
Зефиры горлицей меж тростников вздыхают
И с томной сладостью журчит в кустах ручей.
Там лебедь песнь поет, с ним стонет соловей,
И гласы сельских нимф и арфы тихострунной
Несутся по лесу как хор единошумный.
Не нимф и не сирен, не птиц небесных глас,
Не царство сладкое и неги, и зараза
Мечтал найти Ринальд, но ад и мрак ужасный,
Подземные огни и трески громогласны.
Восторжен, удивлен, он шаг умерил свой
И путь остановил над светлою рекой.
Она между лугов, казалось, засыпала
И в зеркальных водах берега образовала,
Как цепь чудесная, вокруг леса облегла.
Пространство все ее текуща кристалла
Древа, соплетшись ветвями, осеняли,
Питались влагою и берег украшали.
На водах мраморных мост дивный, весь златой,
Явил через реку герою путь прямой.
Ринальд течет по нем, конца уж достигает,
Но свод, обрушившись, мост с треском низвергает.

Кипящие валы несут его с собой.
 Не тихая река, но ток сей, что весной,
 Снегами наводнен, текущими с вершины,
 Шумит и пенится в излучинах долины,
 Представился тогда Ринальдовым очам.
 Герой спешит оттоль к безмолвным сим лесам,
 В вертепы мрачные, обильны чудесами,
 Где всюду под его рождались стопами
 (О, призрак волшебства и дивные мечты!)
 Ручьи прохладные и нежные цветы.
 Влюбленный здесь нарцисс в прозрачный ток глядится.
 Там роза, цвет любви, на терниях гордится:
 Повсюду древний лес красуется, цветет,
 Вид юности кора столетних лип берет,
 И зелень новая растения венчает.
 Роса небесная на ветвях блистает,
 Из толстый коры струится светлый мед.
 Любовь живет весь лес, с пернатыми поет,
 Вздыхает в тростниках, журчит в ручьях кристальных,
 Несется песнями, теряясь в рощах дальных,
 И тихо с ветерком порхает по цветам.
 Герой велик и мудр, не верит он очам
 И адским призракам в лесу очарованном.
 Вдруг видит на лугу душистом и просторном
 Высокий мирт, как царь, между дерев других.
 Красуется его чело в ветвях густых,
 И тень прохладная далеко вокруг ложится.
 Из дуба ближнего сирена вдруг рождается,
 Волшебством создана. Чудесные мечты
 Прияли гибкий стан и образ красоты.
 Одежда у нее, поднятая узлами,
 Блестит, раскинута над белыми плечами.
 Сто нимф из ста дерев внезапно родились
 И все лилейными руками соплелись.
 На мертвом полотне так – кистию чудесной
 Изображенный – зрим под тению древесной
 Лик сельских стройных дев, собрание красот:
 Играют, резвые, сплетаясь в хоровод,
 Их ризы как туман, и перси обнаженны,
 Котурны на ногах, власы переплетенны.
 Так лик чудесных нимф наместо грозных стрел
 Златыми цитрами и арфами владел.
 Одежды легкие они с рамен сложили
 И с пляской, с пением героя окружили.
 «О ратник-юноша, счастлив навеки ты,
 Любим владычицей любви и красоты!
 Давно, давно тебя супруга ожидала,
 Отчаянна, одна, скиталась и стенала.
 Явился – и с тобой расцвел сей дикий лес,
 Чертог уныния, отчаянья и слез».
 Еще нежнейший глас из мирта издается
 И в душу ратника, как нектар сладкий, льется.
 В древнейши, баснями обильные века,
 Когда и низкий куст, и малая река
 Дриаду юную иль нимфу заключали,
 Столь дивных прелестей внезапно не рождали.
 Но мирт раскрыл себя... О призрак, о мечты!
 Ринальд Армиды зрит стан, образ и черты,
 К нему любовница взор страстный обращает,
 Улыбка на устах, в очах слеза блистает,
 Все чувства борются в пылающей груди,
 Вздыхая, говорит: «Друг верный мой, приди,
 Отри рукой своей сих слез горячих реки,
 Отри и сердце мне свое отдай навеки!
 Вещай, зачем притек? Блаженство ль хочешь пить,
 Утешить сирую и слезы осушить
 Или вражду принес? Ты взоры отвращаешь,
 Меня, любовницу, оружием стращаешь...

И ты мне будешь враг!.. Ужели для вражды
Воздвигла дивный мост, посеяла цветы,
Ручьями скрасила вертеп и лес дремучий
И на пути твоём сокрыла терн колючий?
Ах, сбрось сей грозный шлем, чело дай зреть очам,
Прижмись к груди моей и к пламенным устам,
Умри на них, супруг!.. Сгораю вся тобою –
Хоть грозною меня не отклони рукою!»
Сказала. Слез ручей блеснит в ее очах,
И розы нежные бледнеют на щеках.
Томится грудь ее и тягостно вздыхает;
Печаль красавице приятства умножает.
Из сердца каменна потек бы слез ручей –
Чувствителен, но тверд герой в душе своей.
Меч острый обнажил, чтоб мирт сразить ударом;
Тут, древо защитив, рекла Армида с жаром;
«Убежище мое, о варвар, ты разишь!
Нет, нет, скорее грудь несчастный пронзишь,
Упьешься кровию твоей супруги страстной...»
Ринальд разит его... И призрак вдруг ужасный,
Гигант, чудовище явилось пред ним,
Армиды прелести исчезнули как дым.
Сторукий исполин, покрытый чешуею,
Небес касается неистовой главою.
Горит оружие, звенит на нем броня,
Исполнена гортань и дыма, и огня.
Все нимфы вокруг его циклопов вид прияли,
Щитами, копьями ужасно застучали.
Бесстрашен и велик средь ужасов герой!
Стократ волшебный мирт разит своей рукой:
Он вздрогнул под мечом и стоны испускает.
Пылает мрачный лес, гром трижды ударяет,
Исчадья адские явились на земле,
И серны молнии взвились в ужасной мгле.
Ни ветер, ни огонь, ни гром не ужаснул героя...
Упал волшебный мирт, и, бездны ад закроя,
Ветр бурный усмирил и бурю в облаках,
И прежняя лазурь явилась в небесах.
Между августом 1808 и первой половиной 1809

СОН ВОИНОВ

Из поэмы «Иснель и Аслега»

Битва кончилась,

ратники пируют вокруг зажженных дубов

...Но вскоре пламень потухает,
И гаснет пепел черных пней,
И томный сон отягощает
Лежащих воев средь полей.
Сомкнулись очи; но призраки
Тревожат краткий их покой:
Иный лесов проходит мраки,
Зверей голодных слышит вой;
Иный на лодке легкой реет
Среди кипящих в море волн;
Веслом десница не владеет,
И гибнет в бездне бранный челн;
Иный места узрел знакомы,
Места отчизны, милый край!
Уж слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома
И нежных чад своих... Мечты!
Проснулся в бездне темноты!
Иный чудовище сражает –
Бесплодно меч его сверкает;

Махнул еще, его рука,
Подъята вверх... окостенела;
Бежать хотел – его нога
Дрожит, недвижима, замлела;
Встает – и пал! Иный плывет
Поверх прозрачных тихих вод
И пенит волны под рукою;
Волна, усиленна волною,
Клубится, пенится горой
И вдруг обрушилась, клокочет;
Несчастный борется с рекой,
Воззвать к дружине верной хочет, –
И голос замер на устах!
Другой бежит на поле ратном,
Бежит, глотая пыль и прах;
Триkrát сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч!
Звеня упали латы с плеч...
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой;
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой!
Проснулся он... и тщетно ищет
И ран, и вражьего копья.
Но ветер шумит и в роще свищет;
И волны мутного ручья
Подошвы скал угрюмых роют,
Клубятся, пенятся и воют
Средь дебрей снежных и холмов...
Между 1808 и февралем 1811

<ОТРЫВОК ИЗ ШИЛЛЕРОВОЙ ТРАГЕДИИ

«DIE BRAUT VON MESSINA»

(«МЕССИНСКАЯ НЕВЕСТА»)>

Донна Изабелла, дон Эммануил и дон Цезарь

(ее дети)

Д. Изабелла

(выступая с сынами)

Приникни с горней высоты,
Заступница печальных смертных,
И сердце удержи мое
В границах должного смиренья!
Я мать: в радости могу,
Взирая на сынов, забыться
И жертвой гордости упасть.
Ах, в первый жизни раз
Их совокупно обнимаю;
До сей минуты вожденной
Таила в сердце глубоко
Горячность верную к сынам.
Равно для матери бесценным!
В объятьях одного другой
Мне должен был казаться мертвым:
Два сына мне дала судьба,
Но сердце, их любить, одно...
Ах, дети, молвите: могу ли
Вас обоих равно обнять
В восторгах радости безмерной?
(К д. Эммануилу)

Не раню ль ревность я твою,

Сжимая Цезареву руку?
(К д. Цезарю)

Скажи, обидели ль тебя
Любви моей ко брату знаки?
Я трепещу: моя любовь
В вас злобы пламень раздувает!
Чего мне ждатель? Вещайте, дети!
С какою мыслию стеклись?
Иль древняя вражда воспрянет,
Непримиримая и здесь,
В дому родителей священном?
Или за прагом меч, и нож,
И гнев, скрежещущий зубами.
Вас ожидают, несчастливцы?
Что шаг от матери, то смерть,
Что шаг, то новы преступленья!
Хор

Мир или злоба? Жребий не вынут;
Скрыто глубоко, что будет, от нас:
Меч иль оливу братья отринут –
Мы не трепещем и станем за вас!
Д. Изабелла

Какие злобны восклицанья!
Что мужи бранные хотят?
Или войну готовят здесь
У алтарей гостеприимных?
К чему мечи, когда с любовью
Здесь мать обняла детей?
Или в объятиях ее
Страшитесь адския измены
И змий-предателей?.. Враги –
Так, не друзья – толпы наемных,
Слепые слуги мести вашей,
Раздор несущи по следам!
Нет, не друзья, не верьте им;
Не молвят доброго совета!
Одна боязнь и вечный страх
Куют им раболепны руки,
Всегда готовые на зло.
Вы научитесь, дети, знать
Сей род и низкий, и строптивый:
Он кровожадный власти червь,
Он силы тайный поядатель!
О дети, сколь опасен мир:
Он полон лести и лукавства.
Какие узы прочны здесь?
Где постоянны человеки,
Поклонники корысти брэнной?
Природа лишь одна верна
На якоре своем нетленном,
И счастлив тот, кому дает
Сопутником в сей жизни брата!
Хор

Други, вещала вам правду она!
Ей вся открыта сердец глубина,
Мы же, как снасти лишенные челны,
Летим на погибель в житейские волны!
Д. Изабелла

(К д. Цезарю)

О ты, прижавший меч во длани,
Склонивший ниц ревнивый взор,
Воззри окрест и будь судья:

кто брату красотой подобен?
(К д. Эммануилу)

Ответствуй мне: из сей толпы
кто Цезаря затмит красою?
Вы оба, юноши, равно
Наделены рукой природы.
Молю, воззрите на себя,
Уверьтесь в истине очами!
Из тысячи твоя рука
Его, как друга бы, прижала
И братом сердце нарекло!
О, ослепление страстей,
Плод ревности и злости адской!
Когда судьбина в колыбели
Друг другом наделила вас,
Забыв родства и крови узы
В кипящих, как вулкан, страстях,
К ногам повергнув дар природы,
Клеветов нарекли друзьями,
Врагам любовью поклялись!
Д. Эммануил

О, выслушай меня!
Д. Цезарь

(вступая в речь)

Дай слово
Мне молвить, мать...
Д. Изабелла

Нет!
Слова не укротят вражды:
Здесь месть с обидою взаимны,
Здесь ненависть таится глубоко.
Кто знает, где огонь сей адский,
Объявший пламенем сердца,
Огонь ужасный, сокровенный,
Одетый лавой древних дней?
Обида с юной жизни здесь
Растет, мужает беспрестанно,
И муж за юношу – нам враг!
Увы, от младости безумной
Вы, братья, дышите назло!
Лета б должны обезоружить
Враждующих. Воззрите вспять:
Где ненависти первой семя?
Среди гремушек, детских игр
И лепетания младенцев,
Там зла виновное начало,
Там горести источник вечный!
Но устыдитесь, вы – мужи!
(Берет обоих за руки)

Желанный мною час настал!
Сойдитесь, милые! Решитесь
Вины взаимные забыть!
В душе великой, благородной
Прощенье выше всех побед.
В могилу древнего отца
Повергните вражды ехидну,
Готовую известь безумных;
Любви и миру дайте жизнь
И обновитесь сердцами!
(Отступает шаг назад,

как будто желая дать место

братьям приближаться взаимно;
но они оба неподвижны,
взоры их устремлены в землю)

Хор

Братья, почтите матери волю!
Слово святое вам зарекла:
Кончить годину мести и зла.
Братья, иль снова к ратному полю?
Слепо мы делим ваши судьбы:
Вы – властелины, мы же – рабы.
Д. Изабелла

(в молчании, несколько минут
напрасно ожидая примирения братьев,
говорит с чувством глубокой горести)

Довольно! силу слов
И заклинаний истощила!
В могиле тот, кто мог владеть
Строптивыми сынов сердцами.
Что я? Увы, печальная вдова!
Мой глас – бессильный глас молитвы!
Довольно! Полная свобода;
Отдайтесь демону вражды
На гнев, на новые обиды!
Чего стыдиться вам? Жены,
Сих стен, сих алтарей безмолвных?
Под сенью их, где ваши колыбели
На радость некогда стояли,
Братоубийством осквернитесь,
Облейте кровию своей
И грудь на грудь, в неистовом пылу,
Как Полиник, как Этеокл проклятый,
Друг друга задушите вы
В объятиях, достойных ада...[17]
Хор

О, ужас, что мать вам здесь зарекла!
Годину печали, тревоги и зла,
А в жизни грядущей и скрежет, и муки!
Да будут же чисты от гибели руки,
Да с миром вас примет родителей дом!
Смиритесь, о братья, есть на небе гром!
Д. Цезарь

(не смотря на брата)

Ты – старший брат, начни же речь,
Я отвечать тебе готов!
Д. Эммануил

(в подобном положении)

Сам молви ласковое слово,
Ты – младший, дай любви пример!
Д. Цезарь

Не потому, что я виновен
Иль брата старшего слабей?
Д. Эммануил

Всем доблесть рыцаря известна:
Ты скромн, следственно, не слаб.
Д. Цезарь

Или так мыслишь ты о брате
Воистину?
Д. Эммануил

Не знаю лжи;
Как ты, душою выше чванства.
Д. Цезарь

Презренья не могу снести;
Но ты в пылу жестокой распри
О брате низко не вещал!
Д. Эммануил

Моей ты смерти не алкал.
Я знаю: ты казнил монаха,
Что мне готовил тайно яд.
Д. Цезарь

О, если б брата прежде знал!
Что было... верно б не случилось!
Д. Эммануил

Не зная сердца твоего,
Я матерь горестно обидел.
Д. Цезарь

Ты мне жестокии был описан.
Д. Эммануил

Несчастье: князей клеветы
Владеют тайно их душой!
Д. Цезарь

(быстро)

Всему виновники они...
Д. Эммануил

Два сердца разлучивши злобой...
Д. Цезарь

Наветом, хитрой клеветой...
Д. Эммануил

И ядом лести и коварства...
Д. Цезарь

Питая яростную рану...
Д. Эммануил

Нас сделали рабами их...
Д. Цезарь

Игралищем страстей чужих.
Д. Эммануил

Так, правда! чуждый друг неверен!
Д. Цезарь

Опасный: матерь нам вещала.
Д. Эммануил

Так дай же руку, милый брат!

Д. Цезарь

Она твоя навеки, брат!

Д. Эммануил

Чем боле на тебя смотрю,
Тем боле, с сладким удивленьем,
Сретаю матери черты...

Д. Цезарь

Вглядись, как сходен ты со мной:
Бесценное для брата сходство!

Д. Эммануил

Ты ль это, брат? Твои ли речи
И ласки к младшему, скажи?

Д. Цезарь

Ты ль это, юноша прелестный,
Столь злобный некогда мне враг?

Д. Эммануил

Как права, требуя коней
Из славного отца наследства,
Ты рыцаря прислал за ними,
И я дал рыцарю отказ.

Д. Цезарь

Они твои, не мыслю боле...

Д. Эммануил

Нет! нет! твои – и колесница...
Прими как брата первый дар!

Д. Цезарь

Приму, но ты сей твердый замок,
Воздвигнутый над морем шумным,
Вражды источник обоюдный,
Прими как дань любви моей!

Д. Эммануил

Я не приму, но вместе там
Как братья станем жить отныне!

Д. Цезарь

Ты прав, к чему добром делиться,
Когда два сердца заодно?

Д. Эммануил

Союзом будем мы сильнее;
Против врагов, против судьбины
Нам дружба неизменный щит!

Д. Цезарь

Отныне мой ты стал навеки!

Хор

Но что мы, клеветы, стоим в неприязни?

Примеры благие дают нам князья:
Сомкнем же десницы без низкой боязни
И будем отныне навеки друзья!

1813 (?)

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Я памятник воздвиг огромный и чудесный,
Прославя вас в стихах: не знает смерти он]

Как образ ваш и добрый и прелестный
(И в том порукою наш друг Наполеон),
Не знаю смерти я. И все мои творенья,
От тлена убежав, в печати будут жить:
Не Аполлон, но я кую сей цепи звенья,
В которую могу вселенну заключить.
Так первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетели Елизы говорить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям громами возгласить.
Царицы, царствуйте, и ты, императрица!
Не царствуйте, цари: я сам на Пинде царь!
Венера мне сестра, и ты моя сестрица,
А кесарь мой – святой косарь.
8 июля 1826

САТИРЫ

ПОСЛАНИЕ К СТИХАМ МОИМ

Sifflez-moi librement,
je vous le rends, mes freres.
voltaire[18]

Стихи мои! опять за вас я принимаюсь!
С тех пор как с Музами, к несчастью, обращаюсь,
Покою ни на час... О, мой враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский льется ток!
Но с страстию писать не я один родился:
Чуть стопы размерять кто только научился,
За славою бежит – и бедный рифмотвор
В награду обретет не славу, но позор.
Куда ни погляжу, везде стихи марают,
Под кровлей песенки и оды сочиняют.
И бедный Стукодей, что прежде был капрал,
Не знаю для чего, теперь поэтом стал:
Нет хлеба ни куска, а роскошь выхваляет
И Грациям стихи голодный сочиняет;
Пьет воду, а вино в стихах льет через край;
Филису нам твердит: «Филиса, ты мой рай!»
Потом, возвысив тон, героев воспевает:
В стихах его и сам Суворов умирает!
Бедняга! удержишься... брось, брось писать совсем!
Не лучше ли тебе маршировать с ружьем!
Плаксивин на слезах с ума у нас сошел:
Все пишет, что друзей на свете не нашел!
Поверю: ведь с людьми нельзя ему ужиться,
И так не мудрено, что с ними он бранится.
Безрифмин говорит о милых... о сердцах...
Чувствительность души твердит в своих стихах;
Но книг его – увы! – никто не покупает,
Хотя и (Глазунов) в газетах выхваляет.
Глупон за деньги рад нам всякого бранить,
И даже он готов поэмой уморить.
Иному в ум придет, что вкус восстанавливает:
Мы верим все ему – кругами утверждает!
Другой уже спешит нам драму написать,
За коей будем мы не плакать, а зевать.
А третий, наконец... Но можно ли помыслить –
Все глупости людей в подробности исчислить?..
Напрасный будет труд, но в нем и пользы нет:
Сатирую нельзя переменить нам свет.
Зачем с Глупоном мне, зачем всегда браниться?
Он также на меня готов вооружиться.

Зачем Безрифмину бумагу не марать?
Всяк пишет для себя: зачем же не писать?
Дым славы, хоть пустой, любезен нам, приятен;
Глас разума – увы! – к несчастью, не внятен.
Поэты есть у нас, есть скучные врали;
Они не вверх летят, не к небу, но к земли.
Давно я сам в себе, давно уже признался,
Что в мире, в тишине мой век бы провождался,
Когда б проклятый Феб мне не вскружил весь ум;
Я презрел бы тогда и славы тщетный шум
И жил бы так, как хан во славном Кашемире,
Не мысля о стихах, о Музах и о лире.
Но нет... Стихи мои, без вас нельзя мне жить,
И дня без рифм, без стоп не можно проводить!
К несчастью моему, мне надобно признаться,
Стихи как женщины: нам с ними ли расстаться?..
Когда не любят нас, хотим мы презирать,
Но все не престаем прекрасных обожать!
1804 или 1805

ПОСЛАНИЕ К ХЛОЕ

Подражание

Решилась, Хлоя, ты со мною удалиться
И в мирну хижину навек переселиться.
Веселий шумных мы забудем дым пустой:
Он скуку завсегда ведет лишь за собой.
За счастьем мы бежим, но редко достигаем,
Бежим за ним вослед – и в пропасть упадаем!
Как путник, огонь в лесу когда блудящий зрит,
Стремится к оному, но призрак прочь бежит,
В болота вязкие его он завлекает
И в страшной тишине в пустыне исчезает, –
Таков и человек! Куда ни бросим взгляд,
Узрим тотчас, что он и в счастья не рад.
Довольны все умом, Фортуною – нимало.
Что нравилось сперва, теперь то скучно стало;
То денег, то чинов, то славы он желает,
Но славы посреди и денег он – зевает!
Из хижины своей брось, Хлоя, взгляд на свет:
Четыре бьет часа – и кончился обед:
Из дому своего Глицера поспешает,
Чтоб ехать, – а куда? – беспечная не знает.
Карета подана, и лошади уж мчат.
«Постой!» – она кричит, и лошади стоят.
К Лаисе входит в дом, Лаису обнимает,
Садится, говорит о модах – и зевает;
О времени потом, о карточной игре,
О лентах, о пере, о платье и дворе.
Окончив разговор, который истощился,
От скуки уж поет. Глупонов тут явился,
Надутый, как павлин, с пустою головой,
Глядится в зеркало и шаркает ногой.
Вдруг входит Брумербас; все в зале замолкает.
Вступает в разговор и голос возвышает:
«Париж я верно б взял, – кричит из всех он сил, –
И Амстердам потом, гишпанцев бы разбил...»
Тут вспыхнет, как огонь, затопают ногами,
Пойдет по комнате широкими шагами;
Вообразит себе, что неприятель тут,
Что режут, что палят, кричат «ура!» и жгут.
Заплюет всем глаза герой наш плодовитый,
Но вдруг смиряется и бросит вид сердитый;
Начнет рассказывать, как турка задавил,
Как роту целую янычаров убил,
Турчанки нежные в него как все влюблялись,

Как турки в полону от злости запыхались,
И битые часа он три проговорит!..
Никто не слушает, а он кричит, кричит!
Но в зале разговор тут общим становится,
Всяк хочет говорить и хочет отличиться,
Какой ужасный шум! Нельзя ничто понять,
Нельзя и клевету от правды различать.
Но вдруг прервали крик и вдруг все замолчали,
Ни слова не слышать! Немыми будто стали.
Придите, карты, к нам: все спят уже без вас!
Без карт покажется за век один и час.
К зеленому столу все гости прибегают
И жадность к золоту весельем прикрывают.
Окончили игру и к ужину спешат,
Смеются за столом, с соседом говорят:
И бедный человек живее становится,
За пищей, кажется, он вновь переродится.
Какой я слышу здесь чуднейший разговор!
Какие глупости! какая ложь и вздор!
Педант бранит войну и вместе мир ругает,
Сердечкин тут стихи любовные читает,
Тут старые Бурун нам новости твердит,
А здесь уже Глупон от скуки чуть не спит!
И так-то, Хлоя, век свой люди провождают
И так-то целый день в бездействии теряют,
День долгий, тягостный ленивому глупцу,
Но краткий, напротив, полезный мудрецу.
Сокроемся, мой друг, и навсегда простимся
С людьми и с городом: в деревне поселимся,
Под мирной кровлею дни будем провождать:
Как сладко тишину по буре нам вкушать!
1804 или 1805

ПЕРЕВОД 1-й САТИРЫ БОАЛО

Бедняга и поэт, и нелюдим несчастный,
Дамон, который нас стихами все морил,
Дамон, теперь презрев и славы шум напрасный,
Заимодавцев всех своих предупредил.
Боясь судей, тюрьмы, он в бегство обратился,
Как новый Диоген, надел свой плащ дурной,
Как рыцарь, посохом своим вооружился
И, связку навязав сатир, понес с собой.
Но в тот день, из Москвы как в путь он собирался,
Кипя досадою и с гневом на глазах,
Бледнее, чем Глупон, который проигрался,
Свой гнев истощевал почти что в сих словах:
«Возможно ль здесь мне жить? Здесь честности не знают!
Проклятая Москва! Проклятый скучный век!
Пороки все тебя лютейши поглощают,
Незнаем и забыт здесь честный человек.
С тобою должно мне навеки распрощаться,
Бежать от должников, бежать из всех мне ног
И в тихом уголке надолго притаиться.
Ах! если б поскорей найти сей уголок!..
Забыл бы в нем людей, забыл бы их навеки.
Пока дней Парка нить еще моих прядет,
Спокоен я бы был, не лил бы слезны реки.
Пускай за счастьем, пускай иной идет,
Пускай найдет его Бурун с кривой душою,
Он пусть живет в Москве, но здесь зачем мне жить?
Я людям ввек не льстил, не хвастал и собою,
Не лгал, не сплетничал, но чтил, что должно чтить.
Святая истина в стихах моих блистала
И Музой мне была, но правда глаз нам жжет.
Зато фортуна мне, к несчастью, не ласкала.
Богаты подлецы, что заполняют свет,

Вооружились все против меня и гнали
 За то, что правду я им вечно говорил.
 Глупцы не разумом, не честностью блистали,
 Но золотом одним. А я чтоб их хвалил!..
 Скорее я почту простого селянина,
 Который потом хлеб кропит засушенный свой,
 Чем этого глупца, большого господина,
 С презреньем давит что людей на мостовой!
 Но кто тебе велит (все скажут мне) браниться?
 Немудрено, что ты в несчастий живешь;
 Тебе никак нельзя, поверь, с людьми ужиться:
 Ты беден, чином мал – зачем же не ползешь?
 Смотри, как Сплетнин здесь тотчас обогатился,
 Он князем уж давно... Таков железный век:
 Кто прежде был в пыли, тот в знати очутился!
 Фортуна ветрена, и этот человек,
 Который в золотой карете разъезжает,
 Без помощи ее на козлах бы сидел
 И правил лошадьми, – теперь повелевает,
 Теперь он славен стал и сам в карету сел.
 А между тем Честон, который не умеет
 Стоять с почтением в лакейской у бояр,
 И беден, и презрен, ступить шага не смеет;
 В грязи замаран весь, он терпит холод, жар.
 Бедняга с честностью забыт людьми и светом:
 Итак, не лучше ли в стихах нам всех хвалить?
 Зато богатым быть, в покое жить негретом,
 Чем добродетелью своей себя морить?
 То правда, государь нам часто помогает
 И Музу спящую, лишь взглянет, – оживит,
 Он Феба из тюрьмы нередко извлекает.
 Чего не может царь!.. Захочет – и творит.
 Но Мецената нет, увы! – и Август дремлет.
 Притом захочет ли мне кто благотворить?
 Кто участь в жалобах несчастного приемлет
 И можно ли толпу просителей пробить,
 Толпу несносную сынов несчастных Феба?
 За оду просит тот, сей песню сочинил,
 А этот – мадригал. Проклятая от неба,
 Прямая саранча! Терпеть нет боле сил!..
 И лучше во сто раз от них мне удалиться.
 К чему прибегнуть мне? Не знаю, что начать?
 Судьею разве быть, в приказные пуститься?
 Судьею?.. Боже мой! Нет, этому не быть!
 Скорее Стукодей бранить всех перестанет,
 Скорей любовников Лаиса отошлет
 И мужа своего любить как мужа станет,
 Скорей Глицера свой скорей язык уймет,
 Чем я пойду в судьи! Не вижу средства боле,
 Как прочь отсюда сейчас же убежать
 И в мире тихо жить в моей несчастной доле,
 В Москву проклятую опять не заезжать.
 В ней честность с счастьем всегда почти бранится,
 Порок здесь царствует, порок здесь властелин,
 Он в лентах, в орденах повсюду ясно зрится,
 Забыта честность, но фортуны милый сын,
 Хоть плут, глупец, злодей, в богатстве утопает,
 И даже он везде... Не смею говорить...
 Какого стойка сие не раздражает?
 Кто может, не браня, здесь целый век прожить?
 Без Феба всякий здесь хорошими стихами
 Опишет город вам, и в гневе стихотвор
 На гору не пойдет Парнас с двумя холмами.
 Он правдой удивит без вымыслов убор.
 «Потише, – скажут мне, – зачем там горячиться?
 Зачем так свысока? Немного удержись!
 Ведь в гневе пользы нет: не лучше ли смириться?
 А если хочешь врать, на кафедру взберись.

Там можно говорить и хорошо, и глупо,
Никто не сердится, спокойно всякий спит.
На правду у людей, поверь мне, ухо тупо».
Пусть светски мудрецы, пусть так все рассуждают!
Противен, знаю, им всегда был правды свет.
Они любезностью пороки закрывают,
Для них священного и в целом мире нет.
Любезно дружество, любезна добродетель,
Невинность чистая, любовь, краса сердец,
И совесть самая, всех наших дел свидетель,
Для них – мечта одна! Постой, о лжемудрец!
Куда влечешь меня? Я жить хочу с мечтою.
Постой! Болезнь к тебе, я вижу, смерть ведет,
Уж крылья ее простерты над тобою.
Мечта ли то теперь? Увы, к несчастью, нет!
Кого перемену моими я словами?
Я верю, что есть ад, святые, дьявол, рай,
Что сам Илья гремит над нашими главами.
А здесь, в Москве... Итак, прощай, Москва, прощай!..
1804 или 1805

ВИДЕНИЕ НА БРЕГАХ ЛЕТЫ

Ma muse sage et discrete

Sait de l'homme d'honneur distinguer le poete.

voileau[19]

Вчера, Бобровым утомленный,
Я спал и видел чудный сон!
Как будто светлый Аполлон,
За что, не знаю, прогневленный,
Поэтам нашим смерть изрек;
Изрек – и все упали мертвы,
Невинны Аполлона жертвы!
Иной из них окончил век,
Сидя на чердаке высоком
В издранном шлафроке широком,
Голоден, наг и утомлен
Упрямой рифмой к светлу небу.
Другой, в Цитеру пренесен,
Красу, умильную как Гебу,
Хотел для нас насильно... петь
И пал без чувств в конце эклоги;
Везде, о милосердны боги!
Везде пирует алчна смерть,
Косою острой быстро машет,
Богату ниву аду пашет
И губит Фебовых детей,
Как ветер осенний злак полей!
Меж тем в Элизии священном,
Лавровым лесом осененном,
Под шумом Касталийских вод,
Певцов нечаянный приход
Узнал почтенный Ломоносов,
Херасков, честь и слава россов,
Честолюбивый Фебов сын,
Насмешник, грозный бич пороков,
Замысловатый Сумароков
И, Мельпомены друг, Княжнин.
И ты сидел в толпе избранной,
Стыдливо Грацией венчанный,
Певец прелестный мечты,
Между Психеи легкокрылой
И бога нежной красоты;
И ты там был, наездник хилой
Строптивя девственниц седла,

Трудолюбивый, как пчела,
 Отец стихов «Телемахиды»,
 И ты, что сотворил обиды,
 Венере девственной, Барков!
 И ты, о мой певец незлобный,
 Хемницер, в баснях бесподобный! –
 Все, словом, коих бог певцов
 Венчал бессмертия лучами,
 Сидели там олив в тени,
 Обнявшись с прежними врагами;
 Но спорили еще они
 О том о сем – и не без шума
 (И в рае, думаю, у нас
 У всякого своя есть дума,
 Рассудок свой, и вкус, и глаз).
 Садилась все за пир богатый,
 Как вдруг Маинин сын крылатый,
 Присланный вышним божеством,
 Сказал сидящим за столом:
 «Сюда, на берег тихой Леты,
 Бредут покойные поэты;
 Они в реке сей погрузят
 Себя и вместе юных чад.
 Здесь опыт будет правосудный:
 Стихи и проза безрассудны
 Потонут вмиг: так Феб судил!» –
 Сказал Эрмий – и силой крил
 От ада к небу воспарил.
 «Ага! – Фонвизин молвил братьям,
 Здесь будет встреча не по платьям,
 Но по заслугам и уму». –
 «Да много ли, – в ответ ему
 Шептал, смеясь, Сумароков, –
 Певцов найдется без пороков?
 Поглотит Леты всех струя,
 Поглотит всех, иль я не я!» –
 «Посмотрим, – продолжал вполгласа
 Поэт, проклятый от Парнаса, –
 Егда придут...» Но вот они,
 Подобно как в осенни дни
 Поблеклы листья древесны,
 Что буря в долах разнесла, –
 Так теням сим не весть числа!
 Идут толпой в ущелья тесны,
 К реке забвения стихов,
 Идут под бременем трудов;
 Безгласны, бледны, приступают,
 Любезных чад своих купают...
 И более не зрят в волнах!
 Но тут Минос, певцам на страх,
 Старик угрюмый и курносый,
 Чинит жестокие вопросы:
 «Кто ты, вещай?» – «Я тот поэт,
 По счастью, очень плодовитый
 (Был тени маленькой ответ),
 Я тот венками роз увитый
 Поэт-философ-педагог,
 Который задушил Вергилия,
 Алкею окоротил крылья.
 Я здесь, сего бо хочет бог
 И долг священный природы...» [20] –
 «Кто ж ты, болтун?» – «Я... Мер-зля-ков!» –
 «Ступай и окунися в воды!» –
 «Иду... во мне вся мерзнет кровь...
 Душа всего... душа природы,
 Спаси, спаси меня, любовь!
 Авось...» – «Нет, нет, болтун несчастный,
 Довольно я с тобою вы!» [21] –

Сказал ему Эрот прекрасный, –
 Который тут с Психеей был. –
 «Ступай!» – Нырнул – и нет педанта.
 «Кто ты?» – спросил допросчик тень,
 Несущу связку фолианта.
 «Увы, я делу ночь и день
 Писал, пишу и вечно буду
 Писать; все прозой, без еров.
 Невинен я; на эту грудь
 Смотри, здесь тысячи листов,
 Священной пылию покрытых,
 Печатью мелкою убитых
 И нет ера ни одного.
 Да, я!..» – «Скорей купать его!»
 Но тут явились лица новы
 Из белокаменной Москвы.
 Какие странные обновы!
 От самых ног до головы
 Обшиты платья их листьями,
 Где прозой детской и стихами
 Иной кладбище, мавзолей,
 Другой журнал души своей,
 Другой Меланию, Зюльмису,
 Глафиру, Хлою, Милитрису,
 Луну, Веспера, голубков,
 Баранов, кошек и котов[22]
 Воспел в стихах своих унылых
 На всякий лад для женщин милых
 (О, век железный!..). А оне
 Не только въяве, но во сне
 Поэтов не видали бедных.
 Из этих лиц уныло-бледных
 Один, причесанный в тупей,
 Поэт присяжный, князь вралей,
 На суд явил творенья новы.
 «Кто ты?» – «Увы, я пастушок,
 Вздыхатель, завсегда готовый;
 Вот мой венок и посошок,
 Вот мой букет цветов тафтяных,
 Вот список всех красот упрямых,
 Которыми дышал и жил,
 Которым я насильно мил.
 Вот мой Амур, моя Аглая»[23]–
 Сказал и, тягостно зевая,
 Спросонья в Лету поскользнул!
 «Уф! я устал, подайте стул,
 Позвольте мне, я очень славен.
 Бессмертен я, пока забавен». –
 «Кто ж ты?» – «Я Русский и поэт.
 Бегом бегу, лечу за славой,
 Мне враг чужой рассудок здравый.
 Для Русских прав мой толк кривой,
 И в том клянусь моей сумой». –
 «Да кто же ты?» – «Жан-Жак я Русский.
 Расин и Юнг, и Локк я Русский,
 Три драмы Русских сочинил
 Для Русских; нет уж боле сил
 Писать для Русских драмы слезны;
 Труды мои все бесполезны!
 Вина тому – разврат умов», –
 Сказал – в реку! и был таков!
 Тут Сафы русские печальны,
 Как бабки наши повивальны,
 Несли расплаканных детей.
 Одна – прости бог эту даму! –
 Несла уродливую драму,
 Позор себе и для мужей,
 У коих сочиняют жены.

«Вот мой Густав, герой влюбленный...» –

«Ага! – судья певичке сей, –
 Названья этого довольно:
 Сударыня! мне очень больно,
 что вы, забыв последний стыд,
 Убили драмою Густава.
 В реку, в реку!» О, жалкий вид!
 О, тщетная поэтов слава!
 Исчезла Сафо наших дней
 С печальной драмою своей;
 Потом и две другие дамы,
 На дам живые эпиграммы,
 Нырнули в глубь туманных вод.
 «Кто ты?» – «Я – виноносный гений.
 Поэмы три да сотню од,
 Где всюду ночь, где всюду тени,
 Где роща ржуща ружий ржот [24]
 Писал с заказа Глазунова
 Всегда на срок... Что вижу я?
 Здесь реет между вод ладья,
 А там, в разрывах черна крова,
 Урания – душа сих сфер
 И все титаны ледовиты,
 Прозрачной мантией покрыты,
 Слезят!» – Иссякнул изувер
 От взора грозных Эгиды.
 Один отец «Телемахиды»
 Слова сии умел понять.
 На том берегу реки забвенья
 Стояли тени в изумленьи
 От речи сей: «Изволь купать
 Себя и всех своих уродов», –
 Сказал, не слушая доводов,
 Угрюмый ада судия.
 «Да всех поглотит вас струя!..»
 Но вдруг на адский берег дикий
 Призрак чудесный и великий
 В огромном дедовском возке
 Тихонько тянется к реке.
 Наместо клячей запряженны,
 Там люди в хомуты вложенны
 И тянут кое-как, гужом!
 За ним, как в осень трутни праздны,
 Крылатым в воздухе полком
 Летят толпою тени разны
 И там и сям. По слову «Сгон/»
 Кивнула бледна тень главой
 И вышла с кашлем из повозки.
 «Кто ты? – спросил ее Минос, –
 И кто сии?» – На сей вопрос:
 «Мы все с Невы, поэты росски», –
 Сказала тень. «Но кто сии
 Несчастливы, в клячей превращенны?»
 «Сочлены юные мои,
 Любовью к славе вдохновенны,
 Они Пожарского поют
 И тянут старца Гермогена;
 Их мысль на небеса вперенна,
 Слова ж из Библии берут;
 Стихи их хоть немножко жестки,
 Но истинно варяго-росски», –
 «Да кто ты сам?» – «Я также член;
 Кургановым писать учен;
 Известен стал не пустяками,
 Терпеньем, потом и трудами;
 Аз есмь зело славенофил», –
 Сказал и пролог растворил.
 При слове сем в блаженной сени

Поэтов приподнялись тени;
 Певец любовныя езды
 Ослабил взор усмешкой блудной [25]
 И рек; «О муж, умом не скудный!
 Обретший редки красоты
 И смысл в моей «Деидамии»,
 Се ты! се ты!..» – «Слова пустые», –
 Угрюмый судия сказал
 И в реку путь им показал.
 К реке все двинулись толпою,
 Ныряли всячески в водах;
 Тот книжку потопил в струях,
 Тот целу книжищу с собою.
 Один, один славнофил,
 И то повыбившись из сил,
 За всю трудов своих громаду
 За твердый ум и за дела
 Вкусил бессмертия награду.
 Тут тень к М иносу подошла
 Неряхой и в наряде странном,
 В широком шлафроке издранном,
 В пуху, с нечесаной главой,
 С салфеткой, с книгой под рукой.
 «Меня врасплох, – она сказала, –
 В обед нарочно смерть застала,
 Но с вами я опять готов
 Еще хоть сызнава отведать
 Вина и адских пирогов:
 Теперь же час, друзья, обедать,
 я – вам знакомый, я – Крылов!» [26]
 «Крылов, Крылов», – в одно вскричало
 Собранье шумное духов,
 И эхо глухо повторяло
 Под сводом адским: «Здесь Крылов!» –
 «Садись сюда, приятель милый!
 Здоров ли ты?» – «И так и сяк». –
 «Ну, что ж ты делал?» – «Все пустяк –
 Тянул тихонько век унылый,
 Пил, сладко ел, а боле спал.
 Ну, вот, Минос, мои творенья,
 С собой я очень мало взял:
 Комедии, стихотворенья
 Да басни, – все купай, купай!»
 О, чудо! – всплыли все, и вскоре
 Крылов, забыв житейско горе,
 Пошел обедать прямо в рай.
 Еще продлилось сновиденье,
 Но ваше длится ли терпенье
 Дослушать до конца его?
 Болтать, друзья, неосторожно –
 Другого и обидеть можно.
 А боже упаси того!
 1809

ПЕВЕЦ В БЕСЕДЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ

РУССКОГО СЛОВА

Певец

Друзья! все гости по домам!
 От чтенья охмелели!
 Конец и прозе, и стихам
 До будущей недели!
 Мы здесь одни!.. Что делать? Пить
 Вино из полной чаши!
 Давайте взапуски хвалить

Славянски оды наши.
Сотрудники

Мы здесь одни!.. Что делать? Пить (и проч.).
Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья! Почто покойных нет
Певцов среди «Беседы»!
Их вирши сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах,
Мы все для славы дышим,
Давно здесь в прозе и стихах,
Как Тредьяковский, пишем.
Сотрудники

Но дух отцов воскрес в сынах (и проч.).
Певец

Чья тень парит под потолком
Над нашими главами?
За ней, пред ней... о страх! – кругом
Поэты со стихами!
Се Тредьяковский в парике
Засаленном, с кудрями,
С «Телемахидою» в руке,
С Ролленем за плечами!
Почто на нас, о муж седой!
Вперил ты грозны очи?
Мы все клялись, клялись тобой
С утра до полуночи
Писать, как ты, тебе служить;
Мы все с рассудком в споре,
Для славы будем жить и пить,
Нам по колено море!
Напьемся пьяны музе в дань,
Так пили наши деды!
Рассудку – гибель, вкусу – брань,
Хвала сынам «Беседы»!
Пусть Ломоносов был умен,
И нас еще умнее;
За пьянство стал бессмертен он,
А мы его пьянее.
Сотрудники

Для славы будем жить и пить.
Врагу беда и горе!
Почто рассудок нам щадить?
Нам по колено море.
Певец

Друзья! большой бокал отцов
За лавку Глазунова!
Там царство вечное стихов
Шихматова лихова.
Родного крова милый свет,
Знакомые подвалы,
Златые игры прежних лет –
Невинны мадригалы!
Что вашу прелесть заменит?
О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?
Сотрудники

Что вашу прелесть заменит (и проч.).
Певец

Там все знакомо для певцов,
Там наши дети милы,
Кладбище мирное стихов,
Бумажные могилы,
Там царство тленья и мышей,
Там Николев почтенный.
И древний прах календарей,
И прах газет священный.
Да здравствует «Беседы» царь!
Цвети, твоя держава!
Бумажный трон твой – наш алтарь,
Пред ним обет наш – слава!
Не изменим: мы от отцов
Прияли глупость с кровью;
Сумбур! здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью!
Наш каждый писарь – славянин,
Галиматьею дышит,
Бежит, предатель сих дружин,
И галлицизмы пишет!
Сотрудники

Наш каждый писарь – славянин (и проч.).
Певец

Тот наш, кто каждый день кадит
И нам молебны служит;
Пусть публика его бранит,
Но он о том не тужит!
За нас стоит гора горой,
В «Беседе» не зеваает.
Прямой сотрудник, брат прямой
И в брани помогает!
Хвала тебе, Славенофил,
О муж неукротимый!
Ты здесь рассудок победил
Рукой неумолимой.
О, сколь с наморщенным челом
В «Беседе» он прекрасен
И сколь он хладен пред столом
И критикам ужасен!
Упрямство в нем старинных лет
Хвала седому деду!
Друзья! он, он родил на свет
Славянскую «Беседу»!
Сотрудники

Он нас, сироток, воскормил!
Потемкин

Меня читать он учит.
Жихарев

Моих он «Бардов» похвалил.
Шихматов

Меня в Пиндары крючит.
Певец

Хвала тебе, о дед седой!
Хвала и многи лета!
Ошую пусть сидит с тобой
Осьмое чудо света,
Твой сын, наперсник и клевет

Шихматов безглагольный,
Как ты, славян краса и цвет,
Как ты, собой довольный!
Хвала тебе, о Шаховской,
Холодных шуб родитель!
Отец талантов, муж прямой,
Ежовой покровитель!
Телец, упитанный у нас,
О ты, болван болванов!
Хвала тебе, хвала сто раз,
Раздутый карабанов!
Хвала, читателей тиран,
Хвостов неистошимый!
Стихи твои – наш барабан,
Для слуха нестерпимый;
Везде с стихами ты готов.
Везде ты волком рыщешь,
Пускаешь притчу в тыл врагов,
Стихами в уши свишешь;
Лишь за поэму – прочь идут,
За оду – засыпают,
Ты за посланье – все бегут
И уши затыкают.
Хвала, псаломщик наш, старик,
Захаров – преложитель!
Ревет он так, как волк иль бык,
Лугов пустынных житель;
Хвала тебе, протяжный Львов,
Ковач речений смелый!
И Палицын, гроза певцов,
В Поповке поседельи!
Хвала, наш пасмурный Гервей,
Обруганный Станевич,
И с польской музыкой своей
Холуй Анастасевич!
Друзья, сей полный ковш пивной
За здоровье Соколова!
Он, право, чтец у нас лихой
И создан для Хвостова.
В его устах стихи ревут,
Как волны в уши плещут;
От грома их невольно тут
Все барыни трепещут;
Хвала, беседы сей дьячок,
Бездушный Политковский!
Жует, гнусит и вдруг стишок
Родит славяноросский.

. . .
Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!
Сотрудники

Их груди каменной хвала!
Хвала скуле железной!
Но месть тому, кто нас бранит
И пишет эпиграммы,
Кто пишет так, как говорит,
Кого читают дамы.
Певец

Сей кубок мщенью! Други! в строй!
И мигом – перья в длани!
Сразить иль пасть – наш роковой
Обет в чернильной брани.
Вотше свои, о Карамзин,
Ты издал сочиненья:
Я, я на Пинде властелин
И жажду лишь отмщенья!

Нет логики у нас в домах.
Грамматик не бывало;
Мы пролог в руки – гибни, враг,
С твоей дружиной вялой!
Отведай, дерзкий, что сильнее –
Рассудок или мщенье;
Пришлец! мы в родине своей
За глупых – провиденье!
Друзья! прощанью сей стакан,
Уж свечи погасили,
Пробили зорю в барабан,
К заутрени звонили;
Пора домой, пора ко сну;
От хмеля я шатаюсь.
Хвостов

Дай, басню я прочту одну
И после распрощаюсь.
Все

Ах! нет, друзья, домой, домой!
Чу... петухи пропели.
Прощай, Шишков, наш дед седой,
Прощай, мы охмелели –
И ты нас в путь благослови.
А вы, друзья, – лобзанья!
В завет и новья любви,
И нового свиданья.
Первая половина

марта 1813

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

МЕЧТА

Первая редакция

О, сладостна мечта, дочь ночи молчаливой,
Сойди ко мне с небес в туманных облаках
Иль в милом образе супруги боязливой,
С слезой блестящею во пламенных очах!
Ты, в душу нежную поэта
Лучом проникнув света,
Горишь, как огонь зари, и красишь песнь его,
Любимца чистых сестр, любимца твоего,
И горесть сладостна бывает:
Он в горести мечтает.
То вдруг он пренесен во Сельмские леса,
Где ветер шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном;
То с чашей радости в руках
Он с бардом песнь поет – и месяц в облаках,
И Кромлы шумный лес, безмолвствуя, внимает,
И эхо вдалеке песнь звучну повторяет.
О, сладостна мечта, ты красишь зимний день,
Цветами и зиму печальную венчаешь,
Зефиром по цветам летаешь
И между светлых льдин являешь миртов тень!
Богиня ты, мечта! Дары твои бесценны
Самим невольникам в слезах.
Цепями руки отягченны,
Замки чугуны на дверях
Украшены мечтой... Какое утешенье
Украшить заключение,

Оковы променять на цепь веселых роз!..
Подругу ль потерял, источник вечных слез,
Ступай ты в рощицу унылу,
Сядь на плачевную могилу,
Задумайся, вздохни – и друг души твоей,
Одетый ризою прозрачной, как туманом,
С прелестным взором, стройным станом,
Как нимфа легкая полей,
Прижмется с трепетом сердечным,
Прижмется ко груди пылающей твоей.
Стократ мы счастливы мечтаньем скоротечным!
Мечтанье есть душа поэтов и стихов.
И едкость сильная веков
Не может прелестей сокрыть Анакреона,
Любовь еще горит во Сафиных мечтах.
А ты, любимец Аполлона,
Лежащий на цветах
В забвеньи сладостном, меж Нимф и нежных Граций,
Певец веселия, Гораций,
Ты в песнях сладостно мечтал,
Мечтал среди пиршеств и шумных, и веселых
И смерть угрюмую цветами увенчал!
Найдем ли в истинах мы голых
Печальных стойков и твердых мудрецов
Всю жизни бренной сладость?
От них эфирна радость
Летит, как бабочка от терновых кустов.
Для них прохлады нет и в роскоши природы;
Им девы не поют, сплетаясь в хороводы;
Для них, как для слепцов,
Весна без прелестей и лето без цветов.
Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья,
Исчезнут граций лобызанья!
Как светлые лучи на темных облаках,
Веселья на крылах
Дни юности стремятся:
Не долго на цветах
В беспечности валяться.
Весеннею порой
Лишь бабочка летает,
Амуров нежный рой
Морщин не лобызает.
Крылатые мечты
Не сыплют там цветы,
Где тусклый опытность светильник зажигает.
Счастливая мечта, живи, живи со мной!
Ни свет, ни славы блеск пустой
Даров твоих мне не заменят.
Глупцы пусть дорого сует блистанье ценят,
Лобзая прах златой у мраморных крыльцов!
Но счастью певцов
Удел есть скромна сень, мир, вольность и спокойство.
Души поэтов свойство:
Идя забвения тропой,
Блаженство находить мечтой.
Их сердцу малость драгоценна:
Как бабочка влюбленна
Летает с травки на цветок,
Считая морем ручеек,
Так хижину свою поэт дворцом считает
И счастлив!.. Он мечтает.
1802 или 1803

СОВЕТ ДРУЗЬЯМ

Faut-il être tant volage,

Ai-je dit au doux plaisir...[27]

Подайте мне свирель простую,
Друзья! и сядьте вокруг меня
Под эту вяза тень густую,
Где свежесть дышит среди дня;
Приблизьтесь, сядьте и внимлите
Совету Музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите
Среди весенних кратких дней,
Друзья! оставьте призрак славы,
Любите в юности забавы
И сейте розы на пути.
О юность красная! цвети!
И, током чистым окропленна,
Цвети хотя немного дней,
Как роза, миртом осененна,
Среди смеющихся полей;
Но дай нам жизнью насладиться,
Цветы на тернах находить!
Жизнь – миг! не долго веселиться,
Не долго нам и в счастье жить!
Не долго – но печаль забудем,
Мечтать во сладкой неге будем:
Мечта – прямая счастья мать!
Ах! должно ли всегда вздыхать
И в майский день не улыбаться?
Нет, станем лучше наслаждаться,
Плясать под тению густой
С прекрасной нимфой молодой,
Потом, обняв ее рукою,
Дыша любовью одною,
Тихонько будем воздыхать
И сердце к сердцу прижимать.
Какое счастье! Вакх веселый
Густое здесь вино нам льет,
А тут в одежде тонкой, белой
Эрата нежная поет:
Часы крылаты! не летите,
Ах! счастье мигом хоть продлите!
Но нет! бегут счастливы дни,
Бегут, летят стрелой они;
Ни лень, ни сердца наслажденья
Не могут их сдержать стремленья,
И время сильною рукою
Губит и радость, и покой!
Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый сад!
Ветвисты ивы, дубы, клены,
Под тенью вашу прохлад
Ужель вкушать не буду боле?
Ужели скоро в тихом поле
Под серым камнем стану спать?
И лира, и свирель простая
На гробе будут там лежать!
Покроет их трава густая,
Покроет, и ничьей слезой
Прах хладный мой не окропится!
Ах! должно ль мне о том крушиться?
Умру, друзья! – и все со мной!
Но Парки темною рукою
Прядут, прядут дней тонку нить...
Коринна и друзья со мною, –
О чем же мне теперь грустить?
Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здесь не вечна,
То лучше в жизни петь, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость с шутками мешать,

Чем, бегая за дымом славы,
От скуки и забот зевать.
1806

Семейство мирное, ужель тебя забуду
И дружбе и любви неблагодарен буду?
Ах, мне ли позабыть гостеприимный кров,
В сени домашних где богов
Усердный эскулап божественной наукой
Исторг из-под косы и дивно исцелил
Меня, борющегося уже с смертельной мукой!
Ужели я тебя, красавица, забыл,
Тебя, которую я зрел перед собою
Как утешителя, как ангела небес!
На ложе горести и слез
Ты, Геба юная, лилейною рукою
Сосуд мне подала: «Пей здравье и любовь!»
Тогда, казалось, сама природа вновь
Со мною воскресала
И новой зеленью венчала
Долины, холмы и леса.
Я помню утро то, как слабою рукою,
Склонясь на костыли, поддержанный тобою,
Я в первый раз узрел цветы и древесна...
Какое счастье с весной воспрянуть ясной!
(В глазах любви еще прелестнее весна.)
Я, восхищен природой красной,
Сказал Эмили: «Ты видишь, как она,
Расторгнув зимний мрак, с весной оживает,
С ручьем шумит в лугах и с розой расцветает;
Что б было без весны?.. Подобно так и я
На утре дней моих увял бы без тебя!»
Тут, грудь ее кропя горячими слезами,
Соединив уста с устами,
Всю чашу радости мы выпили до дна.
Увы, исчезло все, как прелесть сладка сна!
Куда девалися восторги, лобызанья
И вы, таинственны во тьме ночной свиданья,
Где, заключа ее в объятиях моих,
Я не завидовал судьбе богов самих!..
Теперь я, с нею разлученный,
Считаю скукой дни, цепь горестей влачу;
Воспоминания, лишь вами окрыленный,
К ней мыслию лечу,
И в час полуночи туманной,
Мечтой очарованный,
Я слышу в ветерке, принесшем на крылах
Цветов благоуханье,
Эмили дыханье;
Я вижу в облаках
Ее, текущую воздушную стезю..
Раскинуты власы красавицы волною
В небесной синеве,
Венок из белых роз блистает на главе,
И перси дышат под покровом..
«Души моей супруг! –
Мне шепчет горний дух. –
Там в тереме готовом
За светлую Двиной
Увижуся с тобой!..
Теперь прости...» И я, обманутый мечтой,
В восторге сладостном к ней руки простираю,
Касаюсь риз ее... и тень лишь обнимаю!

ЭЛЕГИЯ

...Исполненный всегда единственно тобой,

С какою радостью ступил на брег отчизны!
«Здесь будет, – я сказал, – душе моей покой,
Конец трудам, конец и страннической жизни».
Ах, как обманут я в мечтании моем!
Как снова счастье мне коварно изменило
В любви и дружестве... во всем,
Что сердцу сладко льстило,
Что было тайною надеждою всегда!
Есть странствиям конец – печалям никогда!
В твоём присутствии страдания и муки
Я сердцем новые познал.
Они ужаснее разлуки,
Всего ужаснее! Я видел, я читал
В твоём молчании, в прерывном разговоре,
В твоём унылом взоре,
В сей тайной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
Следы сердечного терзанья...
Нет, нет! Мне бремя жизнь! Что в ней без упованья?
Украсить жребий твой
Любви и дружества прочнейшими цветами,
Всем жертвовать тебе, гордиться лишь тобой,
Блаженством дней твоих и милыми очами,
Признательность твою и счастье находить
В речах, в улыбке, в каждом взоре,
Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Все, все у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя? Что в ней без упованья,
Без дружбы, без любви – без идолов моих?..
И Муза, сетуя, без них
Светильник гасит дарованья.

МОИ ПЕНАТЫ

(Пропущенные строфы)

Стихи 131–141:

О Лиля, друг мой милый,
Душа души моей!
Тобою век унылый,
Средь шума и людей,
Среди уединенья,
Средь дебрей и лесов,
Средь скучного томленья
Печали и трудов,
Тобой, богиня, ясен!
И этот уголок
Не будет одинок!
Стихи 164–170:

Спускайтесь ко мне!
Пусть тени и призраки
Любимых мне певцов,
Разрушив тлен и мраки
Эреба и гробов,
Как жители эфирны,
Воздушною стезей
Стихи 189–196:

Пером из крыльев Леля
Здесь пишет Карамзин,
Преемник Мармонтеля,
В таблицах мнемозин
Любовны приключенья
Девиц и светских дам
И сладки откровенья
Чувствительным сердцам.

<После стиха 200 следующие зачеркнутые строки в автографе также относились к Карамзину:>

Всегда внушенный чувством,
Умел он позлатить
Оратора искусством
Повествованья нить
И в слоге плавном слить
Всю силу Робертсона
И сладость Ксенофона;
Аттической пчелы,
Волшебной...

СОН ВОИНОВ

Из поэмы «Иснель и Аслега»

<При первой публикации в журнале «Вестник Европы» стихотворение продолжалось так:>

Все спят у тлеющих костров,
Вся спят; один Эрик несчастный
Поет, и в мраке гул ужасный
От скал горам передает:
«Сижу на бреге шумных вод,
Все спит кругом; лишь воют рощи
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на бреге ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелю!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею..
Мой меч скользит по влаге вод!
Сижу на бреге ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает:
Супруга, бойся! День придет,
И меч отмщенья заблестит!..
Но он скользит по влаге вод.
Сижу на бреге шумных вод.
Все спит кругом; лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

ЭПИГРАММЫ. СМЕСЬ

ПЕРЕВОД ЛАФОНТЕНОВОЙ ЭПИТАФИИ

Иван и умер, как родился, –
Ни с чем; он в жизни веселился
И время вот как разделял:
Во весь день – пил, а ночью – спал.
1804 или 1805

* * *

Безрифмина совет:
Без жалости все сжечь мое стихотворенье!
Быть так! Его ж, друзья, невинное творенье
Своею смертью умрет!
1805

ПАСТУХ И СОЛОВЕЙ

Басня

Владиславу Александровичу Озерову

Любимец строгой Мельпомены,
Прости усердный стих безвестному певцу!
Не лавры к твоему венцу,
Рукою дерзкою сплетенны,
Я в дар тебе принес. К чему мой фимиам
Творцу «Димитрия», кому бессмертны Музы,
Сложив признательности узы,
Открыли славы храм?
А храм сей затворен для всех зоилов строгих,
Богатых завистью, талантами убогих.
Ах, если и теперь они своей рукой
Посмеют к твоему творенью прикасаться,
А ты, наш Эврипид, чтоб позабыть их рой,
Захочешь с Музами расстаться
И боле не писать,
Тогда прошу тебя рассказ мой прочитать.
Пастух, задумавшись в ночи безмолвной мая,
С высокого холма вокруг себя смотрел,
Как месяц в тишине великолепно шел,
Лучом серебряным долины освещая,
Как в рощах липовых чуть легким ветерком
Листы колеблемы шептали
И светлые ручьи, почив с природой сном,
Едва меж берегов струей своей мелькали.
Из рощи соловей
Долины оглашал гармонией своей,
И эхо песнь его холмам передавало.
Все душу пастуха задумчиво пленяло,
Как вдруг певец любви на ветвях замолчал.
Напрасно наш пастух просил о песнях новых.
Печальный соловей, вздохнув, ему сказал:
«Недолго в рощах сих дубовых
Я радость воспевал!
Пройдет и петь охота,
Когда с соседнего болота
Лягушки кваканьем как бы назло глущат;
Пусть эта тварь поет, а соловьи молчат!» –
«Пой, нежный соловей, – пастух сказал Орфею, –
Для них ушей я не имею.
Ты им молчаньем петь охоту придаешь:
Кто будет слушать их, когда ты запоешь?»
Весна 1807

* * *

Как трудно Бибрису со славою ужиться!
Он пьет, чтобы писать, и пишет, чтоб напиться!
Июль или август 1809

КНИГИ И ЖУРНАЛИСТ

Крот мыши раз шепнул: «Подруга! ну зачем
На пыльном чердаке своем
Царапаешь, грызешь и книги раздираешь:
Ты крошки в них ума и пользы не сбираешь?» –
«Не об уме и хлопочу,
Я есть хочу».
Не знаю, впрок ли то, но эта мышь уликой
Тебе, обрызганный чернилами Арист.
Зубами ты живешь, голодный журналист,
Да нужды жить тебе не видим мы великой.
Июль или август 1809

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru
ЭПИГРАММА НА ПЕРЕВОД ВЕРГИЛИЯ

Вдали от храма Муз и рощей Геликона
Феб мстительной рукой Сатира задавил; [28]
Воскрес урод и отомстил:
Друзья, он душил Аполлона!
Июль или август 1809

* * *

Пафоса бог, Эрот прекрасный
На розе бабочку поймал
И, улыбаясь, у несчастной
Златые крылья оборвал.
«К чему ты мучишь так, жестокий?» –
Спросил я мальчика сквозь слез.
«Даю красавицам уроки», –
Сказал – и в облаках исчез.
1809

* * *

Рыдайте, Амуры и нежные Грации,
У Нимфы моей на личике нежном
Розы поблекли и вянут все прелести.
Венера всемогущая! Дочь Юпитера!
Услышь моления и жертвы усердные:
Не погуби на тебя столь похожую!
<1810>

СТИХИ НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ,
ТАНЦОВЩИЦЫ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ТЕАТРА [29]

Вторую Душеньку или еще прекрасней,
Еще, еще опасней,
Меж Терпсихориных любимиц усмотрев,
Венера не могла сокрыть жестокий гнев:
С мольбою к Паркам приступила
И нас Даниловой лишила.
Между 8 января и апрелем 1810

С.-Петербург

ЭПИТАФИЯ

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был, и нет его!
Конец ноября 1809

* * *

Известный откупщик Фадей
Построил богу храм... и совесть успокоил.
И впрямь! На всё цены удвоил:
Дал богу медный грош, а сотни взял рублей
С людей.
<1810>

* * *

«Теперь, сего же дня,

Прощай, мой экипаж и рыжих четверня!
Лизета! ужины!.. Я с вами распрощался
Навек для мудрости святой!» –
«Что сделалось с тобой?» –
«Безделка!.. Проигрался!»
<1810>

НАДПИСЬ НА ГРОБЕ ПАСТУШКИ

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой,
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила;
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила;
Но что ж досталось мне в сих радостных местах? –
Могила!
<1810>

ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ

«О хлеб-соль русская! о прадед Филарет!
О милые останки,
Упрямство дедушки и ферези прабабки!
Без вас спасенья нет!
А вы, а вы забыты нами!» –
Вчера горланил Фирс с гостями
И, сидя у меня за лакомым столом,
В восторге пламенном, как истый витязь русский,
Съел соус, съел другой, а там сальмис французский,
А там шампанского хлебнул с бутылку он,
А там... подвинул стул и сел играть в бостон.
<1810>

СРАВНЕНИЕ

«Какое сходство Клит с Суворовым имел?» –
«Нимало!» – «Большое». –
«Помилуй! Клит был трус, от выстрела робел
И пекся об одном желудке и покое;
Великий вождь вставал с зарей для ратных дел,
А Клит спал часто по неделе». –
«Все так! да умер он, как вождь сей... на постеле».
<1810>

К МАШЕ

О, радуйся, мой друг, прелестная Мария!
Ты прелестей полна, любви и ума,
С тобою грации, ты грация сама.
Пусть Парки век прядут тебе часы златые!
Амур тебя благословил,
А я – как ангел говорил.
<1810>

НА ПЕРЕВОД «ГЕНРИАДЫ»,

ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ ВОЛЬТЕРА

«Что это! – говорил Плутон, –
Остановился Флегетон,
Мегера, фурии и Цербер онемели,
Внимая пенью твоему,
Певец бессмертный Габриели?

Умолкни!.. Но сему
Безбожнику в награду
Поищем страшных мук, ужасных даже аду,
Соделаем его
Гнуснее самого
Сизифа злова!»
Сказал и превратил – о ужас! – в Ослякова.
Начало 1810

ИЗ АНТОЛОГИИ

Сот меда с молоком –
И Майн сын тебе навеки благосклонен!
Алкид не так-то скромн:
Дай две ему овцы, дай козу и с козлом;
Тогда он на овец прольет благословенье
И в снедь не даст волкам.
Храню к богам почтенье,
А стада не отдам
На жертвоприношенье.
По повести! Одна мне честь, –
Что волк его сожрал, что бог изволил съесть.
<1810>

ФИЛОМЕЛА И ПРОГНА[30]

Из Лафонтена

Когда-то Прогна залетела
От башен городских, обители своей,
В леса пустынные, где пела
Сиротка Филомела,
И так сказала ей
Болтливая певица:
«Здорово, душенька-сестрица!
Ни видом не видать тебя уж много лет!
Зачем забыла свет?
Зачем наш край не посещала?
Где пела, где жила? Куда и с кем летала?
Пора, пора и к нам
Залетом по веснам;
Здесь скучно: все леса унылы,
И колоколен нет». –
«Ах, мне леса и милы!» –
Печальный был ответ.
«Кому ж ты здесь поешь, – касатка возразила, –
В такой дали от жила,
От ласточек и от людей?
Кто слушает тебя? Стада глухих зверей
Иль хищных птиц собранье?
Сестра! Грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне.
Признаться... здесь и страшно мне!
Смотри; песчаный бор, река, пустынны виды,
Гора, висяща над горой,
Как словно в фракии глухой,
На мысль приводят нам Тереевы обиды.
И где же тут покой?» –
«Затем-то и живу средь скучного изгнанья,
Боясь воспоминанья,
Лютейшего сто раз;
Людей боюсь у вас», –
Вздыхнув, сказала Филомела,
Потом; «Прости, прости!» – взвилась и улетела
Из ласточкиных глаз.
1811

Череповец

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ Н. Н.

И телом и душой ты на Амура схожа:
Коварна и умна и столько же пригожа.
<1811>

* * *

Всегдашний гость, мучитель мой,
О Балдус! долго ль мне зевать, дремать с тобой?
Будь крошечку умней или – дай жить в покое!
Когда жестокий рок сведет тебя со мной –
Я не один и нас не двое.
Между 1809 и 1812 (?)

НА ПОЭМЫ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ

Не странен ли судеб устав!
Певцы Петра – несчастья жертвы:
Наш Пиндар кончил жизнь, поэмы не скончав,
Другие живы все, но их поэмы мертвы!
<1811>

<ХОР ЖЕН ВОИНОВ

ИЗ «СЦЕН ЧЕТЫРЕХ ВОЗРАСТОВ»>

О верные подруги!
Свиданья близок час.
Спешат, спешат супруги
Обнять с любовью нас.
Уже, веселья полны,
Летят чрез сини волны..
Свиданья близок час!
По суше рьяны кони
Полки героев мчат.
Звенят золотые брони,
В руке блестит булат;
Шеломы их блистают,
Знамена развевают..
Свиданья близок час!
Июль 1814

НОВЫЙ РОД СМЕРТИ

За чашей пуншевой в политику с друзьями
Пустился Бавий наш, присяжный стихотвор.
Одомаратели все сделались судьями,
И каждый прокричал свой умный приговор,
Как ныне водится, Наполеону:
«Сорвем с него корону!» –
«Повесим!» – «Нет, сожжем!» –
«Нет, это жестоко... в Казну отвезем
И медленным отравим ядом». –
«Очнется!» – «Как же быть?» –
«Пускай истаёт голодом!» –
«От жажды!..» – «Нет! –
вскричал насмешливый Филон, –
Нет! с большей лютостью дни изверга скончайте!
На Эльбе виршами до смерти зачитайте,
Ручаюсь: с двух стихов у вас зачахнет он!»

Между июлем и
октябрем 1814

* * *

Памфил забавен за столом,
Хоть часто и назло рассудку;
Веселостью обязан он желудку,
А памяти – умом.
<1815>

* * *

Жуковский, время все проглотит,
Тебя, меня и славы дым,
Но то, что в сердце мы храним,
В реке забвенья не потопит!
Нет смерти сердцу, нет ее!
Доколь оно для блага дышит!..
А чем исполнено твое,
И сам Плетаев не опишет.
Начало ноября 1821

СТИХОТВОРНЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ

1. Н. И. ГНЕДИНУ

2 марта 1807 г. Нарва

(...) Дай хоть в Риге услышать отголосок твоего песнопения.
Ужели слышать все докучный барабан?
Пусть дружество еще, проникнув тихим гласом,
Хотя на час один соединит с Парнасом
Того, кто невзначай Ареев вздел кафтан
И с клячей величавой
Пустился кое-как за славой.
Вот тебе impromptu[31]. Лучше не умею и не хочу. (...)
2. Н. И. ГНЕДИНУ

19 марта 1807 г. Рига

(...) По чести мудрено в санях или верхом,
Когда кричат: «марш, марш, слушай!» – кругом,
Писать тебе, мой друг, посланья..
Нет! Музы, убоясь со мной свиданья,
Частенько в Петербург иль бог знает куда
Изволили сокрыться.
А мне без них беда!
Кто волком быть привык, тому не разучиться
По-волчьи и ходить, и лаять навсегда.
Частенько, погрузись в священну думу,
Не слыша барабанов шуму
И крику резвого осанистых стрелков,
Я крылья придаю моей ужасной кляче
И прямо – на Парнас! – или иначе,
Не говоря красивых слов,
Очутится пред мной печальная картина:
Где ветер со всех сторон в разбиты окна дует
И где любовницу, нахмурясь, кот целует,
Там финна бледного сума
С усталых плеч валится,
Несчастный к уголку садится
И, слезы утерев раздраным рукавом.

Догладывает хлеб мякинный и голодный...
Несчастный сын страны холодной
Он с голодом, войной и русскими знаком! (...)
3. Н. А. ОЛЕНИНУ

11 мая 1807 г. Шавли

(...) Поклонитесь барыне и всему вашему семейству, Озерову, Капнисту, Крылову, Шаховскому. Напомните, что есть же один поэт,

которого судьбы премены
Заставили забыть источник Иппокрены,
Не лиру в руки брать, но саблю и ружье,
Не перушки чинить, но чистить лишь копье;
Заставили принять солдатский вид суровой,
Идти нахмурившись прескучною дорогой,
Дорогой, где язык похож на крик зверей,
Дорогой грязною, что, к горести моей,
Не приведет меня во храм бессмертной славы,
А может быть, в корчму, стоящу близ ворот. (...)
4. Н. И. ГНЕДИНУ

4 августа 1809 г. (Хантоново)

(...) Приезжай лучше сюда; решишь, и дело в шляпе.
Тебя и нимфы ждут, объятья простирая,
И фавны дикие, кроталами играя.
Придешь, и все к тебе на встречу прибегут
Из древ Гамадриады,
Из рек обмытые Няяды,
И даже сельский поп, сатир и пьяный плут.
А если не будешь, то все переменит вид, все заплачет, зарыдает:
Цветы завянут все, завоют рощи дики,
Слезами потекут кристальны ручейки,
И, резки испутив в болоте ближнем крики,
Прочь крылья наострят носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки,
Не станут пастухи играть в свои свирелки,
Любовь и дружество, погибнет все с тоски!
Вот тебе два мадригала, а приедешь – и целая поэма. (...)
5. Н. И. ГНЕДИНУ

(1 ноября 1809 г. Хантоново)

(...) Что Беницкий? Продлите ему, боги, веку! Но он уже успел написать много хорошего...

Пусть мигом догорит
Его блестящая лампада;
В последний час его бессмертье озарит:
Бессмертье – пылких душ надежда и награда!
Я еще могу писать стихи, пишу кое-как. Но, к чести своей, могу сказать, что пишу не иначе, как когда яд пса метромании подействует, а не во всякое время. (...) Что Катенин нанизывает на конец строк? Я в его лета низал не рифмы, а что-то покрасивее, а ныне... пятьдесят мне било... а ныне, а ныне...

А ныне мне Эрот сказал:
«Бедняга, много ты писал
Без устали пером гусиным.
Смотри, завяло как оно!
Не долго притупить одно!
Вот на, пиши теперь куриным».
Пишу, да не пишет, а все гнется.

Красавиц я певал довольно
И так и сяк, на всякий лад,
Да ныне что-то невпопад.
Хочу запеть – ан петь уж больно.

«Что ты, голубчик, так охрип?»
К гортани мой язык прилип.
Вот мой ответ. Можно ли так состариться в 22 года! Непозволительно! (...)

б. п. а. ВЯЗЕМСКОМУ

<февраль 1810 г. Москва>

Льстец моей ленивой Музы!
Ах, какие снова узы
На меня ты наложил?
Ты мою сонливу «Лету»
В Иордан преобразил
И, смеясь, мне, поэту,
Так кадилом накадил,
Что я в сладком упоенье,
Позабыв стихотворенье,
Задремал и видел сон:
Будто светлый Аполлон
И меня, шалун мой милой,
На берег реки унылой
Со стихами потащил
И в забвенье потопил! <...>

7. н. и. ГНЕДИЧУ

7 ноября (1811 г. Хантоново)

<...> Я Тибуллу, это правда, но так, по воспоминаниям, не иначе. Вот и вся моя исповедь. Я не влюблен:

я клялся боле не любить
И клятвы верно не нарушу:
Велишь мне правду говорить?
И я – уже немного трушу!..
Я влюблен сам в себя. Я сделался или хочу сделаться совершенным янькою, то есть эгоистом. Пожелай мне счастливого успеха. <...>

8. н. и. ГНЕДИЧУ

27 ноября – 5 декабря 1811 г. (Хантоново)

<...> Завтра ты именинник, и надобно тебя поздравить: вот зачем я еще должен прибавить целый лист <...>

Сей старец, что всегда летает,
Всегда приходит, отъезжает,
Везде живет – и здесь и там,
С собою водит дни и веки,
Съедает горы, сушит реки
И нову жизнь дает мирам,
Сей старец, смертных злое бремя,
Желанный всеми, страшный всем,
Крылатый, легкий, словом – время,
Да будет в дружестве твоём
Всегда порукой неизменной
И, пробегая глупый свет,
На дружбы жертвенник священный
Любовь и счастье занесет!
Вот мое желание: оно одинаково и в прозе, и в стихах. <...>

9. п. а. ВЯЗЕМСКОМУ

19 декабря 1811 г. <Хантоново>

<...> Прости и будь счастлив, здоров, весел... как В. Пушкин, когда он напишет хороший стих, а это с ним случается почти всегда. Еще желаю,

чтобы любовь и Гименей

Вам дали целый рой детей
Прелестных, резвых и пригожих,
Во всем на мать свою похожих
И на отца – чуть-чуть умом,
А с рожь – бог избавь!.. Ты сам согласен в том! <...>
10. Н. И. ГНЕДИЧУ

29 декабря 1811 г. <Хантоново>

<...> И Батюшков, сидя в своем углу с головной болью, с красными от чтения глазами, с длинной трубкой, Батюшков, окруженный скучными предметами, не имеющий ничего в свете, кроме твоей дружбы, Батюшков вздумал переводить Ариоста!

Увы, мы носим все дурачества оковы
И все терять готовы
Рассудок, бранный дар небесного отца!
Тот рыская в полях за дымом ратной славы,
Тот ползая в пыли пред сильным богачом,
Тот по морю летя за тирским багрецом,
Тот золота искав в алхимии чудесной,
Тот плавая умом во области небесной,
Тот с кистью в руках, тот с млатом иль с резцом.
Астрономы в звездах, софисты за словами,
А жалкие певцы за жалкими стихами:
Дурачься смертных род, в луне рассудок твой!
<Ариост, песнь XXXIV>

Вот тебе образчик и моего дурачества: стихи из Ариоста. <...>

11. <ИЗ СТАТЬИ «ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ»,>

НАПИСАННОЙ В ФОРМЕ ПИСЬМА

К ПРИЯТЕЛЮ

Вторая пол. 1811 – первая пол. 1812 г.>

<...> Итак, мимоходом, странствуя из дома в дом, с гулянья на гулянье, с ужина на ужин, я напишу несколько замечаний о городе и о нравах жителей, не соблюдая ни связи, ни порядку, и ты прочтешь оные с удовольствием: они напомнят тебе о добром приятеле,

Который посреди рассеяний столицы
Тихонько замечал характеры и лица
Забавных москвичей;
Который с год зевал на балах богачей,
Зевал в концерте и в собранье,
Зевал на скачке, на гулянье,
Везде равно зевал,
Но дружбы и тебя нигде не забывал. <...>
12. Д. В. ДАШКОВУ

9 августа <1812 г. Петербург>

<...> Поговорить ли с вами о нашем обществе, которого члены все подобны Горациеву мудрецу или праведнику, все спокойны и пишут при разрушении миров.

Гремит повсюду страшный гром,
Горами к небу вздуто море,
Стихии яростные в споре,
И тухнет дальний солнцев дом,
И звезды падают рядами.
Они покойны за столами,
Они покойны. Есть перо,
Бумага есть и – все добро!
Не видят и не слышат
И все пером гусиным пишут! <...>
13. Д. В. ДАШКОВУ

26 апреля 1814 г. <Париж>

<...> Я боюсь вам наскучить моими замечаниями. Но позвольте, мимоходом, разумеется, похвалить женщин. Нет, они выше похвал, даже самые прелестницы.

Пред ними истощает
Любовь златой колчан.
Все в них обворожает:
Походка, легкий стан,
Полунагие руки
И полный неги взор,
И уст волшебны звуки,
И страстный разговор, –
Все в них очарованье!
А ножка... милый друг,
Она – Харит созданье,
Кипридиных подруг.
Для ножки сей, о вечны боги,
Усейте розами дороги
Иль пухом лебедей!
Сам Фидий перед ней
В восторге утопает,
Поэт – на небесах,
И труженик, в слезах,
Молитву забывает! <...>
Тургеневу ни слова обо мне:

Ему ли помнить нас
На шумной сцене света?
Он помнит лишь обеда час
И час великий комитета!
Батюшков.

14. Д. П. СЕВЕРИНУ

19 июня 1814 г.

<...> Он (английский капитан, которому Батюшков прочитал по-итальянски Тассо. – Ред.) отвечал мне на грубом английском языке, который в устах мореходцев еще грубее становится, и божественные стихи любовника Элеоноры без ответа исчезли в воздухе:

Быть может, их Фетида
Услышала на дне,
И, Лотосом венчанна,
Станицы Нереид
В серебряных пещерах
Склонили жадный слух
И сладостно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Их перси взволновались
Под тонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись!..
<...> Итак, мой милый друг, я снова на берегах Швеции,

В земле туманов и дождей,
Где древле скандинавы
Любили честь, простые нравы,
Вино, войну и звук мечей.
От сих пещер и скал высоких,
Смеясь волнам морей глубоких,
Они на бранных челноках
Несли врагам и казнь и страх.
Здесь жертвы страшные свершались Одену,
Здесь кровью пленников багрились алтари...

Но в нравах я нашел большую перемену;
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зевают.
Эта земля не пленительна. Сладости Капуи иль Парижа здесь неизвестны. В ней нет
ничего приятного, кроме живописных гор и воспоминаний. <...>

15. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<Февраль 1816 г. Москва>

<...> Вчера поутру, читая «La Gaule Poétique»[32], я вздумал идти в атаку на
Гаральда Смелого, то есть перевел стихов с двадцать, но так разгорячился, что
нога заболела. Пар поэтический исчез, и я в моем герое нашел маленькую перемену.
Когда я читал подвиги скандинава,

То думал видеть в нем героя,
В великолепном шишаке,
С булатной саблею в руке
И в латах древнего покроя,
Я думал: в пламенных очах
Сиять должно души спокойство,
В высокой поступи – геройство
И убежденье на устах.
Но, закрыв книгу, я увидел совершенно противное. Прекрасный идеал исчез,

и передо мной
Явился вдруг... чухна простой:
До плеч висящий волос
И грубый голос,
И весь герой – чухна чухной.
Этого мало преображенья. Герой начал действовать: ходить, и есть, и пить. Кушал
необыкновенно поэтическим образом:

Он начал драть ногтями
Кусок баранины сырой.
Глотал ее, как зверь лесной,
И утирался волосами.
Я не говорил ни слова. У всякого свой обычай. Гомеровы герои и наши калмыки то
же делали на биваках. Но вот что меня вывело из терпения: перед чухонцем стоял
череп убитого врага, окованный серебром, и бадья с вином. Представь себе, что он
сделал!

Он череп ухватил кровавыми перстами,
Налил в него вина
И все хлестнул до дна...
Не шевельнув устами.
Я проснулся и дал себе честное слово никогда не воспевать таких уродов, и тебе
не советую. <...>

16. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<1816 г. (?)>

Одни слабые души, подобные твоей, жалуются на погоду; истинный мудрец
воскликает:

Счастлив, кто в сердце носит рай,
Не изменяемый страстями!
Тому всегда блистает май
И не скудеет жизнь цветами!
Ты помнишь, как в плаще издранном Эпиктет
Не знал, что барометр пророчит непогоду,
Что изменяется кругом моральный свет
И Рим готов пожрать вселенная свободу.
В трудах он закалял и плоть свою, и дух,
От зноя не потел, на дождике был сух!

я буду твердостью превыше Эпиктета.
В шинель терпенья облекусь
И к вам нечаянно явлюсь
С лучами первыми рассвета.
Да! Да! Увидишь ты меня перед крыльцом
С стоическим лицом.
Не станет дело за умом!
Я ум возьму в Сенеке,
Дар красноречия мне ссудит Соковнин,
Любезность светскую Ильин,
А философию я заказал... в аптеке!
Итак, если это все поспеет и дела позволят, то я буду.

Адрес: От практического Мудреца Мудрецу астафьическому с Мудрецом пушкиническим послание.

17. Н. И. ГНЕДИЧУ

<Начало января 1817 г. Хантоново>

Замерзлыми от стужи перстами пишу тебе несколько слов. Я приехал в деревню и прошу тебя писать туда. <...> Обнимаю тебя очень крепко. Более писать не могу.

От стужи весь дрожу,
Хоть у камина я сижусь.
Под шубою лежу
И на огонь гляжу,
Но все как лист дрожу,
Подобен весь ежу,
Теплом я дорожу,
А в холоде брожу
И чуть стихами ржу.
В такой стуже лучше писать не умею. <...>

18. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

4 марта <1817 г. Хантоново>

<...> И право, можно жить, если бы здоровье не изменяло. У меня книг много, задал себе работу, и весна с цветами на дворе. <...>

я очень болен,
Но собой доволен;
Я неволен,
Но мне, Музы,
Ваши узы
Так легки,
Как сии стишки.
По ним ты можешь судить, какие быстрые успехи делаю в поэзии. <...>

Еще прибавляю:

Запрос Арзамасу

Три Пушкина в Москве, и все они – поэты.
Я полагаю, все одни имеют леты.
Талантом, может быть, они и не равны;
Один другого больше пишет,
Один живет с женой, другой и без жены,
А третий об жене и весточки не слышит:
(Последний – промеж нас я молвлю – страшный плут,
И прямо в ад ему дорога!)
Но дело не о том: скажите, ради бога,
Которого из них Бобрищевым зовут?
Успокой мою душу. Я в страшном недоумении. Задай это Арзамасу на разрешение. <...>

19. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

9 марта <1817 г. Хантоново>

<...> Милый мой пузырь, пришли мне Жуковского портрет. Что стоит тебе велеть срисовать его какому-нибудь маляру! Не я прошу его, твой портрет кличет на стене. Вот ему надпись:

Кто это так, насупя брови,
Сидит растрепанный и мрачный, как фекул?
О чудо! Это он!.. Но кто же? Наш катулл,
Наш Вяземский, певец веселья и любви!
Ей-ей, изрядно для стихотворца хромого и с мушкой на затылке. <...>

20. в. л. пушкину

<Март 1817 г. Хантоново>

Не виноват, не виноват несколько перед милым и почтенным старостою, хотя и кажусь несколько виновным! Странствовал, приехал домой и опять немедленно пустился странствовать; вот почему и не писал к тебе, милый староста:

...кибитка – не Парнас!
Она тебе скажет, если спросишь ее: мог ли я писать, окостенелый от холода.
Теперь дома и пишу. Письмо начинается благодарностью за дружество твое; оно у меня все в сердце.

И как, скажите, не любить
Того, кто нас любить умеет,
Для дружества лишь хочет жить
И языком богов до старости владеет.
До старости? Не сердись: это для стиха вставка! Мне Музы и опытность шепчут на ухо:

Тот вечно молод, кто поет
Любовь, вино, Эрота
И розы сладострастья жнет
В веселых цветниках Буфлера и Марота.
Пускай грозит ему подагра, кашель злой
И свора злых заимодавцев:
Он все трудится день-деньской
Для области книгопродавцев.
«Умрет, забыт!» Поверьте, нет!
Потомство все узнает:
Чем жил, и как, и где поэт,
Как умер, прах его где мирно истлевают.
И слава, верьте мне, спасет
Из алчных челюстей забвенья
И в храм бессмертия внесет
Его и жизнь, и сочиненья.
Ваши сочинения принадлежат славе: в этом никто не сомневается.

Ты злого Гашпара убил одним стихом
И пел на лире гимн, Эротом вдохновенный.
Но жизнь? Поверьте, и жизнь ваша, милый Василий Львович, жизнь, проведенная в стихах и в праздности, в путешествиях и в домосидении, в мире душевном и в войне с Славенофилами, не уйдет от потомства, и если у нас будут лексиконы великих людей, стихотворцев и прозаистов, то я завещаю внукам искать ее под литерою П:

Пушкин В. Л., коллежский ассессор, родился и проч.

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас, и Музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой;
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты нащ, в тебе запечатление
Таланта вечное клеймо!

Ничтожных должностей свинцовое ярмо

Твоей не тронет шеи:

Эротов розы и лилеи,

Счастливы Пафоса затеи,

Гулянья, завтраки и праздность без трудов,

Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов

Твои да будут вечно!

Расти, расти, сердечной!

Не будешь в золоте ходить,

Но будешь без труда на рифмах говорить,

Друзей любить

И кофе жирный пить!»

Чего лучше? Предвещание Муз сбылось, как видите. Со мною будет иначе; ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал и теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастья! Посудите сами! Живу один в снегах, и долго ль проживу – не знаю.

Меня преследует судьба,

Как будто я талант имею!

Она, известно вам, слепа:

Но я в глаза ей молвить смею:

«Оставь меня, я не поэт,

я не ученый, не профессор;

Меня в календаре в числе счастливых нет,

Я... отставной ассессор!»

Но бросим в сторону эту проклятую поэзию для нас, самозванцев, и поговорим о деле.

Душевно радуюсь счастью Жуковского; он стоит его. Фортуна упала не на пень и кочку, как говорил Державин. Что делает <А. М. Пушкин>? Знаю ваш ответ:

На свет и на стихи

Он злобой адской дышит;

Но в свете копит он грехи

И вечно рифмы пишет...

Простите – иногда счастливые!

Числа по совести не знаю,

Здесь время скованно стоит,

И скука только говорит:

«Пора напиться чаю,

Пора вам кушать, спать пора,

Пора в санях кататься...»

«Пора вам с рифмами расстаться!» –

Рассудок мне твердит сегодня и вчера.

Это всего умнее. Итак, прощайте!

21. А. Н. ОЛЕНИНУ

4 июня <1817 г. Хантоново>

<...> Порадуемся лучше с ними, и вместе со всеми умными, просвещенными и здоровыми рассудком людьми: наконец, у нас президент в Академии Художеств, президент,

который без педантства,

Без пузы барской и без чванства,

Забот неся житейский груз

И должностей разнообразных бремя,

Еще находит время

В снегах отечества лелеять зыбких Муз,

Лишь для добра живет и дышит,

И к сим прибавьте чудесам:

Как Менгс – рисует сам,

Как Винкельман красноречивый – пишет. <...>

22. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

<1817 (?)>

Я вижу тень Боброва:
Она передо мной,
Нагая, без покрова,
С заразой и чумой;
Сугубым вздором дышит
И на скрыжальях пишет
Бессмертные стихи,
Которые в мехи
Бог ветров собирает
И в воздух выпускает
На гибель для певцов;
Им дышит граф Хвостов,
Шихматов оным дышит,
И друг твой, если пишет
Без мыслей кучи слов.
Т. е. я теперь, сидя с сильной головной болью, от которой ниже сном, ниже
перечитыванием Шихматова не избавлюсь. <...>

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Аид (греч. и римск.) – владыка подземного мира и царства мертвых, а также – само подземное царство.

Алкид (греч.) – родовое имя Геракла, центрального героя греческой мифологии.

Амврозия (амброзия – греч.) – пища богов.

Амальтея (Амалфея – греч.) – коза, вскормившая Зевса; один из ее рогов – рог изобилия.

Анубис (египетск.) – бог, покровитель умерших, изображавшийся с головой шакала или собаки.

Аонида (греч.) – музы, именуемые по названию местности (Аония), где расположен Геликон.

Апис-бык (египетск.) – священный бык, считавшийся воплощением Озириса.

Аполлон (греч. и римск.) – бог солнца, покровитель искусств, поэзии, медицины; Аполлонов конь – Пегас.

Арахна (греч.) – искусная ткачиха, дерзнувшая вызвать на состязание богиню Афину и превращенная ею в паука.

Аргус (греч.) – многоглазый великан; в переносном значении – неусыпный страж.

Аре́й (Арес – греч.) – бог войны; римск. – Марс.

Аре́гу за (греч.) – нимфа, обратившаяся в источник.

Аркадия – область Греции, ставшая символом счастливой сельской жизни.

Аскапий (греч.) – сын Энея, спасенный отцом из горящей Трои.

Атридов сын (греч.) – Орест, сын верховного вождя греков во время Троянской войны Агамемнона (Атрида – по имени своего отца Атрея). Имена Ореста и его двоюродного брата Пилада стали нарицательными для верных друзей.

Аттика – область Греции, в которой расположены Афины.

Ахерон (греч.) – река горя в Аиде; по некоторым преданиям через нее, а не через Стикс переправляет Харон души умерших.

Ахилл (греч.) – герой «Илиады» Гомера, в ходе Троянской войны мстящий за гибель своего друга Патрокла.

Беллона (римск.) – богиня войны, жена Марса.

Биармия (др. – герм.) – легендарная северная страна скандинавских саг.

Борей (греч.) – северный ветер.

Валкала (валгалла – др. – герм.) – дворец Одина, в котором воины, встретившие смерть в бою, пируют с богами.

Валькирии (валькирии – др. – герм.) – девы-воительницы, по велению Одина дарующие воинам победу и славу.

Веристы дочери (др. – герм.) – валькирии.

Веспер (римск.) – планета Венера, когда она появляется как вечерняя звезда.

Гальциона (греч.) – дочь бога ветров Эола, превращенная в морскую птицу; чайка, зимородок.

Гамадриады (греч.) – нимфы деревьев.

Геба (греч.) – богиня юности; она подавала нектар и амброзию богам на Олимпе.

Гела (Хель – др. – герм.) – богиня смерти.

Геликон (греч.) – см. Пинд.

Гений (греч.) – добрый дух, с рождения сопутствующий человеку и охраняющий его; ассоциируется с Ларами (см.).

Гиады (греч.) – нимфы дождя.

Гипербореи (греч.) – сказочный народ, по преданию живший на крайнем севере в стране вечного благоденствия.

Грации (римск.) – см. Хариты.

Гурии (арабск.) – вечно юные девы, согласно магометанской легенде обитавшие в раю.

Данаиды (греч.) – дочери царя Даная, за убийство своих мужей обреченные наполнять водой бездонную бочку в Аиде.

Дафна (греч.) – нимфа, отвергшая любовь Аполлона; преследуемая им, она обратилась с мольбой к своему отцу, речному богу, и была обращена им в лавровое дерево.

Дедал (греч.) – родоначальник многих ремесел, создатель лабиринта на острове Крит, названного его именем.

Диана (римск.) – богиня охоты, луны; поэтич. – луна.

Дриады (греч.) – лесные нимфы.

Елисейские жилища, Елисейские поля (Элизий – греч.) – место обитания блаженных душ в загробном мире.

Зефир (греч.) – теплый западный ветер.

Изида (египетск.) – богиня жизни, покровительствующая плодородию и материнству, чей культ распространился в Риме.

Иксион (греч.) – царь, обреченный вечно мучиться на огненном колесе за то, что добивался любви Геры, жены Зевса.

Ио (греч.) – возлюбленная Зевса, из ревности превращенная Герой в корову.

Иппокрена (греч.) – источник поэтического вдохновения, некогда выбитый из горы

Геликон копытом Пегаса.

Камены (римск.) – богини поэзии, искусств, наук, спутницы Аполлона; греч. – музы.

Касталийские воды, Кастальский ток (греч.) – источник поэтического вдохновения на Парнасе.

Киприда (греч.) – одно из имен Афродиты.

Клио (греч.) – муза истории.

Коцит (греч.) – река плача в Аиде.

Кромла (кельтск.) – священная гора.

Крон, Кронос (греч.) – бог времени, изображался в виде старца с серпом в руке и накинутым на голову покрывалом.

Лары (римск.) – младшие божества, покровители семьи и домашнего очага.

Лета (греч.) – река забвения в Аиде.

Майн сын, Маинин сын (греч.) – сын богини Майи Эрмий (Гермес).

Марсий (греч.) – спутник Диониса, искусно игравший на флейте и дерзнувший вызвать на музыкальное состязание Аполлона, которому музы и присудили победу; в наказание Аполлон содрал с Марсия кожу и повесил ее на дереве, где она трепетала при звуках флейты.

Мегера и Тизифона (греч.) – две из трех богинь мщения, эвменид или эриний.

Мельпомена (греч.) – муза трагической поэзии.

Минос (греч.) – один из судей в подземном царстве.

Мир (Ирина – греч.) – одна из Ор (см.).

Мнемозина (греч.) – богиня памяти; ее дочери – музы.

Наяды (греч.) – нимфы рек и источников.

Немезида (греч.) – богиня справедливого возмездия.

Нереиды (греч.) – нимфы моря, дочери морского бога Нерея.

Нимфы (греч.) – божества, олицетворявшие стихийные силы природы; изображались в виде девушек (среди них – наяды, дриады, гиады и др.).

Оден (Один – др. – герм.) – верховное божество, покровитель воинов и скальдов; Оденов дом – Валгалла.

Одиссей (греч.) – царь острова Итака, один из участников Троянской войны, после окончания которой он, преследуемый мстостью Посейдона, двадцать лет проводит в скитаниях, побывав даже в подземном царстве. Согласно Гомеру, добравшись до Итаки, он из-за тумана не узнает родного острова.

Озирид (Озирис – египетск.) – властитель загробного мира.

Океаниды (греч.) – морские нимфы, дочери Океана.

Орковы поля (римск.) – царство мертвых, названное по имени бога Орка, родственного Аиду, Плутону.

Орфей (греч.) – певец, чья игра на лире очаровывала, делая послушными, диких зверей, деревья, скалы.

Оры (греч.) – богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе.

Оскар (кельтск.) – юный сын Оссиана, погибший за Ирландию.

Оссиан (кельтск.) – легендарный бард, от лица которого Дж. Макферсон в XVIII в. сложил поэмы, воспевающие романтическую любовь и бранные подвиги древних кельтов.

Парки (римск.) – богини судьбы, прядущие нить человеческой жизни.

Пафос (греч.) – город на острове Кипр, возле которого, по преданию, Афродита вышла из моря; поэтич. – любовь.

Пенаты (римск.) – подобно ларам, младшие божества, охраняющие единство рода, семьи, связанные с культом предков.

Пермесские богини (греч.) – музы, именуемые по названию реки Пермес, стекающей с Геликона.

Пиериды (Пиэриды – греч.) – музы, именуемые по названию одной из областей (Пиэрия), где существовал их культ.

Пинд (греч.) – горный хребет на севере Греции с вершинами Геликон и Парнас, место культа Аполлона и муз.

Плутон (греч. и римск.) – Аид.

Полиник и Этеокл (греч.) – братья, чья вражда стала поводом к войне – Семеро против Фив.

Приам (греч.) – царь Трои в «Илиаде» Гомера, вымоливший у Ахилла тело своего сына Гектора.

Протей (греч.) – морское божество, способное менять свой облик.

Сатиры (греч.) – лесные божества, спутники Диониса (Вакха).

Сатурн (римск.) – древний бог плодородия; изгнанный своим сыном Юпитером, он пришел в Италию, где стал первым царем; в память о бывшем при нем «золотом веке» устраиваются празднества – сатурналии. Сатурнова дочь – Веста, покровительница домашнего очага.

Сельма (кельтск.) – дворец Фингала, морвенского царя, одного из основных героев поэм Оссиана; отсюда – сельмские леса.

Сизиф (греч.) – царь Коринфа, за свою хитрость обреченный в Аиде вкатывать в гору тяжелый камень, который всякий раз срывается, едва не достигая вершины.

Сильваны (римск.) – боги полей, покровители пастухов.

Сильфы (кельтск.) – духи воздуха.

Сирены (греч.) – морские девы, заманивавшие и губившие мореплавателей своим чарующим пением.

Скамандр (греч.) – река в Трое.

Стикс (греч.) – река, девять раз обтекающая подземное царство, через которую Харон переправляет души умерших.

Сцилла и Харибда (греч.) – морские чудовища; Сцилла из подводной пещеры набрасывалась на моряков, «без умолку лая визгом пронзительным» (Гомер), а Харибда с другой стороны узкого пролива бурным водоворотом увлекала суда в свою ужасную пасть.

Таврида (греч.) – название современного Крыма, место действия в некоторых мифах.

Тантал (греч.) – царь, возвышенный богами и оскорбивший их, за что в Аиде он обречен вечно мучиться жаждой, стоя по горло в воде.

Тартар (греч.) – темная бездна, самое глубокое место в Аиде; также – символ язычества для христиан.

Тезей (греч.) – основной аттический герой, заточенный после многих подвигов со своим другом Пирифоем в Аиде, откуда их спасает Геракл.

Темпейские долины (греч.) – долина возле горы Олимп, считавшаяся в древности посвященной Аполлону.

Тенар (греч.) – мыс Тенарон, где, по преданию, был вход в Аид.

Теревы обиды (греч.) – фракийский царь Терей обесчестил Филомелу, сестру своей жены Прогны, за что был накормлен мясом своего сына, убитого ими.

Терпсихора (греч.) – муза танца и хорового пения.

Тирас (греч.) – река Днестр.

Тифий (Титий – греч.) – под этим именем Батюшков соединил двух разных мифологических персонажей: чудовищного Ти-фона, который, как и Энкелад, погребен Зевсом под огнедышащей Этной, и великана Тития, чье сердце (или печень) в Тартаре клюют два коршуна. Пушкин на полях «Опытов» отметил эту ошибку.

Тритоны (греч.) – морские божества, вестники Посейдона; они могли волновать или успокаивать морскую стихию.

Урания (греч.) – муза астрономии.

Фавн (римск.) – Пан, бог лесов и полей, покровитель пастухов, его часто отождествляли с сильванами, сатирами.

Феакия (греч.) – остров, посещаемый Одиссеем у Гомера; отождествлялся с островом Керкира (римск. Корфу).

Феб (греч.) – блистающий, одно из имен Аполлона.

Фетида (греч.) – богиня моря, одна из nereид.

Филомела (греч.) – дочь афинского царя, обесчещенная Те-реем и превращенная богами в соловья; поэтич. – соловей.

Флегетон (греч.) – огненная река в Аиде.

Фурии (римск.) – богини мщения; греч. – эвмениды.

Хариты (греч.) – богини красоты, радости, олицетворение женской прелести; римск. – Грации.

Цербер (греч. и римск.) – трехголовый пес, охраняющий вход в Аид.

Церера (римск.) – богиня жизни, плодов, земледелия.

Цирцея (греч.) – обольстительная и жестокая волшебница в «Одиссее» Гомера.

Цитера (греч.) – остров, где существовал культ Афродиты.

Эвмениды (греч.) – богини мщения, эринии; римск. – фурии.

Эвоэ – восклицание в честь Диониса (Вакха).

Эвр (греч.) – теплый восточный ветер.

Эгида (греч.) – щит Зевса, сделанный из шкуры Амальтеи, к которому для устрашения прикреплена голова Медузы-Горгоны, всех смотревших на нее обращавшая в камень; также – символ грозовой тучи.

Элизий (греч.) – см. Елисейские жилища.

Эней (греч.) – герой Троянской войны, возглавивший троянцев в их скитаниях, последовавших за поражением; вынес из горящей Трои на своих плечах старика отца и малолетнего сына. Герой «Энеиды» Вергилия.

Энкелад (греч.) – великан, заключенный Зевсом под вулканом Этна.

Эпидавр (греч.) – город, в котором был воздвигнут храм бога врачевания Асклепия (Эскулапа).

Эрата (греч.) – муза любовной поэзии.

Эреб (греч.) – область Аида.

Эригона (греч.) – дочь Икария, наученного Дионисом (Вакхом) виноделию; она повесилась возле могилы отца, убитого соседями, которые решили, что он отравил отведавших вина пастухов. В ее память устраивались празднества.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий сборник является полным собранием стихотворений К. Н. Батюшкова. Первая его часть сохраняет структуру второго тома «Опытов в стихах и прозе» (1817) с учетом тех поправок, которые намеревался внести автор при переиздании. Стихотворения, не вошедшие в «Опыты», располагаются по аналогичному с ними жанровому принципу с соблюдением хронологии внутри каждого раздела. В работе над текстом и примечаниями использованы следующие издания: Батюшков К. Н. Сочинения. М.–Л., Academia, 1934 (подготовлено Д. Д. Благим); Б а т ю ш к о в К, Н. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. М.–Л., Советский писатель, 1964 (подготовлено Н. В. Фридманом); Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Литературные памятники. М., Наука, 1977 (подготовлено И. М. Семенко); Батюшков К. Н. Сочинения. Архангельск, Северо-западное кн. изд-во, 1979 (подготовлено В. В. Гурой и В. А. Кошелевым); Батюшков К. Н. Нечто о поэте и поэзии. М., Современник, 1985 (подготовлено В. А. Кошелевым).

В отступление от принятой орфографии там, где это представляется особенно важным по смыслу, мы возвращаемся к написанию имен мифологических (Гений, Музы, Хариты и пр.) с прописной буквы. Возникающее в результате нарушение единообразия кажется тем более допустимым, что оно не соблюдалось неукоснительно в ту эпоху. Такого же рода реставрация проведена в ряде случаев с окончаниями прилагательных и особенно там, где предшествующее редакторское вмешательство влекло за собой нарушение рифмы, смысла или было вовсе неоправданным.

Примечания

1

...И как горный и быстрый поток,

Как яркая вспышка молнии

В ясной ночи,

Как дуновение ветра или дым или как внезапная стрела,

Проносится наша слава: и каждая почесть

Похожа на хрупкий цветок!

На что надеешься или чего ждешь теперь?

После триумфа и пальмовых ветвей

Одно осталось душе –

Горе, и жалобы, и слезные пени.

Что пользы отныне в дружбе, что пользы в любви!

О слезы! о скорбь!

«Торрисмондо». Траг<едия> Т. Тассо (ит.).

2

Здесь лежат кости Торквато Тассо (лат.).

3

Души усопших – не призрак: смертью не все кончается:

Бледная тень ускользает, победив костер.

Пропер<ций> (лат.).

4

В своем самом прекрасном, самом цветущем возрасте...

...и живой, и прекрасной на небо возшла.

Петрарка (ит.).

5

Душевное спокойствие. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

6

Блажен смертный, который, неведомый миру,

живет, довольный самим собой, в укромном уголке,

Которому любовь к тому тлену, что зовется славой,

Никогда не кружила головы своим суетным угаром... (фр.)

7

Что вижу я, все кончено; я тебя обнимаю, и ты умираешь

Вольтер (фр.)

8

В прекрасном теле прекраснейшая душа (ит.).

9

Дарование поэта и актрисы. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

10

Сонет «Rotta e l'alta colonna del verde lauro...». (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

11

Девушка подобна розе (ит.).

12

Сие послание предположено было напечатать в заглавии перевода «Освобожденного Иерусалима». (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

13

Кажется, до сих пор у нас нет перевода Тассовых творений в стихах. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

14

Торквато был жертвою любви и зависти. Всем любителям словесности известна жизнь его. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

15

Тасс десяти лет от роду писал стихи и, будучи принужден бежать из Неаполя с отцом своим, сравнивал себя с молодым Асканием. До тридцатилетнего возраста кончил он бессмертную поэму Иерусалима, написал «Аминту», много рассуждений о словесности и пр. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

16

Gli occhi tuoi pagheran...

Di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.

La Gierusalemme. Canto XII.

(За каждую каплю этой крови твои глаза заплатят морем слез.)

«Иерусалим». Песнь XII (ит.).

17

Здесь нескольких стихов недостает. (Примеч. П. А. Вяземского.)

18

Освистывайте меня без стеснения, я вам отвечу тем же, братья мои.

Вольтер (фр.).

19

Моя Муза, осмотрительная и осторожная,

умеет, высмеивая поэта, не затронуть чести человека.

Б у а л о (фр.)

20

Полустишие, взятое из прекрасного сочинения Мерзлякова «Тень Кукова», которое никто не понимает. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

21

Г. Мерзляков продолжал, как видно, Душеньку, если неудачно, то пространно. Амур у него на 70 страницах плачет. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

22

Свидетельствуюсь московскими журналами. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

23

Аглая, несчастная Грация, вовсе не дева, а журн<ал> кн. Шаликова. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

24

Этот стих слово в слово г. Боброва, я ничего не хочу присваивать. (Примеч. К. Я. Батюшкова.)

25

В «Езде на остров любви» истолкована блудная усмешка. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

26

Он познакомился с духами через «Почту». (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

27

Нужно ли быть столь мимолетным? – сказал я сладостному наслаждению (фр.).

28

Всем известна участь Марсия. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

29

Она представляла Психею в славном балете «Амур и Психея». (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

30

Филомела и Прогна – дочери Пандиона. Терей, супруг последней, влюбился в Филомелу, заключил ее в замок, во фракии находящийся, обесчестил и отрезал язык. Боги, сжалившись над участию несчастных сестер, превратили Филомелу в соловья, а Прогну – в ласточку. (Примеч. К. Н. Батюшкова.)

31

экспромт (фр.).

32

Стихотворения. К. Н. Батюшков batyushkov.ru

«Поэтическая Галлия» (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://batyushkov.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!